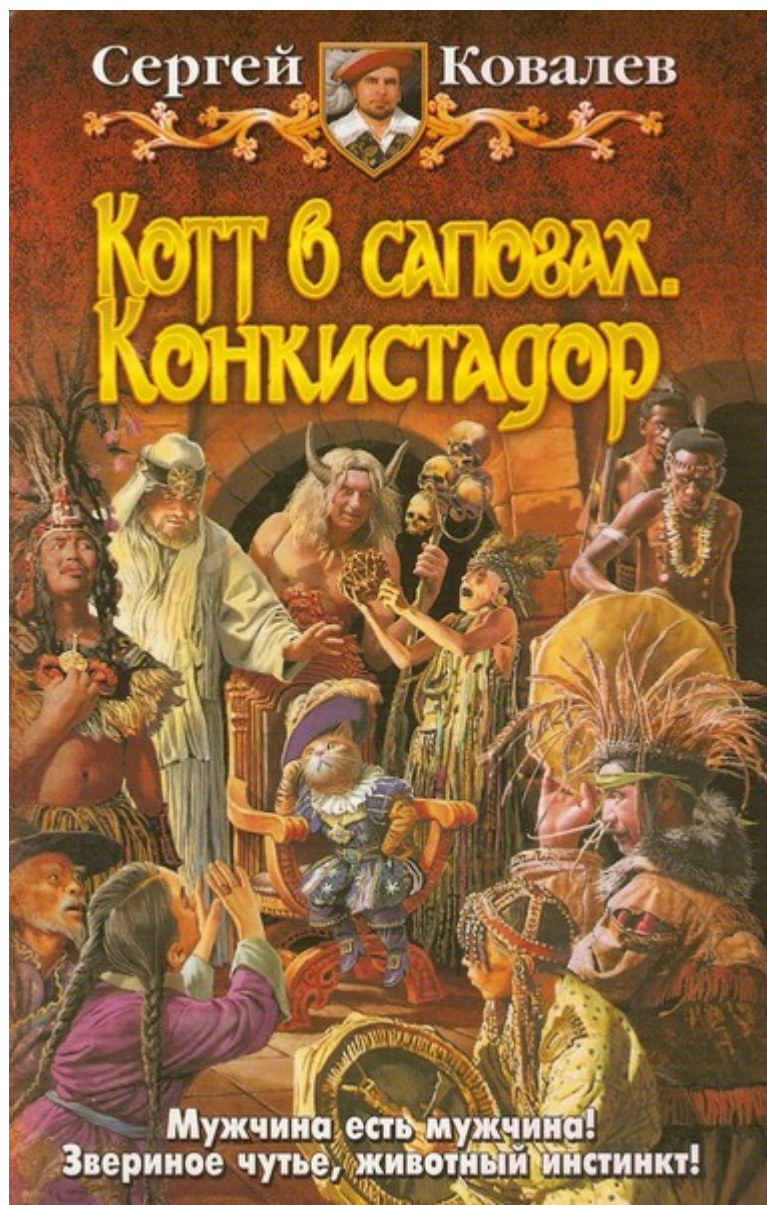

Сергей Ковалев
Котт в сапогах. Конкистадор.

Котт в сапогах. – 2

«Котт в сапогах. Конкистадор.»: АРМАДА АЛЬФА-КНИГА; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0295-3

Аннотация

Бывший капитан ландскнехтов Конрад фон Котт, а ныне Личный шпион Короны, все еще безуспешно пытается вернуть себе человеческий облик. Он договаривается со своим врагом, зловредным магом Морганом Мордауном, превращенным в крысу, и вместе они отправляются в Южную Америку за средством от заклятия. В процессе поисков отважные компаньоны то и дело впутываются в разные нелепые и опасные истории, из которых выходят невредимыми благодаря и собственному упорству, и помощи друзей.

Сергей Ковалев

Котт в сапогах. Конкистадор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти год прошел с тех незабываемых событий, что привели на трон короля Андрэ Первого Могучего. Страну, как обычно бывает при радикальной смене власти, некоторое время лихорадило, и ваш покорный слуга приложил немало сил, дабы этот период как можно быстрее закончился. Скажу без лишней скромности, успехи Полицейского Управления и Тайной Канцелярии в водворении мира и спокойствия в Гремзольде таковы во многом благодаря мне,.. Я вижу, многие из вас недоверчиво пожимают плечами. Вам кажется, что от какого-то там кота, пусть даже и говорящего, мало что зависит в таких серьезных вопросах, как безопасность королевства? Смею заверить, что вы глубоко заблуждаетесь! К сожалению, в то время мне было не до записей. А память в последнее время стала часто подводить меня — все-таки маленькая кошачья голова не особо приспособлена для человеческого разума. Так что мне не удастся развлечь вас подробным описанием той тяжелой работы и тех многочисленных подвигов, которые я — Густав Конрад Генрих Мария фон Котт — совершил на службе у Короны. Увы, память подводит меня...

Заметив эту печальную тенденцию, я и взялся вести подробный дневник, в который заносил все существенные события, происходившие со мной и значимыми для меня людьми. Благодаря этому дневнику я смогу сегодня порадовать вас рассказом о преудивительном, полном опасностей и приключений путешествии в Южную Америку, которое мы с нашим добрым королем, придворным магом и еще несколькими спутниками совершили недавно. Да и в памяти моей те события отложились гораздо прочнее других. Как выразился наш простодуш... гм... прямолинейный монарх — фиг такое забудешь!

Итак, обратимся к дневнику.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой приводится разговор двоих друзей, имевший очень серьезные последствия для обоих, о чем они в тот момент и не догадывались

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 5 мая 16... г. от Р.Х.*

Величайшим благом считаю я друзей. Ибо они есть отрада нам в дни радости и поддержка и утешение в дни скорби. Так, ежедневно посещает меня в моей башне Гай Светоний Транквилл, мудрейший философ среди всех петухов, которых я знал, неся успокоение моей растревоженной душе и яс позволяя впасть в уныние.

— Сам ты животное! — Я с трудом заставил себя спрятать копи.— Тоже мне друг называется!

— Я не животное, я птица,— резонно возразил Транквилл.— И я тебе настоящий друг, потому и воспользуюсь привилегией настоящего друга...

— Портить настроение?

— Нет, говорить правду. Даже если это горькая правда. Знаешь ли, лекарства обычно бывают именно горькими.

— И от чего ты меня собрался лечить?

— От тебя самого. Ты сам себе злая лихорадка, Ко-ко-конрад.

Я тоскливо вздохнул и демонстративно закатил глаза, давая понять, как сильно меня достали нравоучения петуха. Гай Светоний Транквилл и раньше-то отличался изрядной занудностью, а с тех пор как получил титул Личного Петуха его величества, стал просто невыносим. Поначалу он пытался воспитывать остальных обитателей королевского

птичника, но добился лишь того, что скворцы, канарейки, попугаи и павлины сговорились и устроили ему знатную взбучку. Неугомонный петух повторил эксперимент на конюшне, и только вмешательство моей лошади Иголки, хорошо знавшей петуха в прежние времена, спасло его от неизбежной гибели под копытами. Не соваться на псарню у Гая Светония хватило своих куриных мозгов. Зато теперь он регулярно навещается в мои апартаменты и клюет мою печень. В переносном, конечно, смысле, но так старательно, что в последнее время я проникся искренним сочувствием к Прометею.

— Ты, как всегда, не дослушал меня! — продолжал между тем Транквилл. — А ведь мои слова вовсе не относились к твоей нынешней физической оболочке. Впрочем, чего еще ждать от человека! Ты все воспринимаешь слишком прямолинейно и буквально. Никако-кой способности к абстрактному мышлению.

— Гай, у меня и так голова болит! Если ты будешь и дальше нудить, либо она взорвется, либо я тебя за-грызу!

— Вот! — обрадовался петух моему признанию. — А почему она у тебя болит?

— Ну... перебрал вчера валерьяновой настойки. — Воспоминание о вчерашнем дебоше неприятно отдалось в черепе. И одновременно подвигло меня к деятельности. — Надо поправить здоровье. Где-то у меня оставалось еще полпузырька.

— Об этом я и говорю, — грустно констатировал петух. — Ты уже с ко-ко-кошачьей мяты перешел на валерьянку. Ты лижешь ее каждый день. Начинаешь прямо с утра и потом весь день ничего не соображаешь!

— Я? Я все прекрасно соображаю! — От возмущения у меня опять сами собой вылезли когти. — Подумаешь, немного валерьянки! Она помогает мне думать!

— О чем это? — ядовито проскрипел петух. — О чем тако-ко-ком ты думаешь? Поделись со старым другом!

— Я... это... О многом я думаю! Я же не просто так — я, как тебе известно, личный шпион ее величества. Мне приходится много размышлять над раскрытием заговоров и преступлений. Это тяжелый труд, мне необходимо расслабиться.

— И что за преступления ты раскрыл? — как-то подозрительно миролюбиво спросил Транквилл.

— Ну... Вот, например, придворные готовили заговор против Короны. — Я невольно выпятил грудь. Этим расследованием можно было гордиться по праву. — Несколько царедворцев, недовольных правлением королевы Анны, собирались устроить государственный переворот. Они прорыли туннель из канализации в подвал кондитерской, мимо которой должны были проследовать в открытой карете король, королева и посол с Ниппонских островов. В подвале спряталась группа специально обученных экстремистов-добровольцев. В тот момент, когда карста проезжала бы мимо кондитерской, они должны были выскочить и закидать пассажиров кремовыми тортами, пирожными и прочим кондитерским товаром. Заговорщики рассчитывали, что гордый самурай после такого публичного позора обязательно сделает себе хакири что приведет к неизбежному международному скандалу и безнадежно подорвет авторитет королевской четы. Тогда можно было бы поставить вопрос о соответствии королевы, и особенно короля, занимаемой должности. К счастью, мои агенты из числа мышей своевременно донесли о странных людях, прокопавших «огромную нору» из канализации в подвал кондитерской. Я побывал на месте готовящегося преступления, выследил заговорщиков и все доложил королеве. Господин Ле Мортэ, — ну, ты знаешь, начальник Тайной Канцелярии, — следующим утром арестовал всех заговорщиков, и попытка переворота была сорвана.

— Замечательно! — демонстративно похлопал крыльями петух. — Только это было, если память мне не изменяет, два или даже три месяца назад.

— Да? — Я задумчиво почесал за ухом. — Ну вот еще было дело, недавно. В лесах к западу от столицы появилась банда под предводительством очень наглого и умелого атамана по кличке Джон из Лохвуда. Из этого самого Лохвуда сроду ничего стоящего не выходило — народец там традиционно ленивый и темный, — но Джон уродился настоящим гением

воинского искусства. Шерифы нескольких городов, в окрестностях которых безобразничала банда Джона, выслали против него целую армию, так он не только легко рассеял впятеро превосходящие силы, но и сам захватил один из этих городов. Потом занял несколько сел, собрал пополнение и взял штурмом еще два города. Тут уж королева забеспокоилась — этот Джон заявил, что собирается основать собственное, «истинно народное» королевство. Надо было раз и навсегда решить вопрос с сепаратистами, но посылать войско королева опасалась — слишком талантливым полководцем зарекомендовал себя Джон из Лохвуда, а у нас на тот момент не было даже самого завалящего. Тогда Анна послала меня. Я ведь идеальный лазутчик, кто заподозрит шпиона в бродячем коте? Даже те, кто слышал про меня, никогда не подумают, что Лучший Друг королевской семьи и грязный бродячий кот, пробирающийся в захваченный разбойниками город, — одно лицо,.. гм... одна морда? Ну да неважно! Так вот, эту проблему тоже я решил.

— Погоди, погоди... — заинтересованно прокудахтал петух. — Что-то я не помню никакого суда над Джоном из Лохвуда!

— А его и не судили.

— Ты что же, просто убил его?!

— Какой ты все-таки кровожадный, Гай Светоний! — с удовольствием попенял я петуху. — А еще птичкой божьей прикидываешься! Никого я не убивал. Просто провел с Джоном разъяснительную беседу о вреде сепаратизма. Объяснил, что тем же захваченным городам и селам трудно будет прожить без торговли с внешним миром, а изоляцию им королева обеспечит. И даже если ему удастся захватить все королевство — что, прямо скажем, маловероятно, — он будет иметь большие проблемы со стороны желающих оспорить его право на власть. Наиболее вероятный же вариант — растаскивание его «народного королевства» по кусочкам соседними государствами. Хотя, признаюсь, я ему все-таки намекнул, что мне или любому из моих агентов — например, гадюке — не составит труда навестить его еще раз, если он будет упорствовать в своих сепаратистских заблуждениях. Джон оказался сообразительным малым и с радостью принял альтернативное предложение Анны.

— Како-ко-кое предложение?

— А ты помнишь, в столицу прибыл блестящий вельможа из далекой Германии, давний друг короля? Он еще вскоре стал главнокомандующим нашей армии, а сама армия значительно выросла за счет неожиданно нахлынувшей волны добровольцев, хорошо стреляющих из лука.

— Это он?! Наш главнокомандующий — бывший разбойник?!

— А что такого? Не забывай, наш добрый король еще год назад сам промышлял с дубинкой на дороге,

— Ну для короля-то это нормально. Они все равно все разбойники по сути... Но, Конрад, это было в феврале! А сейчас май!

— Да? — Я равнодушно пожал плечами. — Ну и что?

— А то, что ты перечисляешь давние заслуги. Очень давние! Ты уже несколько месяцев только пьянствуешь!

— Ну и что? Просто временный застой в делах...

— Черта с два! В этом королевстве никогда не бывает спокойно. Даже до птичника доходят тревожные новости. Ле Мортэ и его ко-команда не справляются, а ты дрыхнешь на своем чердаке.

— Брось! Анна прекрасно справится со всеми врагами самостоятельно. Будем смотреть правде в глаза — должность она мне придумала, просто чтобы я не чувствовал себя нахлебником.

— Ты готов оставить ее один на один с врагами?

— У нее и без меня хватает помощников...

— Помощников, а не друзей! Сам знаешь, какое положение в ко-королевстве. Доверять Анна может всего нескольким людям... ну и тебе.

— Спасибо, я помню, что ты назвал меня животным!

— Я же говорю, это было сказано образно! Ты живешь как животное! Когда ты последний раз убирался в этой дыре?

— Это не дыра! — обиделся я за свое жилище. — Я же сто раз объяснял — мне здесь удобнее, чем в человеческих хоробах. И проще встречаться с агентами.

— И можно не убираться, — продолжал путь свою линию петух. — У нас в птичнике и то чище!

— Еще бы! У вас там слуги убираются...

— Ты сам никого не пускаешь на свой чердак!

— Я... я не хочу никого видеть. — Петух продолжал сверлить меня взглядом, и я сдался. — Ладно. Ты прав. Я не хочу, чтобы меня кто-то видел. Доволен?

— Я не для удовольствия добивался от тебя правды, — развел крыльями Транквилл. — Я хотел, чтобы ты сам посмотрел правде в глаза.

— Считай, ты своего добился. Посмотрел я правде в глаза. Как и ожидалось, ничего хорошего не увидел. Да, я прячусь от людей, спиваюсь — все верно. Мне тошно быть котом, я не могу больше так жить. Вот она — правда. Я посмотрел ей в глаза и даже признался в этом тебе. Что, кому-то от этого стало лучше? Я напиваюсь потому, что мне так легче. Ты можешь посоветовать что-то лучшее?

— Ну... — Петух выглядел смущенным. — Я же не хотел. Я просто... ты не должен терять надежду! Подумай хотя бы о Коллет! Каково ей?!

— Ей?.. Не знаю.

В первые месяцы после возвращения в Бублинг мы с Коллет развили бурную деятельность, пытаюсь найти способ вернуть мне человеческий облик. Я тогда только начал создавать агентурную сеть из птиц, мышей и прочих зверей, язык которых понимал благодаря заклятию, и главной целью этой сети было вовсе не служение Короне. Признаюсь, меня гораздо больше интересовало, где прячется от мирских соблазнов мэтр Бахус-Ботре. Увы, даже перелетные птицы ничего не слыхали о пьянице-маге.

Коллет не менее упорно вела поиски мэтра Бахуса при помощи магических средств, параллельно пытаюсь освоить его магию и найти противоядие от собственного колдовства. Увы, хоть мне и были непонятны тонкости магического искусства, результат был очевиден — по всем трем направлениям никакого прогресса не наблюдалось. Вернее, прогресс наблюдался, но только для самой Коллет как мага. Это стало особенно очевидно, когда, отчаявшись самостоятельно найти средство, она организовала в Бублинге всемирный конгресс магов. Вернее, это официально так называлось — конгресс магов. На самом деле по просьбе Коллет королева устроила что-то вроде конкурса — тому, кто придумает способ расколдовать меня, обещана была немалая сумма. Коллет позаботилась, чтобы о награде узнали в самых отдаленных уголках цивилизованного мира. Судя по разношерстной толпе, собравшейся вскоре во дворце, за границами цивилизованного мира о награде тоже узнали. Целый месяц по дворцу шастали разномастные маги в самых причудливых нарядах, пугая слуг и придворных плащами и коронами из птичьих перьев, ожерельями из зубов я посохами, увенчанными черепами, руками мумий и прочей жуткой гадостью. Особенно поразил мое воображение один маг, прибывший неизвестно откуда на летающем ковре. Поразил он меня, впрочем, не способом прибытия, а тем, что не понимал ни одного из известных в королевстве языков, сам же разговаривал на языке, которого не понимал никто из собравшихся магов. Для меня так и осталось загадкой, как он при всем при этом узнал о награде. Впрочем, возможно, он ни о каком конгрессе и ни о каком конкурсе не подозревал — у меня сложилось впечатление, что он не совсем понимает, куда попал. Меня этот странный маг, правда, тщательно осмотрел вместе с остальными и даже попытался что-то наколдовать — безрезультатно.

Увы, во и старания остальных магов также остались безуспешными, если не считать, что моя шерсть местами стала ярко-зеленого цвета и оставалась таковой почти неделю после окончания конгресса. Маги также оказались неспособны перемещать людей во времени, и

даже сама идея такого перемещения представлялась им бредовой. Нас с Коллет, конечно, не обвинили напрямую во лжи, но осторожно высказали мнение, что я ведь мог и ошибиться, считая, что разговаривал с мэтром Бахусом тридцать первого октября. В конце концов, я ведь и сам точно не знал числа, а стражник, который мне его сообщил, мог и напутать. Магов не удалось переубедить, даже сославшись на толпу актеров, ожидавших ночь Хеллоуина перед дворцом Пусия Первого. Общий настрой конгресса случайно сформулировал один из магов, обронивший замечательную фразу: «События, о которых вы рассказываете, противоречат всем признанным теориям магии. Значит, их просто не могло быть! В итоге Коллет разругалась с коллегами, обозвала их всех твердолобыми баранами и вызвала скопом на магический поединок. Согласились всего шесть магов, которых девушка поочередно и повергла — каждого новым способом. Это доказало ее очевидное превосходство в магии над остальными участниками конгресса и с такой же очевидностью показало — если уж она не может найти выхода, то на остальных рассчитывать вообще не стоит.

Постепенно и у меня, и у Коллет поубавилось энтузиазма и веры в благополучный исход. А потом я начал чувствовать, что мое общество тяготит девушку. Не хотелось произносить это слово — тяготит, во... как бы ни относилась ко мне Коллет, постоянно иметь перед глазами живой упрек — такое мало кто выдержит. Нет, она, конечно, не пыталась меня избегать, наоборот, сама постоянно приглашала вечером заходить в ее кабинет — посидеть за бокалом вина, «вспомнить старые добрые времена». Но она просто слишком молода и не понимает, что чувство вины постепенно разрушит даже самую крепкую привязанность, на смену ей однажды придет равнодушие, а потом и ненависть. Потому я сам постарался лишний раз не попадаться на глаза моей любимой ведьме. Либо одному из нас удастся найти выход и все наладится, либо не стоит портить девчонке жизнь,

Пока еще Коллет продолжала упорно искать решение, почти каждую ночь я слышал, как она работает в своем кабинете. Но это не может продолжаться бесконечно — все-таки она живой человек, молодая, красивая девушка. Я знаю, что некий благородный кавалер из придворных воспылил к ведьме нежными чувствами и, надо признать, ведет осаду ее сердца неутомимо и искусно — ежедневно шлет цветы, приглашает на балы и прочие увеселительные события, постоянно осыпает комплиментами и знаками внимания. Самое же грустное то, что Коллет не рассказала мне о нем. Я узнал случайно — проклятая шпионская должность! даже то, про что знать не хочешь, все равно становится известным! Но раз девушка решила не рассказывать мне о нем, значит, понимает — меня это расстроит. А значит, это что-то более серьезное, чем просто легкий флирт.

Да, мне грустно, но не более того. А ведь раньше я вызвал бы соперника на дуэль! Пусть сейчас я этого не могу сделать физически, но ведь мне этого и не хочется! Сам этот факт говорит о происшедших во мне изменениях больше, чем шкура кота. Во мне все меньше и меньше от человека.

Я посмотрел на пылящиеся в углу чердака сапоги.

Когда я их в последний раз надевал?

Не помню...

— Так и будешь киснуть в одиночестве, обижаясь на весь мир? — Транквилл сердито тряхнул гребнем. — Ко-ко-конрад, я тебя не узнаю!

— Я сам себя не узнаю, Гай. Похоже, кошачья голова не рассчитана на человеческие мозги. Вот я и становлюсь постепенно котом. Обычным ленивым, глуповатым котом.

— Перестань! Ты меня пугаешь! Транквилл нервно прошелся взад-вперед, оставляя на пыльном полу следы от шпор. — Ты должен бороться. Хотя бы не ради себя, ради Ко-ко-коллет. Что бы ты там ни думал, она тебя любит, В тебе слишком много человеческого, потому ты много думаешь. А мы — птицы и звери — это просто чувствуем. Ей будет очень плохо, если ты сдашься.

— Ты уверен?

— Я? Уверен! Так что хватит валяться! Приведи себя в порядок и спускайся в парадный зал.

— Это еще зачем?

— Ну вообще-то сегодня первая пятница мая, во дворце день Открытых дверей.

— Иезус Мария! Я совершенно перестал следить за календарем,— вынужден был признаться я.— Впрочем, мое присутствие вовсе не обязательно,

— Не обязательно, но желательно,— наставительно поднял к небу кончик крыла петух.— Ко-ко-королева тебе, ко-конечно, обязана по гроб жизни, но совсем уж наглеть не стоит.

Я машинально кивнул. Конечно, меня не вышвырнут из дворца, даже если я совсем перестану заниматься сыском. В конце концов, невелик расход для казны — содержать еще одного придворного дармоеда. Но именно таким придворным я меньше всего хотел быть. Потомку благородного рода фон Коттов не пристало жить из милости!

«О чем ты говоришь? А последние месяцы ты жил как?»

«Это была временная слабость!»

«Ничего себе временная! Три месяца, ландскнехт! Три месяца безделья и жалости к себе!»

Разозлившись на себя, я почувствовал, как уходит апатия, владевшая мною последнее время. Черт возьми! да Что со мной, в самом деле, происходит? Ну да, я получил от судьбы хороший удар под дых. Встать после такого тяжело. Но человек остается человеком, пока может заставить себя вставать снова и снова, даже когда это кажется невозможным.

— Ты прав, Гай. — Я стер с зеркала в углу толстый слой пыли и критическим оком осмотрел себя. Пожал плечами — все равно непонятно, Что значит для кота хорошо или плохо выглядеть. Буду исходить из того, что и остальные не знают. А вот сапоги стоит почистить.

В результате я почистил не только сапоги, но и камзол, когда-то перешитый для меня доброй ведьмой Мэрион. Проклятье! Я ведь так и не выполнил обещание навестить ее и Фредерика! Впрочем, я много каких обещаний не выполнил. Пора брать себя в руки.

В одежде и сапожках я вполне мог сойти за карлика и не привлекать особого внимания. Окончательно скрыв кошачью морду высоко повязанным шарфом и надвинутой на глаза шляпой, я повернулся к Транквиллу:

— Ну как я выгляжу?

— Как настоящий урод.

— Замечательно! — рассмеялся я.— Значит, в толпе придворных я не буду выделяться.

— Ко-ко-капитан! — растроганно прокудахтал петух.— Ты вернулся!

— Да. И пора об этом поставить в известность врагов Короны... И, Транквилл... Спасибо!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой описывается церемония Дня Открытых Дверей во дворце, в итоге которой благородный Конрад фон Котт узнает кое-что, вызвавшее для чего серьезные последствия

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 5 мая 16... г. от Р. Х*

В то утро во дворец стекались толпы добрых граждан королевства, дабы увидеть воочию, как вершится справедливость. Или просто поглазеть на короля и королеву. И право, во дворце есть на что посмотреть! Величественна и прекрасна королева Анна Четвертая Премудрая, а наш король благороден и великодушен. Мудрейшие сановники всегда рады послужить вящей пользе государства, чиновники старательны и бескорыстны, а подданные — трудолюбивы. Ни один проситель не покинет дворец без того, чтобы его просьбу не выслушали и — по возможности — удовлетворили.

Примечание на полях. Архиважно! Не забыть! Обязательно поставить замок на дверь!

Легенды рассказывают, что когда-то давно королевство Гремзольд было основано

выходцами из распадавшейся Римской империи — чуть ли не потомками беглых римских императоров. Конечно, мало-мальски образованному человеку ясно, что это глупые сказки хотя бы уже потому, что никаких «беглых римских императоров» история Рима не знает. Смещенных знает, зарезанных и отравленных — тоже. А вот беглых — нет, как-то не принято это было в Риме. На самом деле Гремзольд основал безземельный рыцарь-разбойник Урюк-Урукхай, про которого известно только, что прибыл он в эти земли откуда-то из снежных степей на самом востоке цивилизованного мира. Прибыл он, судя по прижизненным портретам, на кривоногой лохматой лошадке, больше напоминающей английских пони, чем благородного рыцарского коня, и вооруженный лишь луком да кривым сарацинским мечом. Так что вполне возможно, что слово «рыцарь» в его титуле появилось гораздо позже, благодаря придворным историкам. Скудность экипировки и полное незнание цивилизованных языков и местных обычаев не помешали сэру Урюку уже через пару лет собрать под свои знамена весь местный сброд, способный держать в руках оружие, и завоевать пусть маленькое, зато свое королевство. Соответственно с этого знаменательного момента рыцарь-разбойник стал именоваться вашим величеством, а вооруженный сброд — те, кто выжил, — рыцарями Короны.

Кроме мохнатого пони из родных пенатов будущий король привез невиданное дотоле в этих местах блюдо из разваренных овощей и жареного свиного сала, называемое «боржч», бескомпромиссное по воздействию на неокрепшие умы свекольное вино «первач» и идеи демократии. С тех легендарных времен многое изменилось. Неприхотливые и неимоверно выносливые лошадки прижились, как и сытный «боржч» с убойным «первачом». А вот идеи демократии претерпели известную трансформацию — кстати, еще при короле Урукхасе Справедливом, который хоть и был восточным варваром, но дураком точно не был. Собственно, от тех идей, которыми он когда-то вдохновил соратников на завоевание королевства, осталась одна — каждый подданный раз в месяц мог высказать королю все накопившиеся претензии. В первые годы правления короля Урукхася Справедливого претензии высказывались на площади перед замком — в прямой видимости плахи со скучающим палачом. Традиция эта так укрепила верноподданнические настроения в народе, что со временем претензии к правителю как-то сами собой иссякли и подданные стали приходить раз в месяц на площадь, чтобы высказать свои претензии к менее непогрешимым личностям — соседям, родственникам, конкурентам по бизнесу и прочему невенценосному люду. После безвременной кончины Урукхася Справедливого (на девяностом году жизни он покончил с собой сорока ударами секир, мечей и копий) те немногие его наследники, что сумели уцелеть в процессе самоубийства патриарха, постепенно вырождались и мельчали. Из-за этого ежемесячные встречи с подданными в конце концов перенесли с продуваемой всеми ветрами площади в большой и теплый зал дворца. Поскольку в этот день двери оставались открытыми до самого заката, его переименовали из Дня Неудачников в День Открытых Дверей.

То, что в нынешние времена ДОД проводился внутри дворца, здорово облегчало работу мне и людям схожих профессий. Я с комфортом расположился за ширмой, вполне успешно имитирующей часть дворцовой стены, — если не знать заранее, и не догадаешься. Немедленно появился паж с блюдом, наполненным мелкими жареными рыбками.

Из-за перегородки потянуло чесноком.

— Доброго дня, ваше преосвященство! — вежливо поздоровался я с кардиналом Пузорини. — Вы, я чувствую, все так же упорно не верите, что сухарики с чесноком вредят вашей фигуре?

— Ах, заблудший сын мой! — раздался из-за перегородки жизнерадостный голос, совершенно не вяжущийся со скорбными словами. — Что есть тело человеческое? Не более чем прах перед лицом бессмертия души. Так какая разница, был ли этот прах строен, как кипарис, или тучен, как стада фараона египетского до его недалековидной размолвки с Моисеем? К тому же, если мой нос меня не обманывает, ты и сам не изменил своей привычке баловать грешную плоть жареными красноперками?

— Ну... я же известный грешник! — усмехнулся я, устраиваясь на диванчике.

— В смирении истинная праведность! — нравоучительно сообщил из-за перегородки кардинал, смачно похрустывая сухарями.— Не пристало и мне претендовать на безгрешность. Не так ли, друг Герхард?

— Вы все шутите, ваше преосвященство,— неодобрительно отозвался из-за следующей ширмы Ле Мортэ.— А между тем в вашем ближайшем окружении готовится покушение на вас. Я еще две недели назад отправил вам доклад, но, судя по тому, что никаких мер принято не было, ваш секретарь также входит в число заговорщиков.

— Это вы про Марка Душана и Джузеппе Тупоззи? Читал, читал я ваш доклад. Но, право слово, вы слишком уж серьезно относитесь к вполне естественным карьерным устремлениям молодежи. Я давно знаю про этот их «заговор».

— И ничего не предпринимаете? — Возмущению начальника Тайной Канцелярии не было предела.

— И ничего не предпринимаю,— невозмутимо подтвердил Пузорини. — Джузеппе слишком наивен, наказывать его — тогда уж наказывать и Марка, втянувшего глупого мальчишку в эту историю. А Марка я сейчас наказывать не хочу. Он молод, но умен и амбициозен. Ах! Он так напоминает меня самого много лет назад! Если его энергию аккуратно направить в нужное русло, через несколько лет он вполне сможет стать мне достойной сменой.

— Никак вы собрались на покой? — удивился Герхард.

— Ну что вью! Безделье — гибель для души. Просто к тому времени, я уверен, появится вакантное место в Риме. А мне не хотелось бы оставлять Анну и Андрэ без духовного наставления... Впрочем, это дела будущего, кои не следует обсуждать в присутствии шпиона Пусия Первого, что так беззастенчиво сыплет крошки от... мм... сдобного печенья на мою мантию.

— Я не шпион Пусия, я начальник Полицейского Управления! — раздался возмущенный голос откуда-то сверху.— Шпион Пусия Первого прячется справа от шпиона Бабрака Афиногейского, который в свою очередь прячется справа от господина Ле Мортэ...

— Господа, господа, ведите себя пристойно! — призвал к порядку начальник Тайной Канцелярии.— Церемония вот-вот начнется.

Я выглянул в специально прорезанное в ширме отверстие.

И действительно, на середину зала вышел церемониймейстер, остро напомнивший мне своим вычурным нарядом и огромным париком не к ночи помянутого Пусия Первого, Великолепного. Трижды ударив в пол увитым лентами жезлом, он важно произнес:

— Его величество король Андрэ Первый Могучий и ее величество королева Анна Четвертая Премудрая!

Стремительное изменение социального положения от бывшего батрака и разбойника до короля ничуть не изменило Андрэ. Он лишь немного раздобрел, благо теперь вечно голодному обжоре не приходилось заботиться о пропитании, а все повадки и даже наивное выражение лица остались прежними. Что же до Анны, то она изменилась, хотя, казалось бы, перемена ее положения была не столь сильна, как у супруга. Но острое кошачье зрение позволило мне разглядеть и устало опущенные уголки рта, и залегшие вокруг глаз морщинки. Я почувствовал укол совести — не так-то просто, похоже, дается королевское правление, поддержка верных... гм... людей совсем не помешает.

Королевская чета расположилась на тропе, Андрэ озабоченно огляделся, понял, где находится, и немедленно задремал. Анна благосклонно кивнула церемониймейстеру, и тот вновь трижды стукнул жезлом в пол

— Граф Ландульф Забугорный и граф Непомук Добугорный.

С разных концов зала к трону поспешно засеменили два почти одинаковых человечка — невысоких толстеньких старичка лет семидесяти, выглядевших тем не менее вполне бодро и даже воинственно. Перед троном они одновременно остановились, обменялись сердитыми взглядами, словно два бойцовых петуха перед схваткой, так же синхронно повернулись к

трону и поклонились.

— Ловко у них получается,— заметил я шепотом.

— Неудивительно, — немедленно отозвался его преосвященство.— Ритуал отработан, можно сказать, веками.

— Это как?

— А, ты же новичок при дворе... Эта тяжба длится чуть ли не с короля Урукхая. Когда-то давно он пожаловал двоим своим верным соратникам два соседних графства, разделенных лесом. Соратники были в дружеских отношениях, потому лес толком и не делили — каждый вырубал его в меру необходимости со своего края, а охотились оба где пожелают. В свой час каждый из них преставился, передан наследникам титулы и угодья, но — увы — не дружбу. Потомки начали делить лес и в общем поделили все, кроме холма, как назло оказавшегося прямо на границе угодий. Несколько поколений резались из-за этого никчемного бугра земли насмерть, пока с обеих сторон не осталось ровно по одному наследнику. То ли это были самые умные, то ли самые осторожные, но они решили продолжить вендетту мирными средствами и обратились к тогдашнему королю.

— И он посоветовал им разделить холм пополам,— догадался я.

— Ну вообще-то нет. Тогдашний король был не шибко грамотный,— хмыкнул кардинал.— Хотя, думаю, решение в духе царя Соломона вряд ли сработало бы в случае с неодушевленным предметом. Нет, король выслушал обоих просителей, и те так утомили его перечнем всех обид, реальных и вымышленных, что он просто прогнал их, велел больше не появляться при дворе. Жалобщики удалились, но потом сообразили — в День Открытых Дверей традиционно разрешено являться во дворец и просить справедливости кому угодно. Нельзя отказать даже преступнику, находящемуся вне закона,— если таковой, конечно, сумеет проникнуть во дворец невредимым. В первые годы они просто-таки изводили короля, регулярно являясь во дворец в начале каждого месяца. К счастью, графства обоих расположены далеко и со временем частота их появления стала снижаться, пока в конце концов не свелась к поездке в столицу раз в год. Король выслушивал их жалобу и снова прогонял. Когда умерли оба жалобщика — а, надо заметить, умерли они чуть ли не в один день, словно любящие супруги,— король вздохнул облегчением. Каково же было его изумление, когда в следующий же День Открытых Дверей ко двору явились их наследники с теми же претензиями. С тех пор так и повелось — меняются короли, меняются наследники, а тяжба продолжается. Правда, теперь, похоже, недолго осталось.

— Почему?

— У нынешних владельцев обоих графств нет наследников. Близких или дальних родственников тоже нет, — как мне показалось, с грустью произнес кардинал.— После их смерти земли вернутся к Короне и, я думаю, наша мудрая королева сама поделит пресловутый бугор, прежде чем пожаловать титулы кому-то. Вот так умирают старые добрые традиции.

Пока его преосвященство излагал мне эту удивительную историю, старички в зале успели закончить свои выступления, и Анна уже отослала обоих. Удалились непримиримые враги под ручку, о чем-то вполне мирно беседуя.

— Граф Балдуин фон Салбург и маркграф Йорик Окраинный.

На этот раз просители стояли в толпе рядом и подошли к трону вместе, правда стараясь друг на друга не глядеть. Граф фон Салбург производил приятное впечатление человека, крайне далекого от интриг, тяжб и бумажного крючкотворства. Лет ему было под пятьдесят, и когда-то наращенные регулярными воинскими упражнениями мышцы обросли изрядным жирком, от чего и без того немаленькая фигура графа выглядела еще солиднее. Вросшая в плечи голова облысела тем характерным образом, что выдает опытному глазу человека, большую часть жизни проводившего в шлеме. Бесхитростное лицо пересекал старый шрам.

Его оппонент выглядел пожиже во всех смыслах. И ростом он не вышел, да и тело имел рыхлое, скорее привычное к креслам и диванам чем к седлу или походному гамаку. Лицо у Йорика тем не менее было вполне приятное, несмотря на ту же рыхлость и вялое выражение

— словно граф не выспался. Впрочем, кто его знает, сколько он добирался сюда из своего приграничья.

— Это тоже какая-то уходящая корнями в прошлое тяжба? — поинтересовался я у кардинала.

— Не имею понятия. При дворе они раньше не появлялись.

— Тяжба вполне современная, — подал голос Ле Мортэ. — Но тоже довольно нелепая.

— О! Вы меня заинтриговали! — воскликнул Пузорини. — И в чем же суть?

— Дело в том, что маркграф Окраинный, как следует из его титула, владеет пограничными землями. А граничат они с Истошной Пустошью...

— Бедняга! — подал голос кто-то незнакомый. — Ой! Извините...

— Ну да, вот подданные его величества Бабрака прекрасно знают обитателей Пустоши. Тролли — крайне неприятные соседи, особенно когда у них неурожай брюквы.

— У них каждый год неурожай, — разоткровенничался осмелевший каджарский шпион. — Странно ожидать хорошего урожая, когда все полевые работы сводятся к тому, что в кое-как расковырянную папками землю бросают семена, после чего всем племенем ходят на поле мочиться. Даже это неприхотливое растение не выдерживает таких условий «выращивания». Урожая хватает едва на половину года, потом тролли начинают устраивать набеги на соседей..., на нас в том числе.

— Все примерно так, как рассказывает наш незваный гость из солнечной Каджарии, — подтвердил Ле Мортэ. — Мы тоже были вынуждены время от времени отражать набеги оголодавших троллей, а это, я вам скажу, очень утомительное и опасное занятие. Хотя идея оружия, к счастью, так и не нашла понимания в их среде, даже безоружный тролль представляет большую опасность.

— Надо же... — Я только удивленно покачал головой. — Я даже не предполагал, что тролли существуют где-то кроме сказок. Неужели безоружный тролль может справиться с вооруженным солдатом?

— Легко. И даже с несколькими. Поскольку вы давний друг нашего короля, возможно, вы в курсе одной истории из его детства. В ней еще фигурировали ворованный лес и безвременно почивший барон.

— А вы-то откуда ее знаете? — вздрогнул я.

В отдаленном прошлом Андрэ и его отец промышляли воровством строевого леса у какого-то барона. Прознав об этом, тот явился с отрядом стражников и весьма неосмотрительно возжелал покарать воров собственноручно. Перепуганный Андрэ, которому в ту пору было всего двенадцать лет, схватил бревно и стремительно присовокупил к титулу барона дополнение «покойный». А заодно уложил и часть стражников. Но я был уверен, что прошлое Андрэ надежно скрыто!

— Ну я все-таки руковожу Тайной Канцелярией. Не беспокойтесь, с нашей стороны я могу обещать маркизу д'Карабасу полную лояльность нашей организации. Так вот, представьте себе существо, превосходящее силой нашего дорогого монарха и не наделенное его миролюбием. Таковы тролли. Притом в набеги они отправляются всем племенем.

Я представил толпу разъяренных Андрэ, крушащую все на своем пути, и искренне посочувствовал пограничнику.

— Бедный Йорик!

— Ну маркграф с детства привык к сезонным набегам, к тому, что его родные и друзья постоянно воюют с троллями и редко доживают до старости. Война эта длится уже многие поколения, и все как-то свыклись с таким положением дел. Там у них все просто — коли родился мальчишкой, значит, с детства учишься владеть оружием, сражаешься с троллями, женишься как можно раньше и сразу заводешь детей — чтобы успели запомнить отца. Даже дети там рождаются стали, как рассказывают, сразу крепкими и выносливыми. Только вот Йорик родился вырожденком по общему тогдашнему убеждению. Слабым, не склонным к военному делу, мечтателем. Правда, необычно умным. Наблюдая за войной со стороны, он пришел к выводу, что люди проигрывают. Медленно, незаметно, но — проигрывают. Во

время набегов тролли разменивают одну жизнь на пять, а то и больше человеческих. А размножаются они гораздо быстрее людей. Граница удерживалась только за счет постоянного притока переселенцев из внутренних областей — там всегда есть свободные наделы земли, только сумей их защитить. После очередного набега, унесшего жизнь старшего брата, Йорик стал маркграфом и сразу отправился с посольством в ближайшее племя троллей.

— Что?! — Вопрос прозвучал сразу с нескольких сторон.

— Невероятная смелость! — пробурчал начальник Полицейского Управления. — А вы еще называли его трусом!

— Йорик и в самом деле немного трусоват, — благодушно ответил Герхард. — Но это умная трусость, правильное даже сказать — осторожность и трезвый расчет. Он все рассчитал и понял, что визит к троллям менее опасен, чем ожидание следующего набега. Рискнул и выиграл — заключил с племенем мирный договор,

— Мирный договор с троллями?! — вновь подал голос каджарский шпион. — Но это невозможно! Они слишком тупы!

— Тем не менее... Конечно, это трудно назвать полноценным договором, у троллей вообще нет такого понятия. Скорее это ближе к найму сезонных рабочих. Маркграф осенью отправляет в это племя несколько телег припасов, а племя защищает границы от своих сородичей из других племен. Поскольку у троллей сильная клановая вражда, подобные стычки для них — дело обычное. Просто им теперь не нужно устраивать набеги ради пропитания, и они защищают свою территорию весьма храбро.

— О, да этот юноша умен! — восхитился Пузорини.

— Да, но в чем тогда конфликт? — Я заглянул в глазок. Граф фон Салбург что-то горячо вещал, время от времени гулко ударяя себя кулаком в бочкообразную грудь. Прислушавшись, я почти ничего не понял — рыцарь щедро пересыпал речь именами святых, так что даже непонятно было, божится он или ругается.

— Сэр Балдуин — представитель вымирающей профессии, — не без ехидства прокомментировал Герхард. — Если только поиск приключений на свою бронированную задницу можно считать профессией. Он, видите ли, странствующий рыцарь. Побеждает разбойников и чудовищ, спасает принцесс. В общем, развлекается. С принцессами, нуждающимися в спасении, в последнее время как-то туго — если какая и попадет в переplet, тут же выстраивается целая очередь из желающих ее спасти героев. Доходит даже до поединков между спасателями. Да и сэр Балдуин уже староват для принцесс, ему в последнее время куда интереснее какое-нибудь чудовище затравить. Правда, с чудовищами ситуация еще хуже, чем с принцессами, они поумнее, научились хорошо скрываться, а что поглупее — тех другие герои давно истребили. А тут прямо под боком целая Пустошь, заселенная чудовищами... ну или почти чудовищами. Вот сэр Балдуин и возжелал совершить подвиг. А сэр Йорик его через свои владения не пропускает и вообще грозит посадить в темницу за браконьерство. Форменный скандал.

— У сэра Балдуина есть шанс победить тролля? — поинтересовался я.

— Ни малейшего! — не задумываясь, ответил Ле Мортэ. — Разве что подкрасться к спящему и убить одним ударом в сердце, чего он, естественно, делать не станет — такой поступок не соответствует рыцарскому кодексу. Но тролли — существа непредсказуемые. Вполне вероятно, что одной этой смехотворной попытки хватит, чтобы нарушить хрупкий мир... Да и сэра Балдуина как-то жалко. Он в целом неплохой человек, просто немного не от мира сего.

— Интересно, как поступит королева? — подумал я вслух. — Она, конечно, всегда руководствуется разумом, но ведь у неё дядя — странствующий рыцарь, любимый супруг — почти странствующий рыцарь...

— А вот она, кажется, приняла решение! Слушайте!

— Дорогой сэр Балдуин, — мягко произнесла Анна, очаровательно улыбаясь рыцарю. — Мы высоко ценим ваши подвиги и, разумеется, не станем препятствовать вам в

совершении очередного великого деяния...

Сэр Балдуин мгновенно расцвел от этих слов, в то время как сэр Йорик побледнел и даже, как мне показалось с моего наблюдательного пункта, слегка покачнулся. Да, тяжело бедолаге наблюдать, как из-за старого остолопа рушится с таким трудом заключенный мир. Но это он просто не знает нашу королеву!

Анна между тем изобразила на лице искреннюю скорбь и театральным жестом поднесла к глазам платочек.

— Переигрывает, — недовольно проворчал Пузорини. — Балдуин на это не купится.

— Да нет, как раз он-то купится, — возразил Герхард. — В мире его грез королевы именно так себя и ведут.

— На что спорим? — немедленно завелся кардинал, — Ставлю десять золотых!

— Так ведь грех же, ваше преосвященство! — тихо рассмеялся Ле Морт. — Как можно?!

— Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься! Ну что вы как монашка ломаетесь, честное слово! Пятнадцать золотых против ваших десяти!

— Неловко вас обдирать, кардинал. Ну да пусть будет по-вашему.

— Что за печаль омрачает ваше прелестное чело, о моя королева?! — Сэр Балдуин, окрыленный «победой», явно решил, что в сказку попал, и теперь томно ворковал, словно начинающий менестрель. — Если кто посмел обидеть вас, только скажите, и я не успокоюсь, пока не брошу голову обидчика к вашим ногам!

— Замечательная идея, — прокомментировал кардинал. — Королева просто всю жизнь мечтала, чтобы к ее ногам бросили чью-то отрубленную голову.

— Ну я думаю, он это образно...

— А я вот не уверен. С него станет явиться во дворец с таким вот «букетом».

— Ах доблестный сэр Балдуин! Нам не хотелось бы отвлекать вас от вашего высокого предназначения. Ведь вас ждут подвиг и слава победителя чудовищ. Разве может с этим сравниться победа над какой-то шайкой пиратов?

— Шайка пиратов? — мгновенно загорелись азартом глаза рыцаря. — Уверяю вас, о моя королева, победы над морскими разбойниками — вполне достойное занятие для странствующего рыцаря!

— Правда? И вы готовы посвятить этому часть своего драгоценного времени? О, я так счастлива! Вы наш спаситель, сэр Балдуин!

— Клянусь, я не покину Гремзольд, пока в его водах остается хоть один пират! — торжественно произнес рыцарь. — Поручкой тому мое доброе имя!

Я услышал, как сдавленно хрюкает в своем тайнике Ле Мортэ, и отвлекся от наблюдения за процессом охмурения сэра Балдуина.

— Я что-то пропустил, Герхард? Вроде бы королева выбрала для рыцаря вполне сообразное занятие.

— Пфы-ы-ы! — презрительно хмыкнул начальник Тайной Канцелярии. — Сэр Балдуин влип. У Гремзольда нет выходов к морю, только пара рек и небольшие озера. Ну и пираты соответственно речные. Это даже не пираты, а жалкие оборванцы, по ночам на плотках и лодках подплывающие к баржам и тянущие все, что успевают стащить, прежде чем проснется вахтенный. Переловить их невозможно — господин начальник Полицейского Управления не даст мне соврать. Можно уничтожить одну банду, две, десять — завтра появятся новые. Так что сэр Балдуин увяз в этом деле если не навечно, то до тех пор, пока сможет держать в руках меч.

— Может, назначить его на должность речного полицейского? — задумчиво произнес начальник Полицейского Управления. — И поставить на довольствие? А то неловко как-то...

— Откажется. Он же рыцарь. Да вы не волнуйтесь — Анна придумает, как обеспечить старика материально и морально. Он и не поймет, что его облапошили.

Пока мы обсуждали хитроумную королеву, свои дела изложили еще несколько жалобщиков. Ничего интересного в профессиональном плане я не услышал, да и сами по

себе эти дела были скучными: кто-то кому-то припоминал давние обиды, кто-то у кого-то оспаривал какие-то права и привилегии и все в таком духе. Потом потянулись одиночные просители с жалобами и проблемами, которые обязательно требовали вмешательства королевской власти. Выслушивая очередного кляузника, искренне считавшего, что королева каким-то образом должна помешать голубям гадить на фонтан в его дворе и запретить подросткам распевать непристойные куплеты на площади, я искренне посочувствовал Анне. Терпеливо выслушивать все это даже раз в месяц испытание не для слабых духом. Недаром у нее такой усталый вид.

— Понимаете, ваше величество, это наверняка какой-то заговор. Я не знаю чей, но заговор, это точно! Я даже предположил бы чей, но не хочу наговаривать без веских доказательств! Но сами посудите — разбросали не все подряд папки, а только те, в которых данные о жителях, имеющих скандинавские корни. Более того, о тех, кто приехал в Бублинг уже в отроческом возрасте! Это явный след, указывающий..., указывающий...

— На что? — с поддельным интересом спросила королева, подавляя зевок,

— На заговор! выкрутился сухощавый, какой-то весь замшелый мужчина неопределенного возраста. — На что же еще?

— Но какова может быть цель этого заговора?

— Я не знаю! Я ведь просто начальник муниципального архива. Но у вас есть Тайная Канцелярия, и они-то...

— О-о-о нет... Опять он! — простонал Герхард. — Когда-нибудь я не выдержу и подошлю к нему убийцу.

— Он кажется довольно безвредным...

— Вот именно, от него не больше вреда, чем от гвоздя в сиденье стула, — возразил Ле Мортэ. — Вроде мелочь, но вполне способная испортить настроение на целый день. У этого типа мания видеть во всем происки каких-то мифических заговорщиков. Он заваливает мою почтовую службу какими-то совершенно фантастическими доносами еженедельно. Если верить ему, девяносто девять из ста жителей нашей столицы — заговорщики и шпионы, А теперь вот и до королевы добрался.

— Могу предположить, что все эти записи хранились где-то рядом. — Королева продолжала демонстрировать ангельскую выдержку и разговаривала с замшелым господином ласково, словно с ребенком.

— Разумеется! Они ведь классифицируются одинаково — приезжие, осевшие в столице, скандинавские корни. Там всего пять папок, они все хранились в одном ящике. У меня в архиве идеальный порядок, потому я сразу заметил, что ящик лежит на полу и папки рассыпались!

— Думаю, это обстоятельство объясняет все, — заключила королева. — Ящик просто упал. Возможно, его сдвинул кто-то из работников архива или полки пошатнулись...

— Вы! Вы тоже мне не верите! — в отчаянии схватился за голову архивариус. — Вот увидите, я был прав! Но будет поздно!

— Какой нервный господин, — заключил я, провожая взглядом убегающую тощую фигурку. — Тяжело ему с такой манией приходится. Кругом заговоры, враги, непонимание...

— Да уж, не позавидуешь, — согласился Пузорини. — А все потому, что нет в нем истинной веры!

— Как раз, по-моему, веры в нем с избытком, — заметил начальник Полицейского Управления.

— Я же говорю про истинную веру. О! Кстати, там, по-моему, прозвучало ваше имя!

Я прильнул к окошечку. Перед троном уже стоял новый проситель — крепкий, солидный господин в богатых одеждах преуспевающего купца, с которыми никак не вязалось плаксивое выражение плутоватой физиономии.

— Они просто издеваются надо мною! — жалобно ныл купец. — Я плачу налоги! Хочу заметить — немалые! Нет, я не против, я только за — ведь на эти налоги содержится и полиция, которая меня защищает. Но, хочу заметить, разве она меня защищает? Полиция в

смысле. Я вот всегда думал, что защищает! А теперь думаю, что нет! И зачем же тогда, спрашиваю я вас, мне платить те немалые налоги и, хочу заметить, даже пошлины?!

— О-о-о нет... Опять он! — повторил недавние слова Ле Мортэ начальник Полицейского Управления. — Так я и знал, что он не успокоится!

— Ваш клиент? — заинтересовался Герхард. — Вроде я его знаю.

— Наверняка знаете. Это Захария Штуц — неофициальный глава цеха торговцев зерном. Та еще заноза в заднице. Прошу меня извинить, ваше преосвященство.

— Ничего, ничего. Мне и не такое доводилось выслушивать на заседаниях курии. А в чем его беда?

— В излишней хитрости! — проворчал полицейский. — Считает себя самым умным.

— Так что же у вас за беда? — невольно повторила вопрос Пузорини королева.

— Это не только моя беда, хочу заметить! Если полиция не выполняет своей работы — это, хочу заметить, беда для всех подданных! Никто не может чувствовать себя в безопасности, если полиция вместо защиты честных граждан насмехается над ними!

— Вы действительно насмеялись над ним? — спросил Герхард начальника полиции. — Очень опрометчиво. Этот человек весьма влиятелен.

— Да никто над ним не насмеялся! Он явился ко мне с совершенно нелепым делом...

— Обнаружив кражу, я сразу поспешил к начальнику Полицейского Управления Бублинга. Десять мешков пшеницы — это, хочу заметить, не шутка! Это даже для меня не шутка!

— И что вам ответил начальник полиции?

— Он начал задавать какие-то бессмысленные вопросы! — всплеснул руками купец. — У меня даже сложилось впечатление, что он в чем-то подозревает меня!

— А в чем вы его подозреваете? — немедленно поинтересовался Пузорини.

— Сами посудите ваше преосвященство! Этот Штуц прибежал ко мне ни свет ни заря, заявил, что его склад обокрали. Ну человек он и впрямь влиятельный, так что я сам выехал к месту преступления. Осмотрел я его, значит... Не Штуца, а место преступления, я имею в виду... А место это — склад этого самого Захарии Штуца. И вроде как украли у него десять мешков пшеницы. Только вот загвоздка — ключ от склада есть только у самого господина Штуца. Замок я осмотрел — хороший замок, из самых новых и надежных, у нас такие в тюрьме на камеры с ворами-домушниками вешают. Пока ни один взломать не смогли. А на этом даже следов нет — ни царапин тебе, ни надпилов, значит. Конечно, могли копию ключа сделать. Но сам же Штуц божится, что ключ никому не давал. А главное — у него вокруг склада забор, через который и налегке-то запросто не перелезешь, а уж где там десять мешков перетащить?! А на воротах охрана. Я их допросил — ничего они не видели. Воры просто взяли эти десять мешков и растворились в воздухе. В запертом сарае. Но что самое интересное, мешки-то я потом обнаружил!

— Да? — Тут заинтересовался даже я.

Пустые мешки с клеймом Штуца. Но не внутри склада. А за оградой. И порядком втоптанные в грязь — словно их пытались спрятать! И вот скажите мне — зачем было бы их прятать кому-то, кроме самого Штуца?

— С одной стороны, ваши подозрения весьма обоснованны, — задумчиво произнес Герхард. — Но, с другой стороны, он же сам хозяин этого зерна. Зачем ему имитировать воровство у самого себя? Он же ни перед кем не отчитывается.

— Кто его знает! Может, хочет потребовать компенсацию с охранников или даже с Полицейского Управления!

— Не смешите, ей-богу! Он солидный торговец, для него эти десять мешков — капля в море. А вот такая неприличная суэта может сильно подмочить репутацию. Он просто сам еще не понял этого, а значит, происшествие и впрямь было для него шоком.

Я молчал, слушая разговор вполуха. Что-то в этом происшествии зацепило в моем мозгу невидимые крючочки и начало вращать колесики и шестеренки. Я еще толком не понимал, что именно привлекло мое внимание, но уже насторожился. Купец, к сожалению,

больше ничего интересного не рассказал. Как и несколько последовавших за ним просителей. Вообще солнце клонилось к закату, толпа просителей поредела, среди зрителей повсюду сновали продавцы пирожков и семечек. День Открытых Дверей явно близился к завершению.

И тут с улицы донеслась отборная ругань. Ругалась женщина, и, судя по стремительно нарастающей громкости, женщина эта не менее стремительно приближалась к дворцу. Скопившиеся у входа зрители заоглядывались и инстинктивно прянули в стороны. И вовремя! В следующий момент наименее расторопные были сметены с ног, словно кегли. В зал ворвалась настоящая валькирия, как их изображали в древних мифах. Высокая, выше большинства мужчин, сложенная мощно, словно молотобоец, она оглядела зал, мрачно сверкнула глазами и зашагала к трону. Нельзя сказать, чтобы она двигалась очень быстро, но в походке была такая неумолимая целеустремленность, что стражники нервно перехватили мушкеты на изготовку. Однако «валькирия» не собиралась сносить трон или нападать на королевскую чету. Резко остановившись в положенном месте, она выкинула вперед руку и провозгласила трубным голосом:

— Вот!

— Ух! — выдохнул Герхард. — Впечатляет!

— Да уж, — подал голос кардинал. — Мне сразу вспомнился тот момент из Библии, когда Самсон рушит дворец.

— Что это... — Анна, похоже, совершенно не потеряла присутствия духа. — Вернее, кто это?

Все присутствующие с интересом разглядывали тщедушного мужичка, которого «валькирия» держала за шиворот в вытянутой руке.

— Я больше не могу! — вдруг разрыдалась «валькирия», отпуская свою жертву и закрывая лицо руками. — Не могу! Сволочь! Мерзавец!

Мужичок, к которому явно относились эти нелестные эпитеты, поднялся с пола и, сохраняя остатки достоинства, поклонился королевской чете.

— Позвольте представиться — Зигфрид...

Наверное, не мне одному в этот момент пришла в голову мысль, что мифы здорово приукрасили действительность. Впрочем, мужичок продолжил, рассеивая наваждение:

— Зигфрид Штрипка, к вашим услугам, ваши величества!

— Э-эм, так что, собственно, произошло, господин Штрипка? Что так расстроило эту женщину?

— Это моя жена — Генриетта. На самом деле сущий пустяк и недоразумение, ваше величество! Не стоит вашего внимания! Просто женщины все так драматизируют...

— Сволочь! — Рука, которая могла бы конкурировать по мускулистости даже с рукой Андрэ, метнулась к несчастному, и тот, закатив глаза, мешком повалился на пол. — Пьянь!

— Ну вот, я уже боялся, что будет скучно, — прокомментировал начальник полиции. — А тут убийство.

— Да нет, живой, — не очень уверенно возразил Герхард. — Она его вроде открытой ладонью шлепнула... О, смотри — шевелится! Значит, живой.

— Может, это судороги?

— Ваше величество, — утирая слезы, наконец заговорила Генриетта, — это же невозможно так жить! Когда я выходила за этого пропойцу, он был вполне приличным человеком! Употреблял, конечно, но только по праздникам. Никаких излишеств. Был уважаемым человеком, работал в архиве. Особого богатства в доме не было, но жили в достатке. А потом словно с цепи сорвался, пес шелудивый! Пил в два горла! Со службы его выгнали, так он у меня все заработанное честным трудом отбирать стал. А мне заработок тяжело дается, это он думает, что легко паромщиком на реке работать! А! Да ни о чем он не думает! Когда вещи стал из дома пропивать, тут я и не выдержала — сказала, прибыю. Чтобы не мучился и меня не изводил! Он вроде испугался, притих. А сегодня опять нажрался!

— Да не пил я! — запротестовал, не вставая, Зигфрид. — Ни капельюшечки уже целую

неделю!

— А кто с крысой разговаривал?! Представляете, ваше величество, захожу в дом, а он стоит на полу на коленях! А перед ним сидит крыса — видать, растерялась от такого приема. И эта пьяная скотина что-то крысе рассказывает!

— Крыса? — Анна переглянулась с Андрэ и посмотрела на ширму, за которой, как она знала, прятался я.

— Вот именно! — горестно вздохнула «валькирия». — допилась, скотина, до белой горячки. Не могу я больше так жить, ваше величество! Дайте мне королевское дозволение на развод — иначе в церкви не разрешают разводиться. Не доводите до греха, ведь иначе убью его, паразита.

— Вот что, дорогая Генриетта, дозволение я тебе, конечно, дам. А вот с твоим мужем мне нужно поговорить, так что я его на время заберу.

— Ой, да хоть насовсем! — обрадованно замахала ручищами Генриетта. — Спасибо вам, ваше величество! Избавили наконец от этого «золотца»!

Я не стал досматривать, чем все кончилось, незаметно выскользнул из-за ширмы и поспешил за уводящими Зигфрида Штрипку стражниками. За спиной, в парадном зале, Анна и Андрэ прощались с подданными.

Меня догнал Ле Мортэ,

— Что-то интересное наклеывается! — нервно потер руки начальник Тайной Канцелярии. — Ты подумал о том же, о чем и я?

— Иезус Мария, Герхард! — Я усмехнулся. — В королевстве найдется, возможно, пара людей, способных угадать, о чем ты думаешь. Но я не вхожу в число этих избранных.

— Брось, Конрад! Ясно же, что слова этой женщины о говорящей крысе могли навести нас на одну и ту же мысль. И взгляд королевы, который я тоже заметил, говорит о том, что она вспомнила недавнее приключение с мэтром Мордауном.

— Вполне возможно, Герхард, но только — возможно. Если ты помнишь, она застала мужа разговаривающим с крысой. Она не сказала, что крыса что-то отвечала. Вполне возможно, что он и впрямь напился. У меня в отряде был один любитель заложить за ворот, так он обычно лез целоваться к лошадям, собакам и свиньям. Так что...

— Он трезв как стеклышко, Конрад. Не морочь мне голову. Я вообще-то на стороне хороших парней, если помнишь.

— Я не морочу, просто не хочу упреждать события. Обычно в таких случаях они имеют тенденцию развиваться совсем не так, как предполагаешь. Увидим, вот придем и..., А кстати, куда мы идем? В смысле куда ведут этого Зигфрида?

— Судя по всему, в кабинет мэтрессы Коллет. Видимо, ее величество считает присутствие на допросе придворного мага полезным. И я с ней полностью согласен.

Я похолодел.

Что со мною? Иезус Мария, взрослый же мужик, наемник! А робею, словно школяр. Что она скажет, увидев меня после почти трех месяцев, которые я прятался на чердаке? Как посмотрит? А если в ее взгляде будет только равнодушие?!

«Прекрати истерику! — мысленно одернул я себя. — Ты, между прочим, по делу сюда пришел!> Как ни странно, это помогло, и в кабинет Коллет я вошел уже спокойно. Ну если честно — почти спокойно. И... ничего страшного не произошло. Моя рыжая ведьмочка сначала, конечно, удивилась неожиданной делегации, но все-таки впустила нас, а меня даже обняла.

— Сволочь ты, Конрад! Где пропадал? Я скучала!

— Э-э-э... Да вот служба... Я порадовался, что под шерстью незаметно, как я покраснел. — Прости.

— Ну ладно, раз служба — прощаю. — Коллет поздоровалась с Ле Мортэ, оглядела с ног до головы Зигфрида Штрипку: — А это кто? Государственный преступник? Будем превращать в жабу?

При этих словах бедняга, и без того явно перепуганный развитием обычного семейного

скандала, рухнул на колени и завопил:

— Не-э-эт! Не надо меня... в жабу! Смилуйтесь! Я все расскажу!

— Ну, допустим, все рассказывать не нужно. — В кабинет вошла Анна в сопровождении отчаянно зевающего Андрэ.— Так мы до самой ночи будем тебя слушать.

— А что же тогда вы от меня хотите? — растерялся Зигфрид.

— Нас интересует только говорящая крыса.

— Ой, ну неужели вы поверили бабе... Опаньки...

— Вот именно.— В голосе Анны прорезался такой лед, что даже в кабинете стало заметно холоднее.— Здесь присутствуют две, как ты изволил выразиться, бабы. Одна из них — твоя королева, а вторая — придворный маг. И мы — можешь считать это проявлением бабской солидарности — верим твоей жене. А самое удивительное, что здесь присутствуют начальник Тайной Канцелярии и... гм... специалист по кризисным ситуациям — мужики. Так вот, они тебе тоже почему-то не верят.

— А знаешь почему? — дружелюбно улыбнувшись, Ле Мортэ наклонился к Зигфриду и театральны шепотом произнес: — Потому, что мэтресса Коллет наложила на тебя заклятие — когда ты врешь, у тебя удлиняются уши...

— Вообще-то господин Ле Мортэ пошутил,— произнес я, полюбовавшись панически ощупывающим свои уши лжецом.— Мэтресса Коллет не станет размениваться на детские штучки. Если ты будешь и дальше врать, она превратит тебя в мышку, а потом я тебя съем.

— По-моему, хватит с него,— прогудел Андрэ.— Он вот-вот в обморок хлопнется. Жди потом, пока он в себя придет. А я есть хочу... Зигфрид, раз уж ты так попался, не дергайся и расскажи все, что знаешь. А то эти бабы ведь не отстанут... Опаньки...

— Вы что-то сказали, ваше величество? — сладким голосом пропела Коллет. Я заметил сгущающееся у нее над головой облако, по моей шерсти пробежали искры.

— Э-э-э..., пойду я, пожалуй, на кухню загляну! — непринужденным тоном произнес гигант, выскакивая за дверь.

— Опуская подробности, — доверительно произнес Ле Мортэ,— его величество тебе хороший совет дал. Облегчи душу, Зигфрид. Покайся, и тебе сразу станет легче.

— Да-а-а, какое там «легче»?! — заканючил господин Штрипка,— Вы меня в камере запрете, а он придет и замучает меня во сне в отместку за предательство!

— Кто такой этот «он»?

— Я не знаю! Он толком не сказал, но я думаю, он — дьявол! Ко мне он явился в облике говорящей крысы и...

— Значит, говорящая крыса все-таки была?!

— Ну вот, теперь он мне отомстит!

— Да ничего он тебе не сделает,— хмыкнул я.— Никакой он не дьявол. Обычная говорящая крыса.

— Но говорящих крыс не бывает! Это все знают!

— А тебя не смущает, что сейчас ты разговариваешь с котом? — Я приподнял шляпу

— А... О... Мама! Дьявол!

— Иезус Мария... — Я оторвал взгляд от бездыханного тела, посмотрел на соратников и развел лапами: — Ну кто мог знать?

— Ничего, сейчас очнется,— равнодушно махнула рукой Анна.— Если его жена каждый день колотила, а он все еще жив, то, должно быть, крепкий экземпляр. Главное мы узнали — Морган вернулся.

— А точно это Морган? — усомнился Ле Мортэ.— Может ли в принципе существовать другая говорящая крыса?

— Точно Морган,— простонал пришедший в себя Зигфрид.— Он сказал называть его «мэтром Морганом».

— Ну вот видишь — никакой он не дьявол.

— Вы, уверены?

— Совершенно точно. Это бывший придворный маг — мэтр Морган Мордаун...

— Маг Мордаун? Мама!

— Проклятье! До чего нервный человек! Коллет, у тебя тут в склянках что-нибудь сильно пахнущее есть?

— Вот держите, ваше величество!

Королева откупила колбу, которую ей подала Коллет, поднесла к носу Зигфрида.

— За что?! Я же правду сказал! О-о-о, какая мерзость!

— Хватит тут в неваляшку играть,— сурово отрезала королева.— Рассказывай, как ты познакомился с этой крысой и что ему было от тебя нужно. Быстро, четко, не падая в обморок.

— А вы меня защитите от Моргана? Он ведь могущественный маг!

— Защитим, защитим.

— Обещайте! Посадите меня в самую надежную камеру!

— Это я тебе обещаю,— усмехнулся Ле Мортэ.— Самые надежные камеры во дворце. И самые, замечу, комфортабельные. Будешь сидеть как король на именинах.

— Хорошо,— немного успокоился Зигфрид.— Вам я почему-то верю, У вас глаза добрые.

— Мм? — поперхнулся Герхард и грозно зыркнул на покрасневших от сдерживаемого смеха стражников.— Да, я такой — добряк и рубаха-парень... Ну рассказывай же!

— В общем, иду это я неделю назад домой. Поздно иду. Уставший... Э, да чего там — из кабака возвращаюсь, потому сильно нетрезвый. Вот. Темно уже, я и споткнулся обо что-то. Упал, а сил встать нету. И тут какой-то мужик появляется. Тощий такой, седой, хотя сам и не старый, лицо противное... Я тогда сразу догадался — вор. Специально поджидает пьяных, чтобы обобрать. Ну мне и смешно стало — вот же, думаю, дурень. Какие деньги у пьяного? Он же их уже пропил! Вор удивился: мол, чего это я смеюсь, когда у меня по карманам шарят? Ну и разговорился я с ним. Он признался: мол, у трезвых воровать он не может — не получается, его обязательно ловят и колотят. Даже пьяные иногда ловят и тоже колотят. Потому он и перешел на совсем уж мертвецки пьяных — какую-то мелочь по карманам удастся наскрести, хотя бы риска нет. Ну я ему посочувствовал — я вообще очень добрый, когда пьяный. Потому и жену вот распустил... Да...

— Ты не отвлекайся! — одернула его королева.— Что дальше было?

«Жак» — одними губами произнесла Коллет. Я согласно кивнул — в личности вора-неудачника сомневаться не приходилось.

— А о чем я? Ах да! Я ему посочувствовал и рассказал о своей непростой судьбе. Мне ведь тоже тяжело пришлось! Вот со службы выгнали ни за что... Я всего лишь немного выпивал для согревания организма. Знаете, как зимой в ратуше холодно? Особенно в архиве! А главный архивариус деньги на уголь не дает — говорит, уголь дорожает из-за заговора каких-то «вольных угольщиков» и он так борется с этим заговором. Он у нас вообще слегка на заговорах помешан.

Тут у меня в мозгу что-то щелкнуло, и я спросил:

— Зачем Жаку были нужны документы на пришедших северян?

— Это не ему, это мэтру Моргану... Постойте, а вы откуда знаете?

— Служба такая, — отрезал я.— Значит, это ты для него документы пытался украсть?

— Что вы, господин... э... кот! да меня ж в ратушу с зимы не пускают. Даже на порог! Нет, меня господин Кошон выслушал и сказал, что наша встреча — большая удача. И что его хозяин обязательно захочет со мною поговорить. Ну а я же пьяный, мне море по колено. Пошел с ним.

— Куда? — профессионально уточнил Герхард, доставая блокнот.

— Да там же, рядом с кабаком, какой-то сарайчик был... Да вы не пишите, господин начальник, зря бумагу не переводите. Они в этом сарайчике не живут, просто в тот вечер у Жака и мэтра Моргана там встреча назначена была. А так они живут где-то в другом месте, но мне его не показывали — не доверили.

— Так что с документами?

— Ну я, конечно, хоть и пьяный был, увидев говорящую крысу, чуть не преставился. Наверное, только потому, что пьяный был, жив остался. А еще говорят — пьянство здоровье подрывает! Не, я ничего не скажу — может, и подрывает, но в тот вечер оно мне здоровье спасло! Вот... Мэтр Морган сказал, что я-то ему и нужен. И начал про архив выпрашивать — что в документы записывается, всех ли людей мы учитываем, особенно его интересовали приезжие, которые здесь жить остались. Где какие папки хранятся. Ну... я ему все подробно рассказал. А вы бы на моем месте как поступили?! — неожиданно перешел в атаку Зигфрид. — Я же думал, он дьявол! Жить-то хочется!

— Ладно, ладно, не блажи, — усмехнулся Герхард. — Вина твоя и впрямь невелика. Где и какие папки в ратуше хранятся — информация вовсе не секретная... Что еще ему от тебя было нужно?

— А? да вроде ничего...

— Зигфрид, не ври! Если ему от тебя больше ничего не нужно было, то о чем вы с ним говорили сегодня?

— Эх! Пропала моя голова! — вздохнул господин Штрипка. — Он предложил мне быть его помощником, у него, конечно, и так полно помощников — среди мышей и крыс. А вот среди людей только Жак. Но Кошон всего лишь вор, к тому же чужак. А я в этом городе вырос, когда-то уважаемым человеком был... да... Вот мне мэтр Морган и предложил собирать для него кое-какую информацию.

— Какую же?

— Ну он тогда в архиве побывал и что-то там нашел. И зачем-то хотел, чтобы я встретился и поговорил с несколькими людьми. Выспросил про их предков — они все вроде как из северных стран, то ли из Дании, то ли из Швеции... или Норвегии? В общем, потомки викингов. Не знаю, кого он искал, я с двоими успел встретиться и поговорить, судя по всему — не с теми, кто ему нужен. Вот сегодня я ему как раз докладывал о встрече, когда жену нелегкая принесла... А что теперь со мной будет?

— Ничего, — пожал плечами Герхард. — Обвинять тебя не в чем. Можешь пересидеть в камере, пока все не кончится. Ну а если передумал — можешь домой идти, никто силой держать не будет.

— Домой? — Зигфрид на минуту задумался, но потом все-таки покачал головой: — Страшновато, господин начальник. Вдруг этот колдун опять явится? Да и Генриетта, боюсь, еще не успокоилась. Вы бы ей подтвердили, что я трезвый был. Это ведь правда!

— Ладно, посмотрим. — Королева кивнула стражникам: — Отведите его в подземелье. Скажите господину Танатусу, что это особо важный свидетель, пусть хорошо позаботится о нем.

Когда господина Штрипку увели, королева упала в кресло и устало вытянула ноги:

— Боги! Какое же у трона сиденье неудобное! Садитесь, друзья. Без посторонних глаз обойдемся минимумом этикета.

Коллет опустилась во второе кресло, Герхард устроился на краешке стола, а я свернулся на думке у ног Коллет. Анна обвела нас усталым взглядом и вздохнула:

— Ну начнем военный совет?

— Думаете, нас ждет новая война с Морганом? — недоверчиво спросил Ле Мортэ. — То, что рассказал этот Штрипка, мало похоже на подготовку к войне. Какие-то архивные документы, скандинавы...

— Он кого-то ищет, — согласилась Коллет. — Какого-то потомка викингов.

— Вот и я говорю: один человек — это не армия. Чем нам может угрожать один человек?

— Армия у него уже есть, — возразил я. — Знаете, куда исчезло зерно Захарии Штуца? Пошло на прокорм этой армии.

— Крысы? Но Захария понял бы, что зерно погрызли крысы!

— Если бы на складе остались их следы. Потому Морган приказал своим «солдатам» не грызть зерно на месте, а вынести наружу. И пустые мешки утащить и втоптать в грязь. Он

не хочет привлекать внимание к себе... пока не будет готов.

— Готов к чему? — спросила королева. — Ты что-то знаешь, Конрад?

— Нет... Я виноват перед вами, ваше величество! От моего внимания как-то ускользнуло, что в последнее время мои агенты из крыс и мышей не приносят никакой информации. Я решил, что просто ничего интересного не происходит. А получается, им приказал молчать Морган!

— Ничего, Конрад, не расстраивайся. Никто не мог предположить, что он вернется.

— Не успокаивайте меня. Как раз это и следовало сразу предположить, — вздохнул я. — Ясно же, что такой человек, как Мордаун, не успокоится, пока не вернет все, что потерял.

— Если тебе нравится заниматься самобичеванием, ради бога, — махнула рукой Анна. — Считай, что я вынесла тебе строгий выговор и высекла плеткой. А теперь давайте думать, что нам делать с полученной информацией.

— По крайней мере одна хорошая новость есть, — усмехнулась Коллет. — Морган все еще в обличье крысы, а значит, не может колдовать.

— Вот что я думаю... — Я нервно прошелся перед камином. — Мы с Морганом в схожем положении. И, опираясь на свой опыт, я могу почти уверенно сказать — все, чего он сейчас хочет, — вернуть человеческую шкуру. Плевать ему сейчас на трон, войну и даже месть. Он готов отдать все, лишь бы снова стать человеком. Значит, таинственный северянин как-то может ему в этом помочь!

— А значит... — радостно воскликнула Коллет, догадавшись, к чему я веду.

— А значит, он может помочь и мне!

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 5 мая 16... г. от Р. Х.*

Удивительно, как мелкое, в сущности, событие может изменить наше состояние! Не далее как этим утром я пребывал под гнетом безнадежности и тоски, но стоило на горизонте замаячить призрачной надежде — и вот меня уже переполняют энергия и жажда деятельности. Всего за один вечер я успел провести несколько важных встреч с моими лучшими агентами и разработать вполне приемлемый план операции.

Из кабинета Коллет я поднялся к себе на чердак и первым делом скинул сапоги и камзол. Все-таки человеческая одежда ужасно неудобная!

Новость о возвращении Моргана и его поисках меня изрядно вдохновила. Похоже, хитроумный маг все-таки нашел какой-то способ справиться с заклятием. Во всяком случае, он не теряет надежды, а значит, и мне ее рано терять. Правда, наши с Мордауном отношения как-то сразу трагически не сложились, так что рассчитывать, что он добровольно поделится своей находкой, не приходится. Нужно разработать план и как-то прижать хитреца, благо он теперь всего лишь говорящая крыса, а не могущественный маг.

Но прежде всего следует узнать, что он замыслил.

Королеве я сказал, что крысы и мыши перестали снабжать меня информацией. На самом деле это было не совсем так. Один агент продолжал-таки выполнять свою работу, хотя, как только что выяснилось, недобросовестно. Что ж, значит, пришло время провести с ним воспитательную работу. Тем более что близилось время, когда этот агент обычно заглядывал ко мне.

Я разложил на полу карту города и отметил на ней карандашом склад Штуца. Потом нашел дом Зигфрида Штрипки, отметил и его. Пока это были всего две точки на карте, но с таких вот малозначимых деталей и начинаются любые операции. Правда, зачастую на тщательную подготовку нет времени, но, как бы ни иронизировал Гай Светоний Транквилл, я не всегда прущу напролом без всякого плана! Совсем наоборот — когда есть возможность, я предпочитаю составить тщательный план действий, а потом уж переть напролом!

Изучив окрестности дома Штрипки, я отметил заодно и кабак в Нижнем Городе, на пути из которого состоялась историческая встреча Зигфрида с Жаком Кошоном. Что бы там

ни думал сам Штрипка, а неспроста Жак ошивался именно в тех местах. Надо только понять, что за интересы могут быть у беглого мага в Нижнем Городе. Одна из причин лежит на поверхности — в старых кварталах рядом с пристанью и складами раздолье для крыс. Ну а если копнуть глубже?..

От размышлений меня оторвал легкий шорох под полом. Через пару мгновений из щели выглянула мышь и тревожно пошевелила усами:

— Ты один?

— Как видишь.— Я прикрыл размеченный участок карты книжкой и поманил Адольфа: — Вылезай. Никого здесь больше нет. Вечно ты от каждой тени шарахаешься.

— Тебе легко говорить! — Адольф с трудом протиснул свою толстую тушку в щель и еще раз недоверчиво огляделся,— Мышиная жизнь, знаешь ли, отличается от кошачьей. И не в лучшую сторону — я тебе авторитетно заявляю!

— Это заметно,— сочувственно покивал я головой.— Скоро придется тебе по лестнице ко мне подниматься и через дверь входить.

— Не издевайся! Это все от нервной жизни. Я, когда нервничаю, все время что-нибудь грызу.

— И отчего же ты нервничаешь? — мягко поинтересовался я у своего агента.

— А то сам не понимаешь. Кругом опасности! Люди, собаки... гм... извини, но из песни слова не выкинешь — кошки. Даже вороны и чайки! Опасности вокруг, сплошные опасности!

— А еще крысы, говорящие с людьми...

— Да это вообще ужас!.. Какие еще крысы?! Не знаю я никаких крыс!

— Адольф, не разочаровывай меня,— все так же мягко попросил я.— Ты ведь всегда был самым умным из моих агентов. И если память мне не изменяет, у тебя нет прямых причин считать меня неблагодарным. Я указал места, в которых тебе и твоему клану безопасно селиться. По моей просьбе на территорию твоего клана вывозят лучший мусор с королевской кухни. В конце концов, ты регулярно приходишь ко мне и лопаешь мой миндаль...

— Ах, орешки! — мечтательно пропищал Адольф, водя носом из стороны в сторону.— Где они? Я чувствую божественный запах, но не пойму, откуда он исходит.

— Я их спрятал. Пока спрятал. Сначала поговорим о крысе, разговаривающей с людьми.

— Нет никакой крысы! — Адольф молитвенно прижал лапки к груди.— И кто только такую глупость придумал? Кроме тебя, никто с людьми говорить не может! Тем более какая-то там крыса! Ну дай же мне орешков!

Я достал из сундука мешочек с миндалем, вытащил из него пару орехов, но Адольфу не дал, а зажал в когтях. Мышь вытянулся во весь свой невеликий рост и даже попытался подпрыгнуть, но разжиревшее тельце к этому оказалось неспособно.

— Ну дай! Что за удовольствие издеваться над лучшим другом?!

— А, так ты теперь мой лучший друг? — усмехнулся я.— Но разве лучшим друзьям лгут?

— Я не лгу!

— Лжешь! — отрезал я.— Ты жалкий обманщик! По крайней мере, у других крыс и мышей, что поставляли мне информацию, хватило совести перестать приходить ко мне, когда появился Морган. А ты продолжал приходить, выпрашивать орехи и врать мне в глаза!

— Я... я... Но если ты знаешь про Моргана, чего же ты меня мучаешь? — захныкал Адольф.— Ну да, есть Морган, признаю. Он Избранный, он может говорить с людьми! А теперь дай орешек!

— Пока не заработал. Расскажи мне, что это за Избранный, чего он хочет и почему грызуны города так послушны ему?

— Избранный — он и есть Избранный, чего тут рассказывать? Он может разговаривать с людьми!

— Это я уже слышал. Почему ты называешь его Избранным?

— А кто же еще может разговаривать с людьми? — резонно возразил мыш, не отводя зачарованного взгляда от орехов в моей лапе, — Ну дай орешков, а? Ну что тебе, жалко, что ли?

— Для такого пошлого вруна, как ты, жалко. Ладно, с Избранным я ничего не понял, придется самому разбираться. Объясни мне тогда, чего он, собственно, хочет от вас?

— Он хочет привести нас к величию! — торжественно пропищал Адольф. — Веками крыс и мышей преследуют и уничтожают все, кого природа наделила большими размерами, острыми клыками и когтями! Пришла пора исправить эту несправедливость! Мы станем самой великой расой сначала в этом городе, потом — в стране, а потом — и на всей планете!.. Дай орешек представителю будущей великой расы, а!

— Я пока ничего интересного не узнал. То, что ты тут сейчас напел, это слова Моргана?

— Да! Дай орешек!

— И как он собирается привести вас к величию?

— Ну пункт первый — все крысы и мыши объединяются под его властью и выполняют его приказы. Потом — пункт второй. И пункт третий — величие! Дай...

— Стоп. Что за «пункт второй»? — оборвал я мыша.

— Пункт второй? Я не знаю! Он держит это в секрете. Говорит, у него есть четкий план, реализуя который он обязательно приведет нас к величию и безопасности. Но его раскрывать нельзя, потому что кругом враги и шпионы.

— И вы ему поверили?

— Конечно! Он ведь Избранный! Дай...

— А что конкретно вы делали по приказу Моргана?

— Мы собираем деньги!

— Что?! У вас есть деньги? — искренне изумился я.

— Не у нас — у людей. Избранный приказал теперь воровать не только еду, но и монеты. И стаскивать их в... Я не знаю куда...

— Адольф...

— Я не могу! Меня страшно покарают! И всю мою семью!

— Скажешь, — вкрадчиво промурлыкал я, почти разжав лапу, — получишь орешек.

— А-а-а-а! — завопил Адольф, окончательно теряя самообладание и пытаясь взобраться по мне к вожделенному миндалю.

Я инстинктивно дернул хвостом, и мыш улетел в глубь чердака. Толстая тушка пробила старую картину, изображавшую какого-то напыщенного вельможу на лошади, и зарылась в кучу старых камзолов и платьев, которые сюда годами стаскивали бережливые слуги.

— Извини. Был неправ. Разволновался. — Адольф выбрался из кучи хлама и заковылял ко мне. — Так и быть, скажу! Монетки стаскиваются в Нижний Город. Там есть несколько брошенных домов, в которых давно никто не живет. В подвале самого большого из них мы и складываем добычу.

— И много насобирали?

— Много. Я не знаю сколько, но много. Сам подумай, сколько в городе крыс и мышей. Даже если половина из них притащит в день по монетке, какая это будет куча! А это продолжается уже месяц.

— Вот оно что! Ах ты хитрая бестия! — невольно восхитился я Мордауном.

— Теперь-то ты мне дашь орешков? — опять затянул свою песню мыш.

Я высыпал на пол пригоршню миндаля и задумался под самозабвенный хруст, с которым Адольф расправлялся с орехами.

Так. Теперь более-менее ясно, чем занимался Морган все эти месяцы. Готовил экономическую базу для,, для чего? Зачем ему могло понадобиться так много денег? Выкупить секрет противоядия? Но мы с Коллет и так подняли на уши всех известных колдунов и ведьм, предлагая за рецепт вполне существенную сумму. И никто не

откликнулся. Да и потомок викингов по-прежнему никак не вписывался в эту картину. Я поставил на карте еще один крестик — большой заброшенный дом в Старом Городе. Строго глянул на Адольфа:

— Ты закончил? Твое обжорство тебя когда-нибудь доконает.

— Уф-ф-ф... — простонал мыш, лежа кверху вздувшимся пузом. — Знаешь, Конрад, из всех мышей и крыс, которых я знал, еще ни одна не умерла от обжорства. В основном как раз наоборот. Так что я по крайней мере имею шанс на эксцентричную смерть.

— Твое дело. Но у меня сейчас будет встреча с воронами и кошками. Не то чтобы я тебя прогонял, но, думаю, ты и сам не захочешь составить мне компанию,

— Ты прав как никогда. Боюсь, даже твой авторитет не удержит их от соблазна полакомиться мышью, фаршированной миндалем! — самокритично согласился Адольф и попытался протиснуться в щель, из которой появился. — Эк.,. Досадно...

— Придется тебе и впрямь по лестнице спускаться. — Я усмехнулся и открыл дверь чердака. — Этажом ниже, в кабинете Коллет, есть большая нора — через нее когда-то сам Морган удрал... ну неважно. Главное — ты там тоже пройдешь. И осторожно предупреди свой клан, чтобы в ближайшие дни держались от этого вашего Избранного подальше.

— Будет исполнено, босс! — Адольф, тяжело пыхтя, стал сползать по ступенькам вниз.

Я запер дверь и выбрался из чердака на стену башни. Теперь этот трюк не вызывал у меня ни малейшего трепета — я знал, что не сорвусь. Вцепился в нависающую балку. Подтянулся. Перескочил на соседнюю. Два ярда над краем башни — и я в небольшом закутке под крышей.

Мне показалось, что я попал в зал капитулов при монастыре гранмонтанцев — со всех сторон на меня таращились черные тощие фигуры, Я тряхнул головой — какие еще монахи?! — просто вороны.

— Привет, пернатые!

— Здравствуй, Конрад, — степенно ответил один из воронов. — Ты ведь Конрад-кот?

— Ну а кто же?

— Да вы, кошки, все на одну морду!

— Кто бы говорил... — пробурчал я, пытаясь сообразить, на кого из стаи следует смотреть. — Карнелиус, мне нужна твоя помощь. Твоя и твоих сородичей.

— Даже голубь догадался бы, что тебе нужна помощь, — проворчал старейшина. — Иначе тебя бы здесь не было. Но ты зря пришел. Мы не будем воевать с Морр-ганом.

— Опаньки... — Я на мгновение опешил. — А с чего вы взяли, что я собираюсь вас об этом просить?

— Мы — вороны! — значительно проскрипел Карнелиус. — Птицы Одина, коим открыто прошлое, настоящее и будущее. Даже среди самовлюбленных людей, кои чтят лишь себе подобных, ходят легенды о нашей мудрости...

— Понятно, — сообразил я. — Опять подслушивал у моего окна?

— Ну... Да, — нехотя признался старый хитрец. — Но это не имеет кар-р-динального значения. С Морр-ганом мы не воюем. Он маг, а значит, тоже под покровительством нашего бога — Одина...

— И может закинуть тебя к чер-р-ту на кулички одним движением руки! — встрял другой ворон.

Карнелиус немедленно отвесил ему подзатыльник, но, видимо, и сам перепутал своих подданных, потому как ударенный обиженно закаркал и набросился на своего соседа по насесту. Через мгновение в маленьком закутке под крышей воцарился адский бардак, черные птицы, совершенно утратив степенность, сварливо орали, били друг друга крыльями и, вопреки известной пословице, норовили клюнуть друг друга побольнее. Раньше, когда я только налаживал отношения с этим племенем, меня подобные свары пугали до икоты — все время казалось, что дерущиеся птицы вот-вот окончательно разойдутся и набросятся на меня. Но после трех-четырех благополучно пережитых драк я понял, что в такие моменты воронам не до меня. Да и Карнелиус всегда быстро водворял порядок.

Так и сейчас он, безжалостно действуя когтями и клювом, навел мир и, тяжело дыша, уставился на меня правым глазом:

— Вечно от тебя одни раздоры, Конрад-кот. Убир-райся!

— Убраться-то мне недолго, но сначала послушай меня. Воевать с Морганом тебе не придется — это я беру на себя. От вас мне нужна только разведка. Тебе даже необязательно посылать своих подданных. Договорись с голубями и воробьями — у тебя же такой авторитет среди птиц!

— Что есть, то есть... — Карнелиус немедленно важно надулся. — Ну допустим, я соглашусь. Что ты можешь предложить нам за работу?

— Это другой разговор! — довольно потер я лапы. — Хочешь чердак ратуши?

— Чер-р-дак ратуши? — Карнелиус нервно переступил по карнизу. Остальные вороны радостно загалдели. — И ты сможешь договориться об этом с Магистратом?

— Я и не стану с ними договариваться. Просто попрошу королеву, а она прикажет членам Магистрата. У нас, к счастью, пока еще абсолютная монархия. Так ты согласен?

— Только ради интересов моего нар-р-ода! — важно кивнул ворон. — Утром жди вестей.

Я всю ночь не мог сомкнуть глаз от нетерпения. В голове крутились сотни вариантов развития событий, картины триумфа или провала, меня поочередно то возносила ввысь уверенность в победе, то низвергал в пропасть страх поражения... Ну и к тому же кошачья часть моей натуры совершенно не желала спать ночью.

Примерно часа через два после рассвета в окно моего чердака влетел растрепанный воробей и сообщил первую новость — в доме, на который указал Адольф, полно крыс и мышей. Ну что же, этого я ожидал... Потом сообщения стали поступать с завидной регулярностью. Пришлось сбегать в королевский птичник. Транквилл, правда, сначала принял мою идею в штыки. Оставалось лишь воззвать к патриотизму петуха.

— Гай, у тебя совесть есть? Королевство нуждается в тебе!

— Отстань, нет у меня никакой совести! Это ваше человеческое изобретение. С какой стати я должен помогать людям?!

— Ну ты же мне помогал!

— Ты не в счет, — возразил петух. — Ты почти не человек. Даже курятину не ешь. И я не хочу, чтобы ты опять стал громадным монстром, который не понимает нормальной речи!

— Эгоист!

— Как бы не так! Я и о тебе забочусь! В кошачьем теле у тебя есть шанс прожить жизнь достойно!

— А Коллет?

— А что — Коллет? Кто мешает ей выпить свое зелье и превратиться в кошку, если она тебя действительно любит? А еще лучше в курочку... Шучу, шучу! Я у друзей девушек не отбиваю! Спрячь когти, Конрад, ты меня нервируешь!

— Ладно, допустим. — Я постарался взять себя в лапы. — Но что ты будешь делать, когда Мордаун вернет себе человеческую шкуру, сместит Анну и займет трон?

— А я тут при чем?

— Гай, мэтр Морган — маг, а все маги — люди очень рациональные. Он не станет содержать птичник просто так. Всякую мелочь он просто выгонит, а съедобных птиц... — Я выдержал зловещую паузу. — Съедобных птиц наверняка отправит на кухню!

— Да ладно, не мели ерунды... Ты уверен?!

— Наверняка сказать не могу, но, по-моему, это не тот случай, когда стоит рисковать.

— Я могу опять странствовать с тобой, — жалобно предложил петух.

— Не выйдет, — искренне вздохнул я. — Мне теперь одна дорога — с Андрэ и Анной. Если Мордаун уничтожит, то и мне с ними пропадать. И вообще, что ты мне сегодня с утра проповедовал про долг перед королевой?

— Мало ли чего я нес! Мне нужно было тебя из депрессии вытащить, все-таки ты мой друг. А Анна и Андрэ для меня никто — такие же люди, как и все.

— Ну что же, это твой выбор, Гай. А мне придется сражаться за них и, видимо, погибнуть,— подпустил я в голос трагичной мужественности.— Мне жаль, Транквилл. Меня ждет геройская смерть, а тебя, боюсь, большая сковорода на королевской кухне...

— Проклятье, Конрад! Я не могу бросить друга в такой ситуации!

Оставив петуха принимать сообщения птичьей разведки, я отправился в Нижний Город.

В большинстве городов, доросших до деления на «Нижний и «Верхний» районы, названия эти носят обычно символический характер и обозначают социальное положение населяющих их людей. В Бублинге природа позаботилась привести все возможные смыслы к одному знаменателю — в Нижнем Городе селилась самая беднота, но и географически он располагался действительно в самой низине, у реки. Собственно, когда-то давно Бублинг и зародился как речной порт и весь умещался в границах нынешнего бедняцкого района. Со временем разбогатевшие горожане пожелали выстроить себе дома подальше от сырости низины, а потом и почти весь город переселился на холм. В Нижнем Городе теперь жили только совсем уж опустившиеся люди да несметное число крыс, бродячих собак и кошек. К последним-то у меня и было еловое предложение. Все-таки родственники как-никак.

— Эй ты домашняя киса, заблудился?!

— Не страшно попачкаться в наших канавах?

— Ага, ага, смотри какой гладкий — небось только по коврам привыкли ходить!

— Смотри, как глазами-то сверкает, гы-гы, обиделся...

— А ну тихо! — Из-за кучи мусора выбрался Рваный.

Раньше а встречаться не доводилось, но благодаря своим агентам я знал, что этот кот, получивший кличку из-за многочисленных шрамов от собачьих клыков, вот уже несколько лет является вождем бродячих котов Нижнего Города. Игнорируя испуганно притихших подданных, Рваный недружелюбно уставился на меня.

— Ну чего приперся?

— Дело ест.— Я уставился на него в ответ.

Звери не любят пристального взгляда в глаза, мне же без труда давалась такая игра в гляделки. Рваный поздно сообразил, что попался — отвести взгляд означало проиграть. Впрочем, он и не собирался уклоняться поединка, так что мне предстояло трудное испытание! Коты и кошки поспешили образовать круг. Схватки в круге — излюбленное зрелище этой братии. Теперь мне и Рваному предстояло обмениваться оскорблениями, пока один из нас не сдастся. Основная же трудность состояла в том, что отвечать нужно было быстро и притом хоть как-то рифмовать оскорбления!

Шерсть на Рваном угрожающе вздыбилась, он проворчал;

— На неприятности напрашиваешься, домашняя киса?

Я немедленно зарифмовал:

Я тебе не домашняя киса, ты — помойная крыса!

Я Густав Конрад Генрих Мария фон Котт,

Который где хочет, там и живет!

Сравнение с крысой — тяжкое оскорбление для кота. Рваный бросил на меня злой взгляд:

Кого это крысой сейчас ты назвал?

Я и за меньшее в клочья рвал!

Возвращайся-ка лучше к себе во дворец,

Пока не разозлил меня вконец!

Я презрительно рассмеялся:

Ну ты прямо меня сейчас напугал!

Не иначе, подушку во сне ты рвал!

Я с волками сражался, чуть мага не съел,

Пока ты в помойке своей сидел!

Рваный попытался взять реванш:

Как ты с волками сражался — никто не видал,
 Слыхал я, тот маг пинка тебе дал.
 Живешь ты в замке, е дармовщины опух,
 Говорят, в друзьях у тебя — петух!
 Но я легко отбил этот удар:
 Да, с петухом я дружу — так что с того?
 Похрабрее он будет тебя самого.
 Повезло тебе, что я с собой его не взял —
 Задницу тебе он легко бы надрал!
 — У-у-у! — оценили мой пассаж зрители. Рваный метнул злобный взгляд на переменчивую публику и быстро зарифмовал:
 Так вот в чем секрет подвигов твоих!
 Петух геройствует за вас двоих? Йо!
 Я снисходительно фыркнул:
 Да какое там геройство? О чем ты, не пойму.
 Таковую ты считаешь геройством ерунду?
 Видать, совсем все плохо в твоих делах, дружок!
 И для тебя геройство — потырить пирожок?
 Рваному становилось все труднее выдерживать мой взгляд и одновременно придумывать, чем бы меня подцепить. Он не мог не понимать, что проигрывает в этом традиционном кошачьем состязании. Приблизив ко мне морду почти вплотную, он тихо произнес:
 — Ну чего тебе тут надо, а? Зачем тебе мое место? Неужели во дворце плохо кормят?
 — Кормят-то хорошо, да скоро перестанут, — так же тихо ответил я. — Есть такой маг Морган Мордаун, он настроился захватить власть, и у него есть на то хорошие шансы. Мне с ним не ужиться, вот я себе заранее новое место и присматриваю.
 — Чтоб тебя вместе с твоим магом блохи заели! — выругался Рваный. — Слушай, ты, конечно, ругаться мастак, но одним этим власть не удержишь...
 — Я попытаюсь, — усмехнулся я. — Хотя...
 — Да?
 — Есть вариант. Мордаун сейчас собирает армию крыс и мышей где-то здесь, в Нижнем Городе. Одному мне его не одолеть, а вот с твоей армией...
 — Так чего ты сразу-то не сказал?! — воспрянул духом Рваный. — Крыс потрепать — это мы всегда с удовольствием!
 — А как ты меня встретил, напомнить? То-то же... Ну, значит, договорились?
 — Договорились!
 Я вернулся во дворец вместе с Рваным, хотя бродягу и пришлось долго убеждать, что, пока он со мной, его тут никто не тронет. Оторвавшись от привычной среды, Рваный здорово перетрусил и даже не пытался этого скрывать.
 — Да перестань ты ежиться! — не выдержал я наконец.
 — Как ты здесь живешь?! — простонал бедолага, провожая испуганным взглядом слугу с веником. — Тут столько людей!
 — Да не тронут они тебя, не бойся. Они меня знают.
 — Не вижу связи, — возразил Рваный. — То, что они знают тебя, не помешает им отдубасить меня.
 — Ладно, ладно, уже пришли! — Я открыл дверь на чердак.
 — Ко-ко-конрад! — немедленно завопил петух, едва увидел на пороге Рваного. — Кого ты приволок?!
 Ворон, с которым петух что-то увлеченно обсуждал, тоже забил крыльями и возмущенно закаркал. И без того испуганный Рваный попытался улизнуть, но я предусмотрительно отрезал ему пути к отступлению
 — Гай, перестань! Это еще один наш союзник — вождь свободных котов Нижнего

Города.

— Я думал, это приличное место! — скандально прокаркал ворон.— А сюда пускают воров и убийц!

— Тоже мне голубок! — обиженно возразил Рваный.— Небось сам не только семечками питаешься?

— Так, прекратили базар! — отрезал я.— Мы тут все друг от друга не в восторге, в том числе и я от вас. Но у каждого в этом деле есть свой интерес, достигнуть которого мы можем лишь сообща, так что извольте некоторое время держать свою неприязнь при себе.

Поворчав, мои соратники вынуждены были примириться. Выждав паузу, я подытожил:

— Вот и хорошо. Карнелиус, какие новости?

— Новости? Ну это с какой стороны посмотреть. Крыс в том доме очень много, и, с одной стороны, это хорошо, поскольку означает, что твой информатор не ошибся. С другой стороны, это не очень хорошо, потому что крыс там оченьмного и я не уверен, что у тебя хватит сил совершить задуманное.

— Для этого мне и нужны бродя... гм... свободные коты Рваного. Сколько у тебя боеспособных подданных?

— Дык это... кто ж их считал? — развел лапами Рваный.— Я так и вовсе считать не обучен. Много.

— Это хорошо — нам понадобятся все. Ночью, конечно, армия Моргана разбредется в поисках еды и денег, но и в его логове все равно останутся немалые силы. На тебя, Карнелиус, ложится важная задача — я должен быть уверен, что Морган в эту ночь будет на месте, Засылай туда воробьев, голубей — кого хочешь,— но пусть там постоянно кто-нибудь дежурит. Если до ночи Морган не объявится в Нижнем Городе, атаковать его логово бессмысленно.

— Погоди, а как мне понять, что это Морган?

— Во-первых, он будет вести себя не как обычная крыса. Тело у него, конечно, крысиное, но привычки — человеческие. Во-вторых, с ним будет человек — это его подручный, Жак Кошон.

— А если его не будет? — возразил Карнелиус.— И если птицы не опознают Моргана? У него гнездо в подвале дома. Не привлекая внимания, туда может пробраться только воробей, а у них мозгов, сам понимаешь, с горошину.

— Если будут какие-то сомнения, штурм отложим. Я не могу рисковать — мне обязательно нужно схватить Моргана. И это накладывает особую ответственность на твой отряд, Рваный. Вы должны атаковать строго по сигналу и одновременно. Не отвлекаться на ловлю отдельных мышей и крыс, прорываться сразу в подвал и блокировать все входы и выходы.

— Слушай, Конрад, ты много хочешь от меня! — возразил Рваный,— Мы свободные коты, а не солдаты. Ждать сигнала — это еще куда ни шло, но чтобы ломиться в подвал, когда вокруг бегают добыча... не знаю, смогу ли я и сам устоять перед соблазном.

— Я же говорил — набрал какой-то сброд! — презрительно каркнул ворон.

— Это ты кого сбродом обозвал, трупоед?!

— Молчать! — рявкнул я. Спорщики замолчали, всем своим видом выражая недовольство.— На свете так много достойных и хороших людей,— вздохнул я.— И других существ. Но все они чем-то заняты или просто не подходят для этой операции. Вот и приходится иметь дело с вами, И нечего на меня так глядеть никуда вы, дорогие мои, не денетесь. Тебе, Карнелиус, позарез нужен чердак над ратушей — твоему племени нужен. А ты, Рваный, хочешь остаться вождем в своей банде. Дополнительно обещаю — если все получится, Корона тебя не забудет. Так что хватит скандалить. Чем быстрее и слаженнее мы проведем операцию, тем быстрее вы получите желаемое.

— Так-то оно так,— упрямо надулся кот,— но я не стану обещать то, что не могу выполнить. Напасть-то мы нападём, а вот насчет прорываться в подвал — это уж как получится.

— Ладно,— вынужденно согласился я с доводами Рваного.— Пойдем с тобою в первых рядах, постараемся увлечь за собой всех, кого сможем... Так, Карнелиус, засылай в подвал шпионов. Рваный, отправляйся в Нижний Город. Прикажи своим подданным к закату стягиваться в район большого разрушенного дома рядом с мельничным шлюзом. Только пусть ведут себя естественно.

— А я? — немедленно встрял Транквилл.

— Тебе поручается самая ответственная задача! Сидишь здесь и координируешь действия.

— Самая Ответственная? Гм... Нутром чувствую, что ты меня обманул,— недоверчиво проскрипел петух. — Но не понимаю в чем! Ладно. Буду ко-координировать...

Отослав Карнелиуса и Рваного, я отправился с докладом к королеве. Выслушав мой план, Анна хотела мне в подмогу дать целый полк дворцовой стражи, во я отказался. Не из скромности, конечно, просто при ловле крыс от людей мало толку. Да и стражники в Нижнем Городе сразу привлекают к себе ненужное внимание. Вместо этого я попросил подключить к операции несколько агентов Тайной Канцелярии — на заключительном этапе им предстояло арестовать Кошона.

Часам к шести вечера я перебрался в один из брошенных домов Нижнего Города — там Рваный организовал временный штаб ударной кошачьей армии, Точнее сказать, я ворвался в штаб, злой как черт.

— Рваный! Я же просил, чтобы твои бойцы постарались не бросаться в глаза!

— Эй, эй! Что сразу орать-то? — запротестовал «вождь». — Чего не так-то?

— Не так?! Да хотя бы то, что все закоулки Нижнего Города кишат котами и кошками! Они орут, дерутся, жрут и занимаются любовью на каждом углу. Это называется «не бросаться в глаза»?

— Ну да,— резонно возразил Рваный.— Именно потому, что они так себя ведут, никто не заподозрит, что мы что-то замышляем. Если бы они прятались по углам и таинственно выглядывали из темных закоулков, любой дурак насторожился бы.

— Хм, пожалуй, ты прав,— неохотно признал я правоту бродяги.— Извини, нервы.

— Фигня! — беззаботно отозвался Рваный.— Это у тебя оттого, что ты домашний. Все домашние коты нервные. И неудивительно! Поживешь с людьми бок о бок, поневоле рехнешься. Собакам это еще куда ни шло, они все одно с рождения с придурью, а коту надо жить свободно, только тогда у него психика здоровая будет.

— Ну ты загнул! — с уважением покачал я головой.— Внушает!

— Дык! — самодовольно хмыкнул Рваный.— Мы тоже не без понятия. У нас возле пристани в бочке настоящий философ живет. Говорит, что последователь Диогена. Так он как самогонки с утра выпьет, так потом может целый день свет истины нести, И прочую чушь. Но послушать бывает интересно...

Закончить Рваному не дал тонкий, испуганный вопль, раздавшийся откуда-то сверху:

— Капитан! Капитан! Пустите! Помогите! Спасите!

— Что за... — Я отскочил в сторону, увернувшись от падающего из оконного проема кота. Вопреки заложенным природой инстинктам хвостатый боец приземлился плашмя на брюхо, сдавленно хрюкнув от удара. Причина столько неподобающего падения отчаянно билась в передних лапах кота.

— Выпусти меня немедленно! — Встрепанный воробей вырвался из когтей оглушенного падением кота и уселся на выступ стены.— Хулиган!

— Вот черт... — простонал упавший кот, вставая.— Совсем пернатые обнаглели, только что на голову не садятся!

— Я же приказал — птиц не трогать! — грозно рыкнул Рваный.— Эй, птица! Ты просто так или с сообщением?

— С сообщением. Хотя после такого приема не знаю даже, стоит ли вам его передавать!

— Извини, друг! — Я шагнул вперед.— Это досадное недоразумение. На войне такое

бывает. Что за сообщение ты принес?

— Сообщение? Какое сообщение?

— Ты сказал, что принес сообщение!

— Э-э-э... Да? Да! Вспомнил! Если бы этот хвостатый меня не схватил, я бы сразу сказал! Хулиган! Терпеть не могу, когда меня хватают!

— Сообщение! — взвыл я, чувствуя, как теряю остатки терпения. — Какое сообщение ты принес?

— Какое? Ничего я не принес... Ой, а где это я?

— Лети отсюда, бестолочь. — Тяжело хлопая крыльями, на подоконник опустился ворон. — Так и знал, что по дороге все забудет. Хорошо, что я рассадил вокруг того дома своих воронов и приказал мелкоте сначала все докладывать им. Летают-то они шустро, да мозгов в голове почти нет.

— Твоя мудрость не знает границ, Карнелиус, — поспешил я подольститься к ворону. — Так что он узнал?

— Похоже, Морган-маг в своем логове. Воробей этот пробрался в подвал и видел, как какой-то человек разговаривал там с крысой.

— Есть! — Меня охватил боевой азарт. — Это наверняка Жак, и разговаривать он мог только с Мордауном! Рваный, пора начинать! Карнелиус, поднимай войска.

— Дай мне немного времени, — каркнул ворон, снимаясь с подоконника. — И не забудь про чердак ратуши!

Я выскочил на улицу и побежал к развалинам, которые облюбовал Мордаун. Вокруг — на дорожках, тропинках, в траве, на крышах домов и в ветвях деревьев — замелькали разноцветные пушистые спины и хвосты. Их становилось все больше, матерые коты и кошки стекались, словно ручьи, образуя стремительный водоворот, центром которого был большой полуразрушенный дом.

— Вперед! — завопил Рваный. — Нас ждет добыча!

— ДОБЫЧА! — раздался со всех сторон многоголосый мыв.

Я ворвался в дом в первых рядах атакующих.

Когда Карнелиус говорил, что в доме много крыс, мне даже в голову не пришло, насколько их *много*! Столько крыс в одном месте мне в жизни не доводилось видеть! Весь пол и стены первого этажа были покрыты сплошной шевелящейся, злобно пищущей и скалящей резцы серой массой. Пожалуй, окажись я здесь один даже в человеческом обличье, мне пришел бы конец. Но в дверь и окна одновременно хлынул настоящий кошачий потоп, и крысы не выдержали — сначала отступили, а потом, почти сразу, обратились в паническое бегство. Схватка превратилась в бойню.

— Самые жирные крысы внизу! — крикнул Рваный, бросаясь к дыре в полу посреди комнаты.

— Добыча! подхватил я девиз хвостатых разбойников и прыгнул вслед за ним. Это подействовало — часть банды попрыгала в пролом следом за нами. Впрочем, крысиное сопротивление было сломлено, теперь они думали только о том, как вырваться из окружения. Я боялся, что в суматохе могут съесть и Моргана, но, увидев Жака, успокоился. Вор стоял посреди подвала в окружении злобно шипящих котов, бережно прижимая к себе дрожащую серую крысу.

— Мэтр? — Я шагнул вперед и не без издевки поклонился. — Вот мы и снова встретились.

— Конрад?! — Морган так дернулся, что едва не выпал из рук Жака. — Так это ты все устроил?!

— Угадал с первого раза, — усмехнулся я. — Да ты, никак, колдун?

— Мерзавец! Ты еще насмехаешься?!

— Ну ты же надо мною насмехался, деньги отобрал, в окно приказал выкинуть. Теперь моя очередь. Насмехаться над тобой я, так и быть, не стану — не пристало потомку славного рода фон Котт бить лежачего. А вот деньги отберу, не обессудь. Заметь как и ты, отберу не

для себя, а в государственную казну.

— А... ап... — От гнева колдун не мог вымолвить ни слова, только щелкал зубами.

— Да не волнуйся ты так — в окно обещаю не выкидывать. Во-первых, тут окон нет. Во-вторых, один раз я уже ошибся, не убил тебя сразу, вот теперь и расплачиваюсь за свою мягкотелость. Больше ошибок не будет.

— Жак, прорывайся к выходу! — завопил пришедший в себя маг. Но войско Рваного было готово к такому повороту. Немедленно несколько котов запрыгнули на спину, плечи и ноги вора, практически погребя его под собой. Раздался придушенный вопль, и Жак повалился на пол. Я успел заметить серую тень, метнувшуюся от поверженного вора к стене, и в прыжке настиг удирающего мага.

— Шустрый ты стал в этой шкуре, Морган, — промурлыкал я, поднимая отчаянно извивающегося мага за хвост. — Больше не хромаешь?

— Ну и что теперь? — попытался храбриться маг.

— Да все, собственно, — равнодушно пожал я плечами. — Я-то крыс и мышей так и не привык есть, но мои соратники сделают это с удовольствием, да, Рваный?

— Это, что ли, и есть тот самый маг? — хмыкнул, подходя поближе, кот. — А с виду обычная крыса.

— Не смей называть меня крысой! — взвизгнул Мордаун, вновь начиная извиваться. — Если бы мне хоть на мгновение стать человеком!

— Представь себе, я бы тоже не отказался, — вздохнул я. — Ну все, прощайся с Кошоном... А, вижу, он сейчас не в состоянии. Я ему передам от тебя привет...

— Погоди, Конрад! — Маг перестал вертеться и молитвенно сложил лапки. — Послушай меня всего одну минуту!

— Коллет предупреждала меня, что тебе нельзя давать говорить. Да я и сам видел, как ты зачаровывал людей своими речами.

— Погоди, Конрад, погоди! Никакой магии, обещаю! Да я ведь и не могу колдовать в этом теле!

— Ну? Что ты хотел?

— Я? Я всего-то и хотел снова стать человеком! — горько усмехнулся Мордаун. — Что, неужели скажешь, что тебе это желание не понять? Или тебе нравится быть котом?

— Слушай, ты...

— Но почему ты на меня злишься? Ведь это не я тебя превратил в животное! Я про тебя вообще не знал! В чем я виноват перед тобой?

— Из-за тебя я не успел вовремя вернуть человеческий вид!

— Но кто в этом виноват? Да, я тебе не помогал и даже мешал — согласен. Но мы с тобой оказались врагами случайно! В другой ситуации ты мог бы легко занять место при моем дворе — с твоими-то способностями! А? Все это трагическая случайность...

— Заткнись! — Я потряс головой. — Ах ты сволочь! Пытаешься меня заморочить?! Рваный...

— Стой! Все, все, больше и пытаться не буду! Извини, привычка! Хе-хе... А ты устойчивее к магии слова, чем я думал. Ладно, Конрад, у меня есть что предложить в обмен на свою жизнь.

— И что же это?

— Я могу вернуть тебе человеческий облик...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой благородный Конрад фон Котт знакомится с троими
потомками викингов, что обернется серьезными последствиями
для одного из них*

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 6 мая 16... г. от Р. Х.*

Если не хочешь умереть от жажды, умей испить из любого источника, говаривали мудрецы. Черпая терпение в мудрости древних, я не стал пренебрегать даже таким отвратным «источником», как беглый мэтр Морган Мордаун. Те же мудрецы утверждают, что к побежденному врагу надо проявлять милосердие. И я проявил его к Моргану. А, надо сказать, маг приложил все усилия, дабы вывести меня из себя.

Примечание на полях. Древние мудрецы были отвратительно болтливы!

— Ну я же был вынужден как-то спасти шкуру! — пожал плечами Мордаун. — Ты совсем не желал слушать доводов разума, вот и пришлось немного соврать. Но в главном-то я тебя не обманывал — возможность вернуть человеческий облик существует!

— Существовать-то, может быть, и существует, — возразил я, — да только ты его не знаешь! И в какую сторону копать — тоже не знаешь! Ну и чего ради тебя щадить?

— Ради милосердия?

— Гм...

— Да, глуповато прозвучало... Но насчет «копать» ты ошибаешься — зацепка у меня есть.

— Это ты про северянина? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал равнодушно. — Предложи мне что-то, о чем я еще не знаю.

— Ты блефуешь! — Мордаун нервно сцепил лапки. — Ты не можешь знать о...

— О чем? — усмехнулся я. — Я знаю, что ты искал потомка викингов, поселившегося в столице.

— Но ты не знаешь, что именно я искал!

— Я узнаю. Поговорю с ними, а лучше — попрошу Коллет. Она давно превзошла тебя в магическом искусстве и легко разберется, в чем дело.

— А если не сможет? — пропустил мой укол мимо ушей Морган. — А если зацепка не в магических знаниях, а в чем-то другом? Маленькая деталь, о которой ты даже не догадаешься спросить. Ты готов рискнуть?

— Ладно, Конрад, — вступила в разговор Коллет. — Хватит его мучить. Надо заключать сделку.

— Коллет! — взвыл я от досады. — Я же не советую тебе, как и что делать в твоих магических делах?! Так чего ты лезешь в мое расследование? Я его почти расколол!

— Ой-ой, можно подумать! — ничуть не смутилась наглая девчонка. — Только зря время тянешь. Все равно ведь оставишь его в живых.

— Это еще почему?

— Ну не сможешь же ты хладнокровно убить беспомощного пленника!

— Э-э-э... С чего ты взяла?

— Конрад?!

— Ну ладно, ладно! — поежился я под возмущенным взглядом Коллет. — Не хладнокровно. Я буду потом сильно переживать и даже схожу на исповедь. Кардинал Пузорини меня давно приглашал к себе в резиденцию на обед...

— Конрад!

— Уф-ф-ф, ну что тебе опять не так?

— Может быть, я пока пойду? Не люблю присутствовать на семейных сканда...

— Заткнись!

— Заткнись, Морган!

— Хорошо, ты права! — сдался я, добавив мысленно любимую отцову присказку: «Мудрый человек никогда не спорит с глупцом, священником и женщиной!» Вслух, впрочем, произносить ее я считал не тактичным... ну и небезопасным.

— Спасибо, Коллет! — прочувствованно произнес Морган. — Я не забуду, что ты вступилась за меня!

— Не воображай только, будто у меня к тебе остались какие-то чувства! — фыркнула ведьма. — Я это сделала ради Конрада.

— Что, неужто вот так и никаких? — не удержался от шпильки маг. — Говорят, первая

любовь остается навсегда...

— Да... пожалуй, ты прав.— Коллет наклонилась к сидящему на столе Мордауну.— У меня осталось к тебе чувство, Морган. Очень сильное чувство — признаю... Я ненавижу тебя, ублюдок. Если бы я могла, заставила бы тебя пройти через то, через что пришлось пройти мне по твоей милости. Жаль, это невозможно. Я буду следить за тобой, Морган Мордаун, и только дай мне повод — теперешняя твоя крысиная жизнь покажется тебе раем!

— да, мужик, ты бы не злил ее, — сочувственно посоветовал Андрэ.— Женщину вообще лучше не злить, а уж если она ведьма — у-у-у! Вот господин знает...

— Очень хороший и своевременный совет, ваше величество,— прошепел я.— А теперь позвольте нам с Коллет продолжить.

— Продолжайте! — милостиво разрешил Андрэ Первый Могучий и, выудив из кармана пончик, самозабвенно запустил в него зубы.

На самом деле толку от присутствия Андрэ не было ровным счетом никакого. Но Морган затребовал на переговоры представителя королевского семейства, дабы выправить грамоту о помиловании с королевской печатью и подписью. Анна была занята какими-то государственными делами и прислала Андрэ. Морган, не имевший раньше возможности близко познакомиться с «маркизом д'Карабасом», попытался было исподволь заморочить королю голову, но даже его хваленое искусство оказалось бессильно против монолитного разума моего бывшего оруженосца. Андрэ просто не понял, чего от него хочет маг, и щедро предложил устроить для «смешной говорящей крыски» место в дворцовой кунсткамере. Я провел несколько приятных мгновений, наблюдая, как беснуется Мордаун. Но потехе час, а время — делу. Коллет была права — все что возможно я из Моргана вытянул, теперь оставалось заключить с ним сделку.

— Так бы сразу! — удовлетворенно проворчал Мордаун, прочитав грамоту о помиловании.— Жак, иди и спрячь ее хорошенько, Если мои... гм... Деловые партнеры нарушат соглашение...

— Потомок рода фон Котт никогда до такого не опустится! Не стоит о других судить по себе и подозревать всех в подлости!

— А я всех и не подозреваю,— пожал плечами крыс.— Я подозреваю каждого по отдельности. Потому все еще жив. Так мы договорились?

— Договорились.

— Хорошо,— продолжил Мордаун.— Ты зря тратил время, выжимая из меня сведения, Конрад — я бы и так все рассказал. Теперь, когда моя армия уничтожена, а казна разграблена, мне все равно будет нужна помощь со стороны. Почему бы не принять ее от вас? Я в принципе незлопамятен.

— Ну-ну... Так зачем тебе этот викинг?

— Это не просто викинг! Он потомок рода северных шаманов.

— Ты думаешь, они умеют разбивать такое колдовство? — с сомнением протянула Коллет,— Не хочу показаться пессимисткой, но на конгрессе было несколько шаманов, и они ничего не смогли сделать.

— Правильно, даже на севере это знание сейчас утеряно. Да и никогда не было широко распространено — им владели всего два или три рода. Но тут нужна историческая справка.— Морган значительно поднял когтистый палец: — Дело в том, что это искусство пришло на север с другого континента. Из Америки!

— Ты уверен? — недоверчиво вздернула бровь Коллет.— Откуда у викингов индейская магия?

— Уверен. Я всю зиму собирал информацию... хе-хе... удивительно, сколько всего интересного и нужного можно узнать благодаря крысам!

— Проклятье! — выдохнул я.

— О, не злись на моих помощников! Ты сам виноват. Они ничего не скрывали от тебя, во всяком случае не специально. Просто ты искал этого пьяницу, мэтра Бахуса, и они вполне честно не смогли его найти, Про меня ты их давно перестал спрашивать, а у крыс память

недолгая — когда я появился, они давно уже забыли, что ты искал беглого мага. Да я и не назывался мэтром Мордауном — какой из меня сейчас мэтр?

— Да фиг с ними, с крысами! — в нетерпении воскликнул я. — Что ты узнал?

— Я тебя понимаю, Конрад, — усмехнулся маг. — Когда мне стало ясно, что я обнаружил, меня такая же лихорадка охватила. Конечно, собранная мною информация весьма отрывочна. Например, я не знаю, кто и когда первым доплыл до Америки. Возможно, первый драккар забросило к берегам Америки штормом, или просто какой-нибудь упертый ярл решил плыть на запад, пока не доплывет до края света, — это было бы вполне в их духе. Да, в общем, и неважно. Главное, что викинги время от времени посещали те места и даже основали несколько поселений. И с местным населением общались тоже. Видимо, среди путешественников были и шаманы, а может быть — просто наделенные Силой люди, которые смогли перенять умение индейских жрецов принимать облик животного-тотема. Это умение они привезли с собой на родину. Так появились первые берсеркеры.

— Я всегда считала, что берсеркеры — просто впавшие в транс воины.

— Со временем так и стало. Но первые берсеркеры умели обращаться в медведей или волков на самом деле, И, видимо, зачастую не могли вернуть себе человеческий вид, потому что точно существовал какой-то способ снять заклятие, даже если берсеркер сам забывал себя и становился обычным зверем.

— Все это, конечно, интересно, но, если знание утеряно, что мне от всех этих сказок? — разочарованно спросил я.

— А ты меня не прерывай! — разозлился Морган. — То шантажом из меня правду выбиваешь, а как я говорить начал — слова сказать не даешь!

— Ладно-ладно, продолжай.

— Вечно меня никто не слушает!.. Так вот! У викингов это знание было утеряно, да и где сами те викинги? Но вернувшиеся из Америки конкистадоры рассказывали, что индейцы могут превращаться в зверей и птиц. Конечно, эти бродяги те еще очевидцы, но если все это правда? Это наш шанс, Конрад!

— Согласен.

— Что? — Коллет уставилась на меня. — Ты даже не стал спорить?

— А смысл?

— Когда я предлагала свои способы, ты каждый раз спорил и сомневался...

— Не обижайся, Коллет. — Я погладил ведьму по руке. — Я тебя очень уважаю как мага, но твои способы трудно назвать решением проблемы. Похожий на человека голем, внутри которого все равно буду находиться я, такой, как сейчас, — это не совсем то, что мне нужно. Как и полное удаление шерсти. Это ты лучше Пусию Первому предложи — ему понравится.

— Были и другие идеи!

— Но ни одна из них не привела бы к превращению меня в человека. А тут есть шанс...

— Что вы сгинете в джунглях или вас убьют дикари! — закончила ведьма за меня. — Хорошо! Я отправлюсь с вами!

— Но... Коллет?

— А ты что думал, я отпущу тебя одного в компании с этими проходимцами? Тебе мало было приключений прошлым летом? А тут предстоит не путешествие из Либерхоффе в Куаферштадт, а кое-что посерьезнее.

— Андрэ, ну хоть ты ей скажи!

— А? — Его величество оторвался от четвертого по счету пончика и обвел нас безмятежными, как летнее небо, глазами, И такими же пустыми.

— Я плыву в Америку с Мордауном. И Коллет хочет меня сопровождать. А я говорю...

— Здорово! — обрадовался Андрэ. — Здесь такая скука в последнее время! Когда едем?

— Погоди, погоди! Ты что, тоже, что ли, с нами собрался?

— А че? Ей, значит, можно с вами, а мне нельзя? Даже крыску вот берете с собой, а меня...

— Не смей называть меня крысой!.. Э-э-э... ваше величество, прошу прощения...

— Я же... как же вы без меня, господин? — Глаза его величества налились слезами. — Нет уж, я клялся вас не покидать, вот и не покину!

— Андрэ, ты не можешь ехать с нами! Ты же король!

— Ну и что?

Король не может бросить королевство и путешествовать с какими-то бродягами вроде нас!

— Неправда. Король Гарольд вон бросил и отправился!

— И ничего хорошего из этого не вышло!

— А че ниче-то? — резонно возразил гигант. — Анна стала королевой, я королем — это разве не хорошее вышло?

— Гм, — растерялся я, сраженный логикой Андрэ. — Как же ты Анну-то оставишь? Мы ведь надолго можем уехать.

— Дык... это... — замялся Андрэ и нервно огляделся по сторонам. Убедившись, что в кабинете Коллет никого, кроме нас четверых, не наблюдается, жалобно вздохнул: — Устал я, господин! Нет, я ничего не хочу сказать — Анна хорошая и для меня старается, наверное. Ну чтобы лучше было. Наверное. Но я так не уставал, даже когда батрачил. С самого ведь утра начинается! Только я проснусь и че-нить перекусить хочу, она меня сначала умываться заставляет и зубы чистить! Ну вот скажите, господин, ну зачем зубы-то чистить, если я тут же чего-нибудь съем и они снова испачкаются? А бороду зачем каждый день брить? Если раз в неделю — дык и не заметит никто! А одежда?! Ужас какой-то! Я до сих пор сам не могу одеваться — не пойму, где штаны, а где там чего. Позорище — хожу как павлин расфуфыренный. А еда? Это же издевательство какое-то! Тарелочки мал мала меньше — мне таких десять нужно вылизать, чтобы хоть вкус понять... Да и то — разве это еда? Я даже не понимаю, что ем. Просил подавать мне мяса или хотя бы потрохов с кашей — неужто для короля не найдется каши?!

— И что? — Даже Морган заинтересовался «исповедью» короля.

— И ничего! Анна сказала, что у меня от такой еды будет это, как его... ожирение! И я от него могу заболеть. Ну не знаю! Она, конечно, умная очень, но тут, по-моему, ерунду говорит. Вона у нас в селе свиньи на что уж обжиревшие были, а сроду ничем не болели... Эх... Да и есть-то как? Каждый раз накладывают перед тобой по десять ложечек, вилочек, ножигов и каких-то загогулин, которые я даже назвать не знаю как. И про каждую еду надо знать, какой ложкой есть. Я из-за стола каждый раз встаю голодный и уставший, словно не ел, а дрова колол. Поверите, стал в город тайком от Анны сбегать и на рынке себе нормальной еды покупать — пирожков там с мясом или похлебки. Так Анна узнала — чуть не убила меня! Говорит, не позорь меня перед подданными! А че тут позорного-то? Мне там, наоборот, завсегда рады были!

— Иезус Мария! — простонал я, представив, как народ на базаре собирается поглазеть на короля, улетающего дешевую похлебку и пирожки. — Бедная Анна!

— И вы туда же! — обиделся Андрэ. — Меня тут мучают, а вы ее жалеете?!

— Мне вас обоих жалко, — вздохнул я. — Ты пойми, она же старается из тебя настоящего короля сделать!

— Можно подумать, настоящесть короля зависит от того, как и что он ест, — насупился Андрэ. — Вона, мне рассказывали, Урюк ихний вообще до самой старости руками все ел. Приказывал ставить на стол большой котел с едой и из него ел вместе со всеми, кто за столом был. Что, скажете, он из-за этого ненастоящим королем был?

— Но это было совсем другое время! — попытался я возразить, хотя, надо признать, в словах Андрэ была своя правда. — Тебе надо просто привыкнуть, Андрэ. Немного терпения...

— Да я понимаю, — вздохнул гигант. — Я стараюсь. Не потому, что так уж хочу королем быть. Просто чтоб Анну не расстраивать. Но я очень устал, господин! Можно я с вами поеду? Чуть-чуть передохну от этого всего, а потом буду терпеть до конца!

— Ладно, — сдался я. — Но Анна твоему решению вряд ли обрадуется.

— Я с ней поговорю,— успокаивающе махнула рукой Коллет.— Она умная, поймет.

— Ой, спасибо, Коллет! — расцвел Андрэ.— Когда отправляемся?

— Хороший вопрос! — не без ехидства ответил молчавший все это время Морган.— Вы, я смотрю, так все браво разрешили и даже команду уже набрали. Только куда вы собираетесь плыть?

— В Америку. Ты же сам сказал...

— Ты думаешь, Америка — это что-то вроде карликового Гремзольда, только за морем?

— Ты нас совсем уж за дураков считаешь?! — насмешливо произнес я.— Конечно, она больше. С Англию, я думаю. Не меньше!

— Ох, Конрад! — вздохнула Коллет.

— Ну что?!

— Моя неблагодарная ученица хотела сказать, что ты чудовищно невежественный, самодовольный болван,— с удовольствием «перевел» Мордаун.— Но в силу предвзятого отношения к тебе сдержалась.

— А что не так-то? Ну пошутил это я так! Конечно, все знают, что Америка не с Англию, ха-ха. Она примерно с Аравию!

— Конрад, лучше молчи...

— Ну ладно-ладно, всезнайки,— сдался я.— Объясните тупому ландскнехту, что не так с этой Америкой.

— На самом деле Америка — это целый материк,— сжалилась надо мною Коллет.— Вернее, два материка. И каждый из них гораздо больше всей Европы, которую ты знаешь.

— Ты шутишь, что ли?

— Она не шутит,— встрял маг.— Но главная проблема даже не в этом. Большая часть территории обеих Америк покрыта девственными лесами. И это не такие леса, к которым ты привык здесь. По сравнению с ними самый непроходимый лес Гремзольда — ухоженный парк для пикников.

— Я читала воспоминания конкистадоров,— добавила Коллет.— Большую часть пути проводники из местных вели испанцев звериными тропами, да и то постоянно приходилось прорубать путь через заросли топорами.

— Так оно и есть,— подтвердил Мордаун.— Мы не можем просто высадиться где-то на берегу и обшаривать весь материк в поисках нужного нам шамана. На это уйдет вся жизнь без какой-либо надежды на успех.

— Тогда чего ты мне тут голову морочишь?!

— А чего ты меня перебиваешь! — немедленно окрысился в ответ Морган. В крысиной шкуре у него это получилось особенно органично.— Я говорил тебя не перебивать?! Что вы меня постоянно перебиваете? Не смей на меня орать, мальчишка!.. О-ох, ну зачем я с вами связался?! Как я жалею, что приказал тогда Быку выкинуть тебя в окно, Конрад! Надо было тебя сразу придушить!

— Я испытываю к тебе те же чувства! — хмыкнул я.— Ну будешь и дальше ныть или скажешь что хотел?

— Он хотел что-то узнать у этого потомка викингов,— ответила за надувшегося мага Коллет.— Мэтр считает, что этот человек знает, где именно в Америке искать нужное племя. Или... просто надеется на это?

— Угадала,— кивнул маг.— Ты всегда была умницей, Коллет. Жаль, я недооценил тебя — на моей стороне ты принесла бы мне больше пользы. Ну да что теперь по хвостам бить... да, уверенности у меня нет. Я могу только надеяться, опираясь на кое-какие намеки и слухи, что шаманы передали этому потомку часть знания.

— Почему же он этим знанием не пользуется?

— Кто знает? Когда найдем его, можешь сам спросить.

— У тебя осталось три кандидата на эту роль.

— Да. Наиболее перспективным мне кажется Ялмар Юси. Он из очень древнего рода,

почти все его предки до утверждения христианской веры были шаманами, да и после еще долго держались за старую веру. В Гремзольд Ялмар приехал с отцом и матери давно, двадцать лет назад, а ему тогда было лет десять. Правда... он хлебопек.

— Хлебопек?

— Да. И отец его был хлебопеком, а мать продавала свежий хлеб на рынке. Сейчас у Ялмара своя хлебная лавка в хорошем районе города, жена и трое детей. Но, возможно, он просто маскирует свои знания. Или не хочет связываться с шаманством — даже здесь, в Гремзольде, хоть инквизиция и не свирепствует, дело это небезопасное,

— А кто еще есть?

— Второй кандидат — Йорген Сервантус. Он приехал в Бублинг уже взрослым парнем — в двадцать лет, Сейчас ему около сорока, он уважаемый человек, член гильдии аптекарей.

— О!

— Вот именно. Я бы его поставил на первое место, но среди его предков не было ни шаманов, ни даже знахарей. Все как на подбор — обычные морские разбойники. Даже в наше время дед и отец его умудрились стать корсарами, видать, показала себя кровь. А вот Йорген почему-то решил людей лечить, и у него это неплохо получается. Но все свои знания он получил не по наследству, а сам собирал по крохам, учился ремеслу у самых разных врачей, цирюльников, аптекарей, знахарей.

— А может, он и нужные нам знания нашел так же?

— Все может быть, потому я его и не вычеркнул из списка... Ну и третий — Николас Бокамалле. У этого парня среди предков были и шаманы, и берсеркеры, но сам по себе он личность крайне бестолковая. У него есть лодка, и он время от времени берется отвезти в соседние города всякую мелочь, которую невыгодно отправлять на барже. Заработок небольшой и ненадежный, сами понимаете. Основное времяпрепровождение болтается по дешевым кабакам и изображает из себя матерого морского волка. Даже называть себя велит «ярл Синебрюх».

— М-да... Что-то мне ни один из этих кандидатов не кажется подходящим. С чего ты вообще взял, что кто-то из них получил посвящение?

— Слухами земля полнится,— усмехнулся Мордаун.— Кто-то что-то видел, кому-то что-то сказал. Лет двадцать — двадцать пять назад в Исландии, откуда родом все три наших викинга, ходили слухи о возвращении берсеркера. Якобы появился человек, в гнев способный превратиться в гигантского медведя. К сожалению, слухи быстро распространились, чуть ли не каждая деревня претендовала на то, что оборотень жил именно у них, так что выяснить, откуда именно родом наш берсеркер, не удалось.

— Морган... Я понимаю, в нашем положении хватаешься за соломинку, но слухи о появлении оборотней регулярно возникают каждый год даже в Гремзольде,

— Если ты меня еще раз прервешь, будешь искать выход сам! — взвизгнул маг.— Я больше не потерплю, чтобы мои выкладки подвергали сомнениям!

— И правда, Конрад, заткнись! — поддержала его Коллет.— Твой скептицизм тебя однажды уже довел до кошачьей шкуры... Извини...

— Да ладно... — вздохнул я.— Продолжай, Морган. — Я буду молчать.

— Так вот,— сердито попыхтев, продолжил маг.— Слухи об оборотнях — это одно, а слухи о берсеркере — совсем другое. Когда рассказывают об оборотнях, это всегда выглядит примерно одинаково — появился в окрестностях волк-людоед, его выследили и поняли — оборотень. А тут рассказывали о вполне обычном человеке, хорошем соседе, примерном семьянине, который защитил деревню от разбойников, превратившись в гигантского медведя-альбиноса.

— Альбиноса?

— Ага! Меня тоже это подкупило! — усмехнулся Мордаун.— Слухи и без того меня заинтересовали своей необычностью, а уж такая деталь вряд ли была выдумана примитивными крестьянами и рыбаками.

— И что потом стало с этим берсеркером?

— О, это еще одна интересная деталь! В те места немедленно выехал инквизитор с отрядом стражи. Ничего, разумеется, не нашел, но с того раза берсеркер больше не объявлялся. Только сам факт, что инквизиция так нервно среагировала на обычный слух, о многом говорит!

— Ты считаешь, один из троих — этот берсеркер?

— Ну по возрасту им мог быть разве что Йорген, да и то вряд ли — говорили о взрослом мужчине, а не о мальчишке. Но это могли быть либо отцы Ялмара и Николаса, либо их деды, либо дед Йоргена по материнской линии, который воспитывал мальчишку. Правда, никто из них шаманством вроде не баловался, но ведь о таком не кричат на каждом углу.

— Да-а-а, ты проделал большую работу, — вынужден был согласиться я.

— И добился бы успеха, — сердито буркнул маг, — если бы не твое вероломное нападение! Неужели вам мало того, что со мной сделали?! Неужели нельзя было оставить в покое старика?!

— Ну-ну, не юродствуй! Ты все еще разыскиваемый государственный преступник.

— Придержи коней! У меня есть помилование!

— Ладно, на тот момент был им. К тому же занимался воровством с целью подорвать экономику королевства.

— Чтобы быть злым колдуном и при этом не выглядеть смешным, прежде всего нужно иметь средства к существованию! — фыркнул Мордаун. — Не знаю, чего ты там себе навывдумывал, а я деньги собирал, чтобы организовать экспедицию в Америку.

— Воровал, а не собирал.

— Да ладно тебе! Стянуть пару монет у пьяницы, который не спустил их в кабаке только потому, что не мог больше пить? Золотой у купца, который и не заметит потери? Бедняков мои крысы не трогали!

— Я сейчас расплачусь от умиления! Естественно, бедняков не трогали — что у них красть? А в подвале обнаружили монет разного достоинства почти на пять тысяч золотых.

— Сколько? — изумленно спросил Андрэ, роняя пончик.

— Ого! — уважительно покачала головой Коллет. — Наклевала курочка по семечку...

— Еще пара месяцев, и я насобирал бы нужную сумму, — вздохнул Морган. — Не понимаю, где я ошибся!

— Не скажу, — покачал я головой в ответ на его вопросительный взгляд. — Государственная тайна.

— Да ладно! Мы же теперь в одной лодке!

— Это знание никак не поможет тебе грести... Ладно, уже поздно. Сейчас ложимся спать, а с утра навестим наших викингов.

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 7 мая 16... г. от Р. Х.*

Забравшись на самый верх, можно увидеть такую перспективу, какую невозможно рассмотреть снизу. Но с этой позиции становится трудно различить детали и легко проникнуться пренебрежением к ним — ведь теперь твоему взору доступна вся картина. Это распространенная ошибка многих людей, достигших высокого положения, — считать простых людей серой, однородной массой где-то внизу. На самом деле каждый человек по своему необычен

Примечание на полях. И порою это чертовски утомительно!

На следующее утро я, Коллет и Андрэ отправились к первому кандидату в берсеркеры. Мордауна поначалу брать не хотели, но маг устроил форменную истерику, и Андрэ, быстро устав от его воплей, засунул скандалиста в кошель.

Ялмар Юси с семьей жил в том же доме, на первом этаже которого располагались его пекарня и хлебная лавка. Стоило нам войти, как нас окружили сногшибательные запахи свежеевыпеченного хлеба, сдобных булочек, корицы и ванили. У меня даже голова закружилась от воспоминаний далекого детства, когда кухарка приносила из деревенской

пекарни свежий хлеб и мы с братьями и сестрами делили еще горячие горбушки, круто посыпанные солью... Из сентиментальных воспоминаний меня вырвало громоподобное урчание в желудке Андрэ. Гигант мгновенно оказался возле прилавка и замер в счастливом оцепенении при виде разложенных на полках богатств.

— Что желают добрые господа? — Молодая румяная толстушка гостеприимно повела рукой: — Есть совсем свежий хлеб, только четверть часа как из печи. Есть пшеничный хлеб, ванильные сухарики...

— Ы-ы-ы... — простонал Андрэ, гулко сглатывая слюну. — Это... вот! И вот это! И это! И вот этих пять... нет, лучше шесть штук!

— Господа, видимо, проголодались? — понимающе улыбнулась хозяйка лавки. — У нас есть небольшой зальчик с верандой — там можно выпить чаю или кофе с нашей выпечкой...

— Спасибо, добрая госпожа! — церемонно поклонился я, впрочем помня об обычной реакции незнакомых людей на мой вид и не снимая шляпы. — Однако мы пришли к вашему супругу по важному делу. Мы обязательно примем ваше приглашение, но после разговора.

— Капитан?! — вскрикнул не ожидавший от меня подобной жестокости Андрэ. — Может быть, вы без меня обойдетесь? А я пока вас на веранде подожду? Когда мне еще из замка удастся выбраться?!

— Из замка?.. — Хозяйка лавки пригляделась к Андрэ, для конспирации наряженного скромным приказчиком, и всплеснула руками. — Ваше величество?! Какая честь для меня... Но тогда вы... вы...

— Добрая госпожа, пожалуйста, тише! — Я грозно посмотрел на беспечного короля и еще раз поклонился на этот раз сняв шляпу и продемонстрировав свою кошачью физиономию. — Мы здесь инкогнито.

— Ой... Какой симпатичный котик! — умилилась женщина. — Да еще и говорящий!

Я с трудом сдержался, чтобы не зашипеть. Тут, к счастью, на выручку подоспела Коллет:

— Давайте сделаем так — мы пройдем на веранду и там дождемся Ялмара за чашечкой чая. Мне кажется, это наилучший вариант — мы не будем мешать господину Юси в пекарне, а он сможет спокойно поговорить с нами, когда у него будет свободное время!

— И эта бездонная прорва сможет наконец набить пузо! — сварливо пробурчал из кошеля Морган.

— А?

— Да, Коллет, ты права! — Я торопливо потянул за штанину Андрэ: — Пошли, закажем чаю и пирожков.

Не успели мы рассесться за круглым столиком на увитой плющом веранде, как две расторопные девчушки в таких же, как у хозяйки, чепчиках, пышных платьях и полосатых гольфах принесли чай и пирожки.

— Итак, пока мы ждем господина Юси... Андрэ!

— Мм?

— Андрэ, ты не мог бы не засовывать пирожки в рот целиком?

— Почему? — наивно захлопал глазами гигант.

— Хотя бы потому, что ты подаешь плохой пример своим подданным! — кивнул я в сторону выглядывающих из-за двери дочек Ялмара. — Твои манеры чудовищны!

— Эх! Вот и вы туда же, господин капитан! — философски вздохнул Андрэ, откусывая полпирожка. После секундного критического осмотра вторая половинка отправилась следом. — Анна мне все время за эти манеры пеняет, Я как погляжу, лучше быть обычным батраком, чем королем. Тогда меня хозяева попрекали только тем, что я много ем, а теперь меня пият еще и за то, как я ем. И что мне толку от этого королевства, если я даже не могу есть так, как мне хочется?

— Гм... Надо же. Мне и в голову не приходило, что у нашего короля могут быть такие проблемы! — раздалось от дверей. — Здравствуйте, господа. Жена передала мне, что у вас ко

мне какое-то дело.

Я поднял глаза на вошедшего мужчину. Вот на ком имя Зигфрид сидело бы как влитое! Хлебопек был всего лишь на голову ниже Андрэ, зато шириной плеч не уступал ни на дюйм. Ялмар, видимо, пришел прямо от печи: толстенные руки, обнаженные по локоть, и лицо с короткой бородкой покрывала тончайшая мучная пыль. Прищуренные серые глаза смотрели не только без малейшего подобострастия, но даже с какой-то веселой наглостью.

— Я вижу, мои пирожки вам понравились, ваше величество?

— Мм! — торопливо закивал Андрэ, проглатывая очередной пирог целиком. — Великолепно!

— Я польщен. — Лицо хлебопека осталось невозмутимым, но взгляд потеплел. — Так что у вас за дело? Вы уж извините, политесу не обучен, да и печь без присмотра надолго оставлять нельзя.

— Неужели вы работаете даже без помощника? — удивилась Коллет. — Судя по лавке, дела у вас идут хорошо...

— Разве в этом дело? — вздохнул Ялмар. — Вот ты, мэтреса, доверила бы свои опыты наемному помощнику? То-то и оно! А тут не магия-шмагия, тут хлеб! Меня мой отец с пяти лет начал учить, а к тесту подпустил только в двенадцать! Зато сейчас половина города покупает хлеб у него, а другая — у меня... Жаль только, наследника Бог никак не дает.

— А вот эти девочки...

— То ж дочки! — махнул рукой пекарь. — Не женское это дело — хлеб печь... Да и вообще еду готовить!

— Почему это? — фыркнула Коллет.

— Ну вот сама скажи — зачем ты готовишь?

— Как это — зачем? Чтобы есть... ну или накормить кого...

— Гм... — переглянулись мы с Андрэ. Похоже, мы оба безуспешно попытались вспомнить, когда это Коллет хоть что-нибудь готовила.

— Вот именно! — значительно поднял вверх палец Ялмар. — Женщина готовит, чтобы накормить. Она берет рецепт, покупает именно столько продуктов, сколько в нем указано, и готовит именно так, как положено. Это ремесло. Оно может быть плохим или хорошим, но все равно остается ремеслом. А мужчина вкладывает в это душу. Настоящий повар презирует приготовление пищи по рецепту, рецепт — это только отправная точка, а дальше — творчество и немного колдовства!

— Или шаманства? — поспешил я вернуть разговор в нужное русло. А то у Коллет уже искры в прическе начали проскакивать. Что же до точности, у нее тут сих пор проблемы.

— Шаманства? Почему — шаманства?.. — Ялмар почесал бороду. — Ну можно сказать и «шаманство» вместо «колдовство», носмысл не меняется. Так вот...

— Подождите, уважаемый Ялмар, — поднял я лапу, — как вы сами заметили в начале разговора, времени у вас мало, да и у нас его не то чтобы много. Так что давайте вернемся к вопросу о шаманстве.

— Э-э-э... погодите... А при чем тут шаманство?

— Ну вы ведь, насколько нам известно, потомок шаманов?

— Я?! А... ну в принципе да, — растерянно кивнул хлебопек. — Но это ж бог знает когда было!

— Что было? — напрягся я. — Что?

— Ну это все... шаманы всякие, — пренебрежительно хмыкнул Ялмар. — Нет, я помню, конечно, старики у нас в деревне любили рассказывать всякую ерунду про прошлые времена. Ну знаете, когда еще трава была зеленее и вода мокрее. В детстве, конечно, я тоже любил послушать все эти саги о великих предках. Но что толку в предке — великом шамане, если сам ты ничего яс можешь?

— А вы ничего не можете? — подозрительно уставилась на хлебопека Коллет.

— Ничего! — развел громадными ладонями Ялмар. — И отец мой шаманить не умел, да и дед — он ведь у меня тоже хлебопек. До сих пор в родной деревне хлеб печет со старшим

сыном — моим дядькой. И его отец хлебопек был. Если и правду рассказывают предания про наш род, то давно все это было..

— И вы даже никогда не пытались?..

— Ну... — Ялмар покраснел.— Было дело. Я тогда молодой был, глупый. Кровь бурлила, казалось, что жизнь имеет смысл, только если можешь совершать подвиги и творить чудеса.

— И? — Мы с Коллет подались вперед. Даже Андрэ, глядя на нас, попытался сделать заинтересованное лицо.

— Ничего,— усмехнулся хлебопек.— Когда мне все это начало лезть в голову, пошел я в лес. Там у вас неподалеку от деревни древнее капище сохранилось, при нем ведьма прижилась. Какая-то пришлая, но ничего так, сильная. Кровь заговорить или воду найти — это ей раз плюнуть. Начал я к ней в ученики проситься. Она меня испытала и приговорила — силы во мне нет, не быть мне магом.

— И что вы сделали?

— А что тут поделаешь? Вернулся к печке. Отец вызнал, чего я такой смурной хожу, да мозги-то мне и вправил. Объяснил, что не тем жизнь определяется, сеть ли у тебя Сила и достиг ли ты величия, а тем достиг ли ты мира с самим собой. Можно быть великим магом, но люди будут от тебя шарахаться в ужасе и проклинать, как это было здесь, в Бублинге, когда мэтр Мордаун власть захватил. А можно быть простым хлебопек, а люди будут тебя уважать и любить. Вот так как-то...

— Понятно,— вздохнул я.— Ваш отец совершенно прав. Что ж, нам надо отправляться дальше.

— Не знаю, что вы ищете, но удачи вам в ваших поисках! — помахал нам вслед Ялмар.

— Ну что же, мне кажется, он был с нами откровенен,— подытожил я, когда мы удалились от дома господина Юси на приличное расстояние.— Он показался мне бесхитростным человеком.

— Тупой, самоуверенный мужлан! — фыркнула Коллет.— «Женщина то, женщина се!» Шовинист!

— Как он смел! — донеслось из кошеля жалобное хныканье Мордауна.— да меня все обожали! На руках готовы были носить!

— Угу, те, кому ты мозги успел задурить,— хмыкнул я.— Хватит ныть, Морган. Разговор ты слышал, что думаешь? Не врал он нам?

— Отстань от меня, бессердечное животное! — заверещал бывший маг так, что на нас оглянулись несколько прохожих.— Почему ты ничего не сказал, когда он поливал меня грязью?

— Морган, у тебя совсем мозги набекрень съехали,— вздохнул я.— С какой стати мне тебя защищать? Ладно, Коллет, надеюсь, ты-то сохранила здравый рассудок?

— Сохранила, не волнуйся,— проворчала ведьма.— Он не врал. Хотя, конечно, та ведьма, к которой он ходил,— позор для нашей профессии. Ну да чего ждать от профессионалки уровня «кровь заговаривала, воду искала»?!

— То есть?

— У него есть Сила. Небольшая, но ярко выраженная. Думаю, он даже неосознанно пользуется ею, отсюда и особенный вкус его хлеба.

— Но почему же ты промолчала?

— Конрад, ну сам подумай! Он известный в городе хлебопек, уважаемый человек. У него любящая жена и две прелестные дочурки. И вот он узнает, что его детская мечта может сбыться — он может стать магом. Это разрушит всю его жизнь, Лучше пусть он будет хорошим хлебопек, чем посредственным магом.

— Коллет?

— Ну ладно, ладно! Нечего было так про женщин говорить! Тоже мне философ!

— Ладно, хватит зря время тратить,— буркнул Мордаун.— Нам еще двоих надо проверить.

— Кто там у нас следующий? Йорген Сервантус?

— Да. Его дом через два квартала отсюда.

В отличие от Ялмара, аптекарь сам принимал посетителей в своей лавке. Впрочем, «принимал» — не совсем точное слово, поскольку, кроме нас, посетителей не было. Несмотря на это, к появлению возможных покупателей господин Сервантус отнесся прохладно. Оторвав взгляд от растрепанной тетради в которой в этот момент делал какие-то записи, аптекарь внимательно оглядел нашу компанию из-под косматых бровей и недовольно буркнул:

— Ну и кто из вас болен?

— Он! — без обиняков ткнула в меня пальцем Коллет.

— Он! — одновременно указал я на Андрэ.

— Я? — поразился гигант. — Чем?

— Проваливайте! — Аптекарь вновь уткнулся в свою тетрадь. — Заклинания не по моей части, а от тупости пока лекарства не изобрели.

— Ого! — восхитилась Коллет. — Вам хватило одного взгляда?

— А вы что, пари заключали, госпожа ведьма? — не отрываясь от записей, спросил Сервантус. — Впрочем, мне наплевать. Проваливайте в любом случае.

— Эй, нельзя ли повежливее с девушкой!

— Хм? — Аптекарь удостоил меня второго взгляда. — Для вас важна форма или содержание? Если я сформулирую свое пожелание так — не будете ли вы столь любезны, чтобы покинуть сей дом, — вы его исполните?

— Я умру? — Андрэ неожиданно схватил меня за плечи и начал трясти со всей своей немалой силы. — Скажите мне правду, капитан! Чем я болен?

— А-а-а-н-д-д-дрэ... — беспомощно трепыхаясь в огромных лапищах, попытался ответить я. — К-к-ка-к-к-к...

— Я умру! — Гигант так же неожиданно отпусти меня и схватился за голову.

— Какого хрена ты делаешь?! — договорил я, вскакивая с пола. — Совсем ума лишился?

— Скажите мне правду! — потребовал король, делая суровое лицо. — Вы специально придумали эти поиски, чтобы показать меня доктору? Я чем-то смертельно болен? Вы поэтому не хотели меня расстраивать?

— Боже... за что мне это?! — простонал я. — Нет, к сожалению, ты не умрешь. И ты даже не болен... разве что на голову, но у тебя это не жизненно важный орган.

— Как это? — обиделся Андрэ. — А чем я есть буду?

— Да, действительно...

— Ну хватит! — взвился господин Сервантус. — Уходите немедленно! Что за цирк вы тут устроили?!

— Морган, это яс твой родственник случайно?

— Иди ты... — раздраженно донеслось из кошель,

— Это кто сказал? — Аптекарь озадаченно посмотрел на Андрэ. — Он у вас чревовещанием занимается, что ли?

— Только когда голоден, — буркнул я и, забрав у Андрэ кошель, вытряхнул Мордауна на прилавок.

— Эй, аккуратнее! Что ты себе позволяешь?! А еще союзник называется! Что за цирк?!

— Не, вы точно родственники...

— Да я!.. Да я тебя!..

— Удивительно! — вполне нормальным тоном произнес Сервантус, разглядывая беснующегося крыса. — Никогда не думал, что возможно подобное уменьшение без потери сущности разума! Кто это сделал?

— Ну в некотором смысле я, — призналась Коллет.

— Милая барышня, поздравляю! — торжественно произнес аптекарь. — Как я понимаю, кот — тоже ваших рук дело?

Коллет совсем поникла и молча кивнула.

— Ну что вы! Вам нечего стыдиться! Ведь кот, как я понимаю, был результатом первого эксперимента, а крыса — второго? Рост мастерства налицо!

— Не смей называть меня крысой!

— А ты помолчи!.. Но что привело вас ко мне? Я рад буду помочь человеку, достигшему подобных высот в магии, но это действительно не совсем мой профиль.

— Вы совсем не пользуетесь магией? — спросил я, отесняя стушевавшуюся Коллет.

— Ну почему же? — пожал плечами Сервантус. — Пользуюсь. Насколько это может быть полезно в моей профессии. Но, поймите меня правильно, я изучал магию в той узкой специализации, которая меня интересует, — лечение человека. И потом, мой уровень — всего лишь любительство в сравнении с достижениями молодой госпожи. Не представляю, чем я мог бы быть полезен.

— А шаманством вы не интересовались?

— Хм. Интересовался, разумеется. — Сервантус вышел из-за прилавка, запер входную дверь и повесил на окно табличку «Закрывается». — Пойдемте в гостиную. Видимо, разговор предстоит долгий, я думаю, его лучше вести сидя.

Гостиная, надо сказать, отличалась от лавки только наличием нескольких разномастных кресел и отсутствием прилавка. В остальном те же полки с книгами и склянками. И также сильно пахнет лекарствами.

Господин Сервантус вручил Андрэ и Коллет бокалы с вином, вопросительно посмотрел на нас с Морганом, но мы вынуждены были отказаться.

— Понимаю, физиология, разумеется, тоже изменилась.

— Да уж, физии у обоих — смотреть страшно! — встрял Андрэ. — Я поначалу господина капитана до икотки боялся...

— Скажите, — не обращая внимания на гиганта, спросила Коллет, — вы и шаманством интересовались только как медик?

— Ну а как еще? — пожал плечами Сервантус.

— Но ведь у вас на родине были и другие направления шаманизма?

— «На родине»... — вздохнул аптекарь. — Видимо, мне следует немного рассказать о себе, чтобы вы могли понять некоторые аспекты, которые иначе покажутся вам странными. Видите ли, родины у меня нет.

— То есть как?

— Ну формально, конечно, родина у меня есть. Но только формально. Мой отец был корсаром и обладал очень непоседливым характером. Я до сих пор не понимаю, как его угораздило жениться на моей матушке — обычной сельской девушке. Как тут не поверить в некие таинственные флюиды, которые улавливают родственные души? Выскочив замуж, дотоле вполне благонаправная девица не пожелала сидеть на берегу и убедила отца — тогда уже капитана пиратского брига — взять ее с собой под видом юнги. Команда, конечно, подшучивала над капитаном, приблизившим симпатичного «юношу», но, когда у того начал расти живот, тайну пришлось раскрыть. Моя матушка добралась до родной деревни, родила меня и благополучно вернулась к отцу, а я остался на руках у ее родителей — моих деда и бабки. Я не унаследовал от своих родителей жажды приключений, сельская жизнь меня вполне устраивала, но, увы, продолжалась она недолго. В наш край пришло моровое поветрие, и я один из немногих, кто остался жив. Видимо, это и стало причиной моей одержимости... Да-да, я прекрасно сознаю, что одержим идеей найти абсолютное лекарство, но не собираюсь избавляться от нее — согласитесь, это ведь не самая бесполезная идея фикс?! Я бродил по свету, изучал методы лечения и рецепты лекарств, постигал магические приемы и случаи исцеления молитвами, чудотворными иконами и мощами святых. Многие тайны мне уже открылись, но еще больше предстоит изучить. Увы, человеческий век так короток!

— Но вы ведь еще не так стары! — воскликнула Коллет. Рассказ Сервантуса явно впечатлил ее. Да и меня, признаться, тоже.

— Это так, нон работа мне предстоит немалая. Так что простите меня за столь холодный прием. Я стараюсь тратить время только на действительно больных людей.

— Понятно,— вздохнул я.— Кажется, мы опять промахнулись.

— Да? — удивленно вскинул брови Сервантус.— А ведь вы так и не рассказали мне, зачем пришли!

— Все довольно просто,— пожала плечами Коллет.— К сожалению, я не могу расколдовать моих спутников. Согласитесь, эксперимент нельзя назвать завершенным, пока создан лишь яд, но не противоядие.

— Великий Авиценна учит нас, что яд и противоядие есть одно и то же, вопрос лишь в количестве.

— Черт,— стукнул крошечным кулачком по креслу Мордаун.— Черт! Черт! Черт! Как же так? Неужели мои расчеты оказались ошибочными!

— Какие расчеты?

— Он рассчитывал, что вы знаете шаманские практики превращения в берсеркера и обратно,— пояснила Коллет.

— Все гораздо хуже! Я рассчитывал в основном на Ялмара Юси, а Сервантус был запасным вариантом. Но они оба оказались ошибкой!

— Значит, нам нужен последний,— оптимистично заявил я.

— Так всегда бывает,— успокоил поникшего крыса Андрэ.— Я когда монетку ищу, она всегда оказывается в самом последнем кармане, в который я засуну руку.

— А если сразу с него начать? — не без веселой иронии спросил Сервантус.

— Думаешь, ты один такой умный? — свысока посмотрел на аптекаря Андрэ.— Откуда ж мне знать, какой карман будет последним?

— Вот достойнейший человек! — вздохнула Коллет, когда мы покинули лавку Сервантуса.— Поставил перед собой благородную цель и идет к ней, не жалея сил!

— Да, да, да... — кисло проворчал из кошель Мордаун.— Куда уж нам, жалким эгоистам! Но мы хотя бы не ставим перед собой невыполнимые задачи.

— Да, задача невероятно трудная, но почему ты считаешь ее невыполнимой? — возразила Коллет.

— Боже, и это говорит моя ученица?!

— Не называй меня своей ученицей!

— Да мне и самому было бы стыдно! Это же одна из принципиально не решаемых задач вроде философского камня или вечного двигателя!

— Спорное сравнение! А что ты скажешь, если он все-таки добьется своего?

— Что скажу я, не так уж и важно. А вот что скажут сотни тысяч врачей, аптекарей и цирюльников, которых он при этом оставит без заработка? Думаю, его распнут.

— Не все такие эгоисты, как ты!

— Это точно! — согласился крыс.— У меня хватает смелости не скрывать свой эгоизм.

Коллет презрительно фыркнула и дальше шла молча, не реагируя на подначки Мордауна, пока мы не добрались до Нижнего Города.

— Ну и где его тут искать? — поделился я своими сомнениями.— В этом районе кабаков больше, чем жилых домов.

— Чего проще? Спросим у местных жителей!

— Коллет...

Не слушая меня, несносная девчонка направилась к компании отъявленных головорезов, игравших в кости у причала. Через минуту раздался дружный издевательский смех, возмущенный вопль Коллет, а потом...

ШШШШАГРХ!

— Надутые шовинистические свиньи! — презрительно бросила Коллет, возвращаясь.— Ну ничего, теперь они десять раз подумают, прежде чем приставать к беззащитной девушке!

— Гм... — Я оглянулся на игроков, продолжающих остолбенело таращиться на прожженную в причале дыру. Одежда и волосы у некоторых слегка дымились. К портовым

запахам добавились новые ароматы, и это было отнюдь не благоухание цветов. — А... ты узнала, где нам искать Николаса?

— Нет. Да ладно, сейчас еще у кого-нибудь спросим.

— Стоп, стоп! Не надо! Лучше я сам спрошу!

— Ты? Ты еще Моргана пошли вопросы задавать!

— Ну... я же замаскировался!

— Если не приглядываться, за человека сойдешь,— хмыкнула Коллет.— Но вплотную лучше не подходить. К тому же они могут решить, что карлика ограбить будет легко.

— Тогда спрашивай ты, но от вас не отрывайся. Если у тебя за спиной будет маячить Андрэ, хамить тебе не осмелятся.

— Еще чего! Я в состоянии за себя постоять! Сам видел!

— У нас цель — найти Николаса Бокомьялле, а не перебить население Нижнего Города. Надеюсь, ты не забыла, зачем мы здесь?

— Не забыла,— проворчала Коллет.— Но проучить этих хамов стоило. Ладно, только ради тебя постараюсь сдержаться...

Следующая компания отнеслась к Коллет с куда большим уважением. То ли что-то такое прочли в глазах ведьмы, то ли на них произвел впечатление Андрэ.

— Николай Бокомьялле? — переспросил предводитель шайки.— Это ярл Синебрюх, что ли? Дык в «Пьяной щуке» он, если с товаром не уплыл.

— Не, не уплыл,— влез его приятель, бросая на Андрэ опасливый взгляд,— Лодку его я только недавно видел.

— Значит, точно в «Щуке»,— подытожил предводитель.— А на кой он вам?

— Хотим предложить ему должность в правительстве,— отрезал я.— Колет, Андрэ, пошли уже.

Вонь дешевого пойла, скверной еды и давно не мытых тел окутала нас плотным облаком еще шагах в десяти от заведения. Проняло даже Андрэ.

— Господин капитан, может, ну его? Давайте подождем этого вашего Синебрюха здесь!

— Гениальная идея. А как мы его узнаем?

— Ну вот крыска же его знает!

— Не смей называть меня крысой! И я не знаю, как выглядит Николай, я его ни разу не видел!

— Тогда выбора нет. Андрэ, не пытайся улизнуть, ты нам нужен! Я тебя не узнаю — там ведь еда!

Но даже такой безотказный прием на этот раз не сработал — при упоминании о еде Андрэ резко позеленел и зажал рот руками. Коллет тоже слегка позеленела, но упрямо взяла гиганта под руку и, вздернув нос, прошла мимо трех бесчувственных тел, украшавших дорогу перед дверями.

«Пьяная щука» оказалась убогим кабаком. То есть, я хочу сказать, в Нижнем Городе вообще трудно найти приличное питейное заведение, но в большинстве из них хотя бы регулярно меняют опилки на полу и каждый вечер моют кружки. В «Пьяной щуке» даже это явно считалось излишеством. Опилки на полу давно и качественно пропитались вином, пивом и физиологическими выделениями посетителей, в том числе кровью. В том числе — свежей кровью. Заметив несколько желтеющих под ногами зубов, я констатировал:

— Мы очень удачно пришли. Драка только что закончилась, значит, где-то полчаса на спокойный разговор с ярлом у нас есть.

— Если только он не оказался среди нов тех! — Коллет кивнула в сторону задней двери, через которую вышибала выволакивал за ноги побежденных.

— М-да... Ну будем надеяться на лучшее.— Я подошел к стойке и окликнул кабатчика: — Эй, уважаемый, могу я поговорить с ярлом Синебрюхом?

— Можете, кто ж вам запрещает?

— Ну и?

— Что?

— Где он?

— Здесь где-то был,— вздохнул кабатчик и пошарил взглядом по залу.— Да вон он сидит. В углу. В этой своей дурацкой шляпе.

— Который? — Я проследил за его взглядом.— Вы шутите?

— Очень надо. Это и есть ярл Синебрюх.

Я выругался. Похоже, Мордаун и впрямь здорово обманулся в расчетах, а вместе с ним и все мы. Меньше всего ярл Синебрюх походил на человека, посвященного в тайны шаманов. В принципе меньше всего он походил и на ярла... и даже просто на викинга.

Если бы я встретил его в Верхнем Городе, то принял бы за ваганта, для смеху нацепившего моряцкую одежду, смотревшуюся на нас абсолютно нелепо. Картин дополняла книжка на столе, которую «вагант» увлеченно читал.

— Это ярл Синебрюх?! — воскликнула Коллет, когда я вернулся к спутникам и указал на сидящего в углу парня.

— Тише, Коллет! Я тоже удивился... Но вспомни, все мои неприятности начались с того, что я принял тебя за ассистента обычного уличного фокусника. Так что давай сначала поговорим с Николасом, а по том будем делать выводы.

— Ты прав... наверное... — без особого энтузиазма поддержал меня Мордаун, перебравшийся из кошеля на плечо Андрэ, благо обстановка в кабаке позволяла.— Черт! Признаться, я не думал, что все так плохо!

— Николас Бокомьялле, он же ярл Синебрюх? — спросила Коллет, подходя к столику. По выражению ее лица было видно, что она очень надеется на отрицательный ответ.

— Э-эм? — Потомок викингов оторвал взгляд от книжки.

На вид Николасу было не больше тридцати, но кислое выражение узкого, давно не бритого лица и длинные неряшливые волосы сильно старили его. Сам он тоже был весь какой-то узкий и унылый — настоящее огородное пугало. Подняв на нас темные печальные глаза, которые больше подошли бы не викингу, а сарацину или иудею, ярл Синебрюх тяжело вздохнул:

— Я ни в чем не виноват!

— Замечательное начало беседы! — заметила Коллет.— Ты о чем вообще?

— Ну о чем же? — опять вздохнул Николас.— Небось это Кролик Бо пожаловался Ночному Магистру? Так вот я вам сразу заявляю — Кролик сам виноват вылез со своей лодкой прямо поперек моего курса. Я его предупреждал — река общая, и платить я не собираюсь!

— Слушай, парень, ты о чем вообще? — Я переглянулся с Коллет, та только пожала плечами.— Мы понятия не имеем, кто такой этот Кролик, и плевать нам на него.

— Тогда вы, наверное, по поводу той драки... — помрачнел Николас. — Но они сами напросились! Я вообще случайно этого парня толкнул и даже извинился! Ну вот вы мне скажите сами — одного извинения за случайный толчок ведь вполне достаточно? Вот и я считаю, что достаточно! Ну даже если что не так — можно решить все миром один на один. А этот сразу братву стал на помощь звать. И за ножи они первыми схватились...

— И сколько их было? — заинтересовался я.

— Ну... восемь.

— Ты хочешь сказать, что уложил восемь вооруженных людей?! — удивленно спросила Коллет, недоверчиво оглядывая тощую, нескладную фигуру ярла.

— Ну... да. Но они сами виноваты! Кто же в наше время рассчитывает на нож? — развел руками Николас, после чего выложил на стол два огромных четырех ствольных пистолета. — Прогресс на месте не стоит, госпожа. Кстати, они заряжены, а вас трое. Так что лучше нам разойтись миром.

— Хм. А парень вовсе не так безнадежен, как ты описал, Морган.

— Да уж. Но чего вы хотели — мои подчиненные не очень хорошо разбираются в людях.

— В рот мне якорь! Говорящая крыса!

— Не смей называть... а, да и хрен с тобой! Только перестань целиться в меня из своей пушки!

— Спокойно, ярл! — Я без приглашения уселся за стол и снял шляпу. — Мы тебе не враги.

— Святой Брашпиль! Говорящий кот!

— И что? Неужели такого крутого парня напугали какие-то говорящие животные? — спросила Коллет, также присаживаясь за стол.

— Ну... по крайней мере вы точно не от Ночного Магистра, — вернулся к своему унылому тону Николас. — Для него это было бы слишком.

— А что у тебя за дела с Ночным Магистром?

— Никаких дел! — махнул рукой Николас. — Это у Кролика Бо с ним дела, румпель ему в за... гм... извините, госпожа... румпель ему в ухо. Решил всех речников обложить данью — типа за защиту. Я ему по-хорошему объяснил, что никакая защита мне не нужна. От кого на реке защищаться? Он не внял — подстерег меня на стремнине и хотел перевернуть. Да только он плохой моряк даже для речника — сам же борт под мою «Перепелку» и подставил. Так что сам виноват... Но раз вы не от Ночного Магистра, значит, вам это все не особо интересно.

— Ну почему же? — Я с уважением посмотрел на «пугало». — Это очень познавательно... Но ты прав, у нас к тебе дело, и касается оно вещей, далеких от Ночного Магистра и вообще Гремзольда.

— Тогда вы тем более не по адресу, ребята, — возразил Николас. — Я нигде дальше нескольких городков вверх и вниз по течению не бывал.

— А как же Исландия? — вкрадчиво спросил Мордаун.

— Ну ты вспомнил! Я же там с пяти лет не был.

— Тем не менее вопрос касается как раз тех времен, когда твоя семья покинула Исландию... Кстати, а почему?

— А почему вас это интересует?

— Надо же, ты первый спросил об этом! — рассмеялся Морган. — Остальные даже не задумались — а с чего бы это откровенничать перед какими-то незнакомцами? Я начинаю тебя уважать, парень!

— Вот спасибо. Всю жизнь мечтал, чтобы меня уважали крысы.

— Не смей называть... а, ладно! Как меня все это утомило! — Морган сел на краю стола, грустно подперев морду лапками. — Ну и ладно. Все равно все это бессмысленно и я обречен влачить это жалкое существование еще долгие, долгие годы...

— Ну вот, — осуждающе покачал головой Андрэ. — Зачем ты крыску-то обидел?

— Блин, ребята, с вами не соскучишься, — мрачно усмехнулся Николас. — Чего это крыса истерику закатила?

— Потому что он не крыса, — пояснил я. — А я не кот. Не совсем кот. Слушай, Николас, для тебя это пустяк, а нам может здорово помочь.

— Когда я слышу такие слова, мне всегда хочется проверить карманы, — криво усмехнулся Николас. — Расскажите мне сначала, зачем вам знать подробности моего детства, а потом я решу, что вам рассказывать, а что нет.

— Коллет, подожди! Почему бы и нет? Ведь это мы пришли к нему за помощью. — Я успокаивающе погладил готовую взорваться девушку по руке. Потом добавил чуть слышно: — К тому же, если ты в него ударишь молнией, мы уже ничего не узнаем.

Коллет некоторое время продолжала сверлить взглядом унылую физиономию Николаса, но в конце концов сдалась и махнула рукой:

— Сам разбирайся!

— Что ж, слушай. Год назад мы с Морганом были превращены в животных. Как ни старались, ни мы сами, ни наши друзья не нашли способа снять это заклятие. Однако недавно Морган узнал, что на твоей родине сохранились знания древних шаманов об

истинных берсеркерах — знание, как превратиться в зверя, а потом вернуть человеческий облик.

— Примерно четверть века назад кто-то в тех краях продемонстрировал превращение в медведя-альбиноса, чтобы защитить односельчан, — продолжил мою речь Морган. — А потом сбежал, потому что по его душу явился инквизиторский отряд. Мы думаем, по был твой отец, И нам нужна твоя помощь, чтобы вернуть человеческий облик.

— С чего вы решили, что это мой отец?

— В Бублинг с тех времен прибыло всего пять потомков викингов, которые я по сей день живут здесь. Четверых мы уже посетили, остался только ты.

— Приятель... — как тебя там? — Моргая, в твоей логике прореха размером с Индийский океан. С чего ты взял, что беглец отправился сюда?

— Дело в том, что пять лет назад медведя-альбиноса видели недалеко от столицы, — торжествующе усмехнулся Мордаун. — Так что хватит вилать! Выкладывай!

— Морган, Морган, тихо! — поспешил я осадить мага. — Извини моего спутника, ему нелегко приходится в таком виде. Понимаю, ты можешь вас всех послать подальше, но почему бы не рассказать нам правду?

— Ну это другой разговор, — кивнул Николас. — Когда меня вежливо просят...

— Эй, ты! — раздалось у меня из-за спины. — Да, ты, пугало огородное. Ты, что ли, Синебрюх?

Я неторопливо обернулся, чтобы увидеть перервавшего наш разговор наглеца. Наглец оказался крепким, коренастым мужиком в одежде моряка и с абсолютно лысым черепом. В руке он сжимал старомодную аркебузу, направленную на Николаса. Хуже того, рядом с лысым стояли еще трое разбойного вида личностей, вооруженных кто аркебузами, кто пистолетами. Что меня особенно огорчило — все они целились в Николаса поверх моей головы.

— Ярл Синебрюх, — все тем же унылым голосом поправил Николас, — Я не виноват. Можете так Ночному Магистру и передать.

— Что, напустил в штаны? — усмехнулся лысый. — Правильно, здесь тебе не река. Собирай манатки и пошли. Перед Ночным Магистром будешь оправдываться, а не перед нами.

— Вы меня не поняли, — грустно покачал головой Николас. — Я не оправдывался. Это то, что вы передадите Ночному Магистру. Я не виноват. Кролик Бо сам напросился на неприятности. Пусть Магистр оставит меня в покое, и все будут жить долго, а кто-то, возможно, даже счастливо.

— Не хами, парень! — набычился лысый. — Если ты не заметил, я держу тебя на прицеле.

— Ятоже.

«А он, похоже, и сам шаман!» — мелькнуло у меня в голове. Пистолеты оказались в руках у Николаса быстрее, чем я успел глазом моргнуть. Один из бандитов от испуга нажал на крючок, его аркебуза мощно рывкнула, и я почувствовал, как пуля прошла в паре дюймов над моими ушами, к счастью угодив в стену. Народ в кабаке деловито попадал под столы. Николас нажал на спусковые крючки...

Щелк-щелк, щелк-щелк... щелк...

— Гы-ы-ы, попался! — довольно хрюкнул лысый. — Мы знали про твои пистолеты, потому приняли меры...

Из-за столика по соседству встал ничем не примечательный мужичок средних лет, одетый как обыкновенный крестьянин. Когда мы вошли, не обратили на него ни малейшего внимания. Еще бы — в тот момент вокруг его рук не струился желтоватый свет.

— Очень простое заклинание! — ухмыльнулся маг. — Не дает воспламениться пороху в твоих пистолетах. А у меня все очень хорошо воспламенится, — дружелюбно подмигнул лысый. — Если надо будет. Так что брось-ка стволы на пол и руки протяни вперед, а твои друзья пусть их тебе свяж...

На этот раз молния была не такая мощная — наверное Коллет, поспешила и не сконцентрировалась как следует, зато от ее удара разом вспыхнул порох в оружии и в пороховницах бандитов, так что совокупный эффект был даже сильнее, чем на пристани.

— Эффектно... — почесал затылок Николас, разглядывая курящийся сизым дымом пролом в полу.— Так о чем мы говорили до того, как нас прервали? А! Так вот, когда меня вежливо просят, я не вижу причин отказать. Но, увы, мой отец не сможет вам помочь — он умер.

— Мои соболезнования...

— Спасибо... Твой спутник правильно все рассчитал — именно он был берсеркером, который прогнал разбойников. Я, правда, смутно помню те события, мне ведь было тогда всего пять лет. Да это и неважно, потому что я видел, как отец превращается, и позже, уже в зрелом возрасте.

— Пять лет назад?

— И пять, и десять — он часто превращался, но обычно это удавалось скрывать. Беда в том, что это знание очень опасное. Берсеркер пользуется для пробуждения силы яростью, доводит себя до иступления потому с головой у всех берсеркеров беда. Даже у тех, которые не умеют по-настоящему превращаться в зверя. Чтобы легко входить в боевой транс, им приходилось учиться легко вызывать в себе бешенство, и постепенно им все труднее становилось контролировать себя. Берсеркеры часто нападали на своих же соратников, да и в мирной жизни то и дело впадали в бешенство и крушили все вокруг. В конце концов совет шаманов запретил изучать эту дисциплину, а потом, кажется в тысяча сто двадцатом году, светские власти издали закон, что, если кого застанут, когда он впадает в состояние берсеркера, будут отправлять в ссылку на три года.

— Но твои предки сохранили это умение?

— Да, но держали в тайне. Мужчины по отцовской линии учились этому умению, однако, закончив обучение, давали клятву применять его только в крайнем случае. Тот случай с разбойниками и был крайним, но... отцу понравилось,— грустно вздохнул Николас.— Нам пришлось бежать из деревни, жизнь пошла не очень веселая, но настоящей необходимости в использовании силы берсеркера не возникало. Однако отец стал регулярно придумывать «крайние случаи», оправдывая тем свою страсть к превращению в зверя. А потом и оправдываться перестал, просто уходил в лес и превращался в медведя. Постепенно он все больше времени проводил в звериной шкуре, а в те редкие моменты, когда возвращался домой, по сути оставался тем же зверем, только в человеческом обличье. Мы с мамой ужасно боялись его и почувствовали облегчение, только когда он пропал.

— Ты же сказал, что он умер?

— Ну тело его, может быть, до сих пор живо, но разум и душа — они давно умерли.

— Понимаю... А ты...

— Нет,— развел руками Николас.— Знание передавалось, когда мужчина из нашего рода достигал совершеннолетия. К тому моменту, когда мне исполнилось четырнадцать, у отца уже развилась эта мания и он почти не мог меня учить — все время убегал в лес. Да и мама, видя такое, не желала, чтобы я повторил судьбу отца. Честно говоря, я его и сам боялся и не стыжусь в этом признаться. В облике медведя он совершенно себя не помнил.

— Но хоть что-то он успел тебе передать?

— Только самые начала. Они совершенно бесполезны...

— Ну мы ведь на это особо и не рассчитывали? — Я переглянулся с Морганом.— Скажи, ярл, а в твоём роду не хранили каких-нибудь преданий о том, как и где было получено это знание твоими предками?

— Ну какие-то сказки, конечно, в детстве мне доводилось слышать. Но что вам толку с этого? Если верить этим преданиям, то самый первый в роду берсеркер получил посвящение у черта на куличках — где-то в Южной Америке. Драккар, на котором плыл и мой предок, занесло туда штормом. Команда жила там почти месяц, пока чинили корабль. Не помню, как там получилось — все-таки я те сказки только в детстве слышал,— но мой предок был

принят шаманом индейцев и признан достойным посвящения... А, вспомнил! Кого-то он там спас, то ли вождя, то ли еще кого-то важного, вот его и решили наградить. Вот так наш род и получил это знание.

— Все как я говорил! — заметался по столу Мордаун. — В Южной Америке! Но где?! Ты не помнишь точного места?

— Да откуда же в сказке точное место? — хмыкнул Николас. — Я же говорил, что толку от моего рассказа вам не будет.

— Но как-то же должны были его обозначать? Не говорили же «дошел славный викинг до какого-то места»?

— Гм... Ты меня озадачил, — признался Николас. — Наверное, как-то называли, но я совершенно не помню. Сам подумай, сколько лет прошло!

— Вспоминай! — заверещал Морган, неожиданно запрыгнув на грудь Николаса и пытаясь встряхнуть его за фуфайку. — Вспоминай! Что значит, «сколько лет прошло»? Нам теперь из-за тебя всю жизнь животными... Отпусти меня! Не смей так обращаться с великим магом!

— Я вам, конечно, благодарен за помощь. — Николас оторвал от себя брыкающегося крыса, поставил на стол и прикрыл сверху пустой миской. — И с удовольствием бы помог вам, поскольку не люблю оставаться в долгу. Но я действительно не помню подробностей. Мне ведь было тогда всего пять лет,

— Проклятье! — Ястукнул лапой по столу. — Ну до чего же не везет!

— Что ж, придется нам искать дальше самим, — попыталась успокоить меня Коллет. — По крайней мере, континент нам известен — Южная Америка. Поселений европейцев там даже сейчас не так много, так что место высадки викингов мы в конце концов найдем. Ну а индейский город будет где-то не очень далеко от него, ведь викингов занесло в те места случайно, они вряд ли организовывали экспедиции в глубь материка.

— Вы удивительная девушка! — с уважением протянул Николас. — Такая уверенность и энергия впечатляют!

— Ты не особо впечатляйся, — хмуро проворчал я. — Ладно, все, что могли, мы узнали. Пора возвращаться во дворец.

— Мне правда жаль. — Николас вышел из кабака вместе с нами, но у крыльца остановился. — Мне в другую сторону — на пристань. Удачи вам. Прощайте.

Не успели мы отойти и десяти шагов, как в кабаке раздались испуганные вопли, а из дверей начали выскакивать посетители с искаженными ужасом лицами,

— Видимо, опять драка началась, — пожал я плечами в ответ на вопросительный взгляд Коллет. — В таких местах это самый распространенный досуг. Мы вовремя смылись.

— Что-то это не очень похоже на драку, — с сомнением произнесла Коллет, провожая взглядом дюжего мужика, пробежавшего мимо нас с паническими воплями: «Дьявол! Дьявол!».

— Да, пожалуй. Это мне что-то напоминает... — Я подозрительно посмотрел на кошель Андрэ. — Ваше величество, а где мэтр Мордаун?

— А?

— Иезус Мария!

Запись в дневнике Конрада фон Котта

от 8 мая 16... г. от Р. Х.

Человеческий разум способен творить чудеса. Для этого даже не нужно обладать Силой и магическими умениями. Мы привыкли искать готовые ответы у авторитетных авторов и древних мудрецов. Но если готового ответа нет, мы в состоянии найти его сами — ведь на самом деле мы умеем мыслить ничуть не хуже тех самых авторитетных мудрецов, просто нужна привычка и стремление познать истину.

Примечание на полях. Хотя в данной ситуации я все-таки предпочел бы узнать готовый ответ.

— Я вам не верю! — обвел нас подозрительным взглядом Морган. — Вы наверняка это

специально сделали! Решили избавиться от меня, когда я стал не нужен?!

— Морган, перестань нести чушь! — вспыхнула Коллет. — Никто не собирался от тебя избавляться! Просто забыли...

Конечно! Кто такой Морган? Жалкая крыса, от которой нужно только получить сведения! А потом можно спокойно смотреть, как его унижает какой-то сомнительный оборванец! Вас бы так под миской на столе оставить! Вы вообще можете себе представить, что я пережил, пока сидел там? А! О чем я? Какое вам дело до старого, больного Моргана?

— Хватит уже ныть,— буркнул я, не отрываясь от карты.— Подумаешь, посидел немного под миской. Тоже мне страдалец.

— Меня там чуть не убили!

— Не ври. Все сразу разбежались, стоило тебе заговорить. Едва кабак не разнесли. Теперь по столице ходят слухи о нашествии демонов-крыс. К утру уже появилась новая тайная секта крысопоклонников. С самого утра на рыночной площади они проповедуют близкий конец света и собирают пожертвования.

— А зачем им деньги, если конец света близится? — удивилась Коллет.

— Не знаю,— сказал я.— Это мне Карнелиус рассказал. Он летал осматривать чердак ратуши, пожалованный вчера воронам Бублинга, и увидел на площади столпотворение. У тебя, Морган, какой-то талант устраивать смуту.

— Ну конечно! Давайте теперь на меня всех собак вешать! — сварливо проговорил крыс.— Что мне оставалось делать? Сами виноваты — оставили меня под этой чертовой миской. Я же думал, это вы за мной вернулись, а оказалось — хозяин кабака. Вот я и растерялся, иначе он меня, конечно, ни за что не поймал бы. Пришлось спасти шкуру. Можно подумать, вы поступили бы иначе?!

— Да, но зачем было гоняться за посетителями с криками: «Грядет конец света, грешники! Покайтесь публично!»?

— А что такого? Я ведь правду сказал — конец света грядет. Или ты сомневаешься в Библии?

— Нет, но... растерялась Коллет,— с чего ты взял, что он скоро наступит?

— А я и не говорил, что он вот прямо сейчас грядет,— развел лапками Морган.— Это уж они сами выводы сделали,

— Ну все, хватит отвлекаться на пустяки! — гаркнул я.— С сектантами Анна как-нибудь и без нас справится. А у нас более важная задача.

— Да, верно. В общем, судя по записям конкистадоров, вот эти места,— сказала Коллет, продолжая разговор, прерванный появлением Мордауна. Окунув перо в красные чернила, она поставила на карте четыре жирных крестика.— В каждом из них были обнаружены следы заброшенных поселений. Вернее, в трех. На месте четвертого сейчас испанский город Нехренаско-дель-Пупо.

— Именно этот город кажется мне наиболее перспективным в качестве отправной точки наших поисков,— подхватил я.— Пока Коллет изучала отчеты конкистадоров, мне пришлось в голову взяться за проблему с другого конца. Если верить легенде, драккар викингов занесло в те места случайно. Эта деталь правдоподобна — драккары были плохо приспособлены к плаванию в открытом море, никаких карт, да в вообще хоть каких-то знаний о тех местах у викингов не было. То есть можно предположить, что они в тот раз плыли по воле ветра и волн. Учитывая сезон навигации, я рассчитал примерный район, куда могло занести предков ярла Синебрюха. В этом районе, как вы уже догадались, как раз и находится Нехрснаско-дель-Пупо. Что, в общем, логично — первые конкистадоры, основавшие этот город, тоже плыли наугад.

— Логично,— согласился Мордаун и выжидающе уставился на Андрэ.— Ну?

—А?

— Да нет, ничего,— махнул лапкой Морган.— Просто Коллет с котом так слаженно разыграли партию, что я ожидал и от тебя какого-нибудь откровения.

— Чего?

— А, забудь... — Морган прошелся по карте вокруг обозначенного города и азартно потер лапки.— Что же, дети мои, признаю — вы времени зря не теряли! План перестает выглядеть безнадежным.

— Черт! Даже если бы он выглядел совершенно безнадежным, я все равно попытался бы,— проворчал я.— Теперь осталось спланировать предстоящую кампанию. Андрэ, ты не передумал?

— Что вы, господин капитан! — заволновался гигант.— Не оставляйте меня здесь!

— В таком путешествии возможно все,— вкрадчиво проговорил я.— Вполне вероятно, что нам придется и голодать...

На лице Андрэ отразилась мучительная борьба, но бывший оруженосец мужественно нахмурился и покачал головой:

— Вы же знаете, господин капитан — к этому мне

не привыкать! Особенно с тех пор, как меня угораздило стать королем.

— Хорошо. Значит, определились — отправляемся вчетвером...

— Впятером,— поправил меня Морган.— Неужели вы думаете, я отправлюсь один в таком враждебном окружении? Вы так меня опять в каком-нибудь кабаке забудете!

— Ты хочешь взять с собою Жака? — догадалась Коллет.— Но он же трус! Что с него толку?

— От труса можно ожидать чего угодно,— многозначительно произнес Морган. — Даже героизма. К тому же Жак абсолютно предан мне.

— Поступай как знаешь,— недовольно поморщилась Коллет.— Я, конечно, не в восторге от путешествия в компании этого предателя, но уверена, он сбежит при первом же намеке на опасность.

— Так. Значит, пятеро. Четверым из нас будут нужны лошади...

— Почему это — четверым?!! Ты на меня намекаешь? — немедленно завелся Мордаун.— Я не намерен терпеть подобное пренебрежение! Ты тоже далеко не кавалерист, а для себя лошадь посчитал!

— Морган,— обратился я к крысу, заглядывая в маленькие глазки,— ты и впрямь такой тупой или притворяешься? Если будешь настаивать, я, конечно, попрошу у Анны для тебя отдельную лошадь, но с условием — ты действительно будешь ехать на ней. Надеюсь, ты свалишься с седла на первой же миле и убьешься насмерть.

— Ты меня ненавидишь! — завопил склочный крыс.— Вы все меня ненавидите!

— А за что тебя любить? — перебил я его.— Но не преувеличивай. Настоящей ненависти як тебе не испытываю. Просто ты мне надоел. Кроме того, путешествие предстоит слишком долгое и трудное, чтобы терпеть спутника с таким вздорным характером. Кто же время ты далеко не самый полезный участник нашей экспедиции, Намек понятен?

— Я тебе этого не забуду, Конрад фон Котт!

— ?..

— Понятен, понятен...

— Итак, восемь лошадей. Багаж с собой берем минимальный — нам ведь еще предстоит через океан переправляться. К тому же испанцы обосновались там давно, глупо тащить с собой то, что можно купить на месте. Примерный список необходимого я составил, прошу всех прочитать и до завтрашнего утра вписать то, что считаете нужным.

— Добираться будем через Испанию? — деловито поинтересовалась Коллет.

— Да. Из всех нас я, наверное, самый бывалый путешественник. Но даже мне пока не приходилось участвовать в морских экспедициях. А значит, надо везде, где только возможно, пользоваться опытом тех, кто на этом собаку съел. Строить собственный корабль и нанимать собственную команду — лишняя трата времени и денег. Все равно никто из нас в этом ничего не смыслит. Проще будет добраться до Кадиса и сесть на фрегат, идущий в Южную Америку.

— Испания... — задумчиво пробормотала Коллет.— Не самое лучшее место для ведьмы и двух разговаривающих животных.

— Это точно.— Помрачневший Мордаун даже не обратил внимания на то, что его назвали животным.— Последнее место, куда я сунулся бы и в прежнем своем виде.

— Да ладно вам! Я бывал в Испании, правда проездом сопровождал караван купцов, но страна вполне приятная...

— Для наемника,— хмыкнула Коллет.— Простой ландскнехт вряд ли мог заинтересовать инквизицию. А вот ведьма, да еще придворный маг,— просто ходячий вызов.

— Нам в любом случае придется скрывать свои настоящие личности,— сказал я.— Говорящие кот, и крыса вызывают нездоровую реакцию даже в цивилизованном Бублинге. Да и Андрэ лучше не афишировать свой королевский статус — на смех поднимут.

— Не стоит недооценивать шпионов инквизиции.— Морган передернулся.— Их разведка очень хорошо работает. Исходи из того, что про нашу компанию им будет известно задолго до того, как мы пересечем границу Испании.

— Ну я тоже не новичок,— возразил я.— У них свои шпионы, у меня — свои. Причем у меня такие, каких у инквизиторов просто не может быть.

— Мне бы твою уверенность,— вздохнул Морган, но продолжать спор не стал.

Выезд решено было не откладывать — благо по летнему времени светало рано, так что на площади перед дворцом мы собрались с петухами.

Вернее, с одним петухом.

— Транквилл, ты же не хотел, чтобы я снова превращался в человека!

— Я и сейчас этого не хочу.

— Тогда зачем?

— Како-ко-кой ты все-таки бестолковый! — развел крыльями петух.— Даже длительное общение со мной ни в малейшей степени не облагородило тебя. Все тот же ограниченный человеческий разум. Разве не естественно стремиться помочь другу, пусть даже и не разделяешь его целей? К тому же, если ты уедешь, мне совершенно не с кем будет поговорить!

— Но путешествие может быть опасным.

— Вся наша жизнь — путешествие, полное опасностей! — напыщенно возвестил петух.— Я не пойму, ты что, не рад моему обществу? Ты считаешь, что я буду вам обузой?! Вот она, человеческая неблагодарность!

— Что ты, Гай, никто тебя обузой не считает! — соврал я.— Ладно, если хочешь, присоединяйся. В конце концов, ты взрослый чел... гм... петух, вправе сам распоряжаться своей судьбой.

— Вот именно! — довольный Транквилл вспорхнул на спину Иголки и вцепился когтями в луку седла.— Ну что, поехали?

— Этот горлопан опять будет всю дорогу квохтать у меня над ухом? — возмутилась Иголка.— И будить нас посреди ночи своими воплями?

— Это не вопли, серость ты казарменная! Это гимн солнцу, который традиционно поют лучшие сыны нашего племени!

— А по мне, так это вопли и есть, как ты их ни называй,— упрямо тряхнула гривой лошадь.— Ладно, капеллан, не дуйся — это ж я шучу так! Ну что, капитан, в путь?

— Сейчас... — Я подошел к королеве, вышедшей на крыльцо проводить нас в путь, и опустил на одно колено.— Благодарю вас, ваше величество, за покровительство, которым я и мои друзья пользовались все это время. На тот случай, если нам не суждено будет вернуться, я хотел бы заверить вас...

— А ну заткнись! — Анна ловко ухватила меня за шиворот и поднесла к самому лицу.— Только попробуй не вернуться! Я вам с Андрэ тогда такое устрою — мало не покажется!

— Не беспокойтесь,— уверенно произнесла Коллет.— Я прослежу, чтобы эти двое не наделали каких-нибудь глупостей.

— Я в тебе уверена,— кивнула Анна.— Если бы не ты, я Андрэ ни за что не отпустила бы. Он же совсем не приспособлен к этому миру... Что ж, поезжайте уже, я что-то совсем

раскисла, а подданным не пристало видеть свою королеву в слезах.

Я запрыгнул в седло, помахал шляпой и надвинул ее поглубже на уши. Теперь мне редко придется снимать ее, как и шейный платок, закрывающий мою морду по самые глаза.

Надо признать, наш отряд представлял собой то еще зрелище!

Возглавлял его, разумеется, ваш покорный слуга, в одежде выглядевший словно карлик испытывающий неприязнь к солнечному свету,— камзол наглухо застегнут, воротник поднят, морду скрывают шейный платок и низко надвинутая шляпа. На лапах перчатки. На седле передо мною Гай Светоний Транквилл, с любопытством озирающийся по сторонам и время от времени отпускающий язвительные замечания, к счастью из людей понятные только мне.

По правую руку от меня — его величество Андрэ Первый Могучий. Для него долго подбирали подходящий образ, но ничего лучше странствующего рыцаря не придумали. Во-первых, единственными конями, способными долго нести эту тушу, оказались огромные дестриэ Максимилиан и его брат Артур. Простой человек верхом на явно рыцарском коне вызвал бы ненужные подозрения. Во-вторых, лицо Андрэ бескомпромиссно выдавало в нем либо героя, либо деревенского дурачка. К счастью, во дворце имелось что-то вроде небольшого музея, куда помещалось оружие и доспехи наиболее известных рыцарей Гремзольда — после их героической гибели или ухода на покой. С трудом, но для Андрэ все-таки нашелся доспех по размеру. Кучу железа, похожий на дверь щит и меч погрузили на Артура. Я искренне надеялся, что надевать весь этот хлам на Андрэ не придется.

После того как в отряде появилась такая колоритная фигура, за достоверность образов остальных участников экспедиции можно было особо не переживать. Коллет, пользуясь художавым сложением, нарядилась в костюм оруженосца, а Жаку Кошону подобрали ничего не говорящую одежду путешественника среднего класса, в ней он мог сойти и за небогатого купца, и за слугу рыцаря.

Жак благоразумно держался позади, о чем-то вполголоса разговаривая с Мордауном, ради которого пришел на животе большой плотный карман. Мое замечание, что человек, разговаривающий со своим животом, выглядит подозрительно, а еще более подозрительно выглядит человек, которому живот *отвечает*, Жак проигнорировал. Ладно, авось сойдет за умалишенного.

Впрочем, мы специально выехали так рано, чтобы не привлекать особого внимания. На улицах просыпающейся столицы нам попалось всего несколько прохожих, даже не взглянувших в нашу сторону. Городские ворота обычно открывались гораздо позже, но Коллет предусмотрительно запаслась письменным приказом Анны, и нас беспрепятственно выпустили.

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 9 мая 16... г. от Р. Х.*

Итак, наше путешествие началось! Надо признаться, я и не подозревал, до чего же мне прискучила спокойная придворная жизнь! Да, некоторое время после бурных событий отдых был необходим и моему телу, и особенно душе. Но подозреваю, что в большой степени причиной охватившего меня уныния было то, что я банально засиделся в четырех стенах. И вот я вновь в седле, впереди — дальняя дорога и неизведанные земли, захватывающие дух приключения, верные друзья, готовые прикрыть спину...

Примечание на полях. В первом же городе необходимо купить крысиного яда...

— Я устал! Я вымотан! Когда уже наконец привал? Я зна-а-а., вы специально издеваетесь надо мною, готовы себя загнать, лишь бы меня помучить! Я хочу кофе! Имеет право старый больной человек на чашечку кофе...

— Конрад! — не выдержал наконец Транквилл.— Если ты его не заткнешь, я... я не знаю, что сделаю!

— И правда, капитан,— поддержала петуха Иголка.— Я всегда считала, что зануднее Гая нет на свете существа, но это что-то невообразимое!

— И как прикажете его затыкать? Слова на него не действуют, а бить его мне не дает

Жак.

— Давайте устроим привал,— немедленно подала идею лошадь.— А я на него случайно наступлю.

— Я все слышал! — немедленно заверещал Морган.— И не надейтесь, что этот коварный план у вас сработает! Я сам разработал тысячи коварных планов, вам меня не переплюнуть!

Я взглянул на солнце.

— Никакого привала. Морган, ты о чем вообще думаешь? Мы едва ли три часа в пути. Если каждые три часа останавливаться на отдых, мы до Америки вообще никогда не доберемся.

— А если ты нас будешь гнать без остановки, мы сдохнем по пути! — возразил крыс.— У меня все тело болит! Меня укачивает! Я хочу кофе и массаж пяток!

— Коллет! — Я подергал ведьму за рукав и состроил жалобное лицо.— Наколдуй на него какой-нибудь заговор молчания, а?

Коллет вздохнула и развела руками:

— Я такого заклинания не знаю. Хочешь — дам пчелиного воска.

— Рот ему залепить? Интересная идея...

— Я протестую!

— Вообще-то я хотела предложить сделать затычки в уши.

— Нет, это не выход. Мне надо слышать, что вокруг происходит. Правда, из-за его нытья все равно ничего не слышно! Если на нас устроят засаду, я не смогу заранее услышать.

— У тебя паранойя! Кому надо устраивать 1-га пас засады?! Ты сам нас до смерти загонишь.

— Заткнись, Морган!.

— И нечего мне рот затыкать! Я имею права.

Я развернул Иголку, подскочил к Кошону и ловко схватил наполовину Высунувшегося из кармана Моргана. Сдавлив шею перепуганного мага, я приложил другую лапу к губам и прошипел:

— Тишшш!

— Конрад, ты что делаешь?! — всплеснула руками Коллет.

— Правильно, ко-капитан, прико-ко-кончите уже его!

— Тихо! — повторил я, насторожив уши.— Кто-то догоняет нас... Один всадник. Скачет во весь опор.

— Ну что нам может сделать один всадник? — пожала плечами ведьма.

— Не разделяю твоего оптимизма.— Я вернул жадно глотающего воздух Моргана в руки Жака.— Из всей нашей компании толком сражаться можешь только ты. Из меня вояка плохой, разве что покусать да поцарапать могу. Андрэ дерется, только когда совсем припрет...

— Да я че... я же ниче, — развел руками гигант.— Я постараюсь!

— Угу. И упадешь в обморок при виде разбитого носа врага.

— А вот и не упаду,— возразил заранее побледневший король.— У меня иногда получается! И вообще, я же предлагал взять с собой нескольких рыцарей!

— Может быть, сразу все войско? И устроить небольшую, но победоносную войну с Испанией?.. В общем, предлагаю от греха подальше спрятаться.— Я посмотрел на Максимилиана и Артура и безнадежно махнул лапой.— Нет, с такими лосями не выйдет. Ладно, на всякий случай приготовься пустить в ход свое коронное заклинание.

Коллет кивнула и несколько раз встряхнула кистями рук. По пальцам девушки забегали искры. Андрэ упрямо фыркнул и вытащил из поклажи меч. За полгода пребывания во дворце он выучился только правильно держать оружие, но по крайней мере выглядел с двуручником в руках устрашающе. Жак предусмотрительно спешился и нырнул в кусты. Ну и черт с ним — все равно толку от трусоватого вора никакого.

На дороге показался всадник. Я сразу узнал тощую длинную фигуру в одежде моряка и

нелепую кожаную шляпу и расслабился,

— Отбой тревоги.

— Николас? — Коллет тоже узнала нашего недавнего собеседника.— А он-то здесь откуда?

— Шкурой чувствую, в нашем отряде ожидается прибавление... Приветствую, ярл! Ты нас искал или по своим делам?

Николас осадил лошадь и окинул нашу компанию унылым взглядом. Лицо его с последней встречи вытянулось еще сильнее, а уголки губ опустились так низко, что линия рта образовала почти идеальный полукруг.

— Мои дела в этом городе, похоже, все переделались. Если не возражаете, я присоединюсь к вам?

— Что, Ночной Магистр все-таки выжил тебя из города?

— Ну... в некотором смысле.

— Но мы едем в Южную Америку. Не далековато для тебя?

Николас пожал плечами:

— Чем дальше, тем лучше.

— Ну тогда добро пожаловать в команду! — обрадовался я. Совсем неплохо, что к нашему бродячему цирку присоединяется опытный боец.

Николас молча кивнул и внимательно посмотрел на лошадь с пустым седлом.

— А... Жак, Морган, хватит прятаться. Вылезайте! Морган, ты что, ярла Синеврюха не узнал?

— Мы не прятались! Мы совершали обходной маневр! — с достоинством возразил Мордаун.— Кстати, с какой стати ты принимаешь такие важные решения единолично?

— Потому что я руковожу экспедицией!

— А кто тебя назначил, а? Я вот весьма сомневаюсь в твоей способности руководить! У тебя даже опыта нет!

— Ну это ты загнул! Я, между прочим, капитан и лицензию имею! Командовал отрядом ландскнехтов!

— А я управлял целым королевством!

— Всего несколько месяцев! А потом тебя сместили!

— А тебя чуть не повесили твои же солдаты!

— Иезус Мария! — чуть не упал я с Иголки.— А ты откуда знаешь?!

Хе-хе! — довольно потер лапки Морган.— А ты думал, запрягал свое прошлое навсегда? Фигушки! Я тоже умею собирать информацию о своих врагах!

— Господи,— тихо пробормотал Николас.— Пожалуй мне будет лучше одному...

— Вот-вот! Нам тоже не нужны в команде подозрительны бродяги, позволяющие себе оскорблять могущественных магов!

Брови Николаса поползли вверх.

— Блин! Когда это я успел оскорбить могущественных магов?

— Ты накрыл меня миской!

— А ты что — могущественный маг?

Мордаун подбоченился и гордо выпятил грудь:

— Да! Я самый могущественный маг в Гремзольде! А возможно, и в Европе!

— Тогда почему ты позволил накрыть себя миской если такой крутой?

— Э-э-э... А что мы стоим-то? Поехали! Время уходит!

— Ты же просил устроить привал,— не преминул я подколоть Моргана.— Раз уж все равно остановились можем отдохнуть!

— Ты только об отдыхе можешь думать! А я хочу как можно быстрее избавиться от этой шкуры, между прочим! Поехали! Никаких привалов до вечера!

Я усмехнулся в усы и скомандовал Иголке трогаться.

Как вскоре выяснилось, решимости Мордауна хватило ненадолго. Уже через пару часов Морган вновь начал жаловаться, что устал, что его укачивает, что он голоден, и

перечислять прочие претензии к жизни, Я даже проникся жалостью к Жаку, который стоически терпел все капризы хозяина — подавал воду, нарезал яблоки, носил в кусты... Интересно, что такого наобещал Мордаун нору, что тот так старается?

Впрочем, скорее всего, дело было в знаменитой магии мэтра Мордауна. Коллет когда-то давно объяснила мне, что Морган может заморочить голову кому угодно. Жак впервые столкнулся с магом сразу после превращения того в крысу. В тот момент Морган еще сохранил большую часть своей Силы, он даже сумел вызвать пространственную дыру и закинуть меня в Либерхоффе. А уж заморочить вора-неудачника, и без того не особо крепкого на голову, это для Моргана было вообще раз плюнуть. Странно, правда, что эта магия сохранилась даже теперь, когда магическая Сила в Мордауне иссякла. С другой стороны, я ровным счетом ничего не понимаю в магии и ее законах. Может быть, так и должно быть?

А может быть, магия тут и ни при чем? Что, если Жак вполне сознательно предал нас тогда, поставив на мага, ведь для Кошона это было далеко не первое предательство?! А теперь ему просто некуда деваться, вот он и продолжает держаться за Мордауна.

Так ли это? Или я слишком самоуверен и Жак знает что-то, чего не знаю я? Возможно, Морган поделился с вором своими планами, и в этих планах все мы, лишь пешки хитроумного царедворца? Он ведь не только маг, но и мастер плести интриги! И вся его нынешняя беспомощность и глупые жалобы — маска? Эта мысль так основательно засела в моей голове, что я размышлял об этом весь остаток дня. Даже когда мы к вечеру добрались до небольшого городка и остановились на постоялом дворе, я поймал себя на том, что пытаюсь незаметно следить за Жаком и Мордауном.

— Конрад,— строго одернул я себя,— осторожность конечно, никогда не помешает, но это уже что-то нездоровое!

— Ты что-то сказал? — спросила Коллет, оборачиваясь.

— А? Нет-нет, все в порядке, — ответил я.— Дурацкая привычка появилась — разговаривать с самим собой вслух.

— Еще бы ей не появиться! Ты же всю весну просидел один на своем чердаке. Видел бы ты, как прекрасен был дворцовый парк! Ты много потерял.

— Э.. ну да, наверное... — промямлил я.— Понимаешь, работы было много.

— Ой, ну хоть мне-то не ври. А то я не знаю, как ты «работал»! Учти, если опять запьешь, превращу тебя в статую! — Коллет смерила меня напоследок уничижительным взглядом и проследовала к столу, за которым уже собрался наш отряд.

Я ошарашено посмотрел вслед девушке. И угораздило же меня полюбить ведьму!

Первый день путешествия здорово вымотал всех, даже меня, так что, перекусив на скорую руку, мы разбрелись по номерам. На постоялом дворе оказались свободны только несколько двухместных номеров. В одном разместились мы с Андрэ, в другом Жак с магом и — несмотря на протесты Мордауна — Николас, а в третьем — Коллет. Я бы, конечно, предпочел держать Мордауна под наблюдением, но мое желание заночевать с ним в одном номере выглядело бы явно подозрительным. К тому же не уверен, что смог бы еще какое-то время терпеть нытье мага. Ладно, надеюсь, за ночь он ничего не натворит.

— Хорошо-то как! — Андрэ растянулся на жалобно застонавшей кровати, даже не сняв камзол и сапоги.— А были бы мы во дворце, Анна сейчас потребовала бы, чтоб я не валялся на кровати в обуви...

— Андрэ, свинья ты такая! Сними немедленно сапоги!

— Анна?! — Король немедленно скатился на пол и стал заполошно оглядываться.— Фу ты! Капитан, не пугайте меня так! У меня аж сердце в пятки провалилось!

— Здорово тебя королева выдрессировала! — усмехнулся я.— Но сапоги все-таки сними. Мы в кои-то веки можем позволить себе приличные номера, в которых даже есть постельное белье. А раз так, будем вести себя подобающе.

— Эх, господин капитан! И вы туда же! — горько вздохнул Андрэ, послушно разуваясь.— Чувствую, мне теперь и в пути не дадите расслабиться.

— Ну извини.— Я погасил лампу и улегся на свою кровать.— Ты у нас по легенде рыцарь, хоть и странствующий. Так что придется какой-то минимум политеса соблюдать. Все, Андрэ, давай уж спать — завтра надо встать пораньше...

Говоря так, я и не предполагал, насколько «пораньше» нам предстоит встать!

— Гай Светоний Транквилл! — Лишь примерно через час после того как отряд покинул постоялый двор, я смог говорить, не вставляя ругательства через слово.— Этого я тебе никогда не забуду! Отныне будешь ночевать во дворе. Или вон с Жаком и Мордауном! — Оптимист,— ядовито хмыкнул маг, усиленно протирая красные, опухшие глаза.— Моя комната была на другом конце коридора, и то мы все проснулись. Зачем ты вообще взял с собой этого горлопана?

— А зачем взяли тебя? — парировал Гай.— Я хоть только один раз прокричал, солнце поприветствовал и молчу потом, а ты весь день нудишь!

— У вас всегда так весело? — поинтересовался Николас пристраивая свою лошадь бок о бок с Иголкой. — Боюсь, всегда. Моргана и раньше нельзя было назвать приятным человеком, а с тех пор как он превратился в крысу, он стал просто невыносим,

— Зачем же было его брать с собой?

— Я сам себя все время об этом спрашиваю. И не нахожу ответа. А если серьезно, то я дал ему слово, а слово Конрада фон Котта нерушимо! Ну и потом, я не хочу оставлять его без присмотра. Он может доставит массу проблем.

— Понятно.

— А что тебя заставило присоединиться к нам? Ты не производишь впечатления компанейского человека.

— Так и есть. На реке привыкаешь к одиночеству. Начинаешь его ценить... Честно сказать, я бы предпочел путешествовать один. Но мне нужно убраться как можно дальше от Гремзольда. В другую страну, на другой конец Европы. Другой континент — вообще идеальный вариант. Но такой дальний путь одному не осилить. Банально нужно, чтобы кто-то караулил у костра на привале или прикрывал спину, коли нападут разбойники.

— Логично... А ты не преувеличиваешь опасность? Обычно, изгнав кого-то из города, воровские авторитеты не преследуют беглеца — зачем им это? Чем ты так серьезно насолил Ночному Магистру, что приходится бежать на другой конец света?

— Да Магистру-то как раз я ничем особо не насолил,— вздохнул Николас,— Ну что в «Пьяной щуке» было, ты сам видел. Когда мы ушли, этих полудурков откопали из завала и отнесли к ближайшему лекарю. Естественно, Ночному Магистру все доложили. Я думал, он не станет связываться с такой мелкой рыбешкой — на реке ведь сотни лодочников, но ошибся. Ночью мою «Перепелку» подожгли. Как назло, я остался на эту ночь у одной портовой девки и только утром увидел то, что от лодки осталось... Вряд ли ты понимаешь, что такое для речника потерять лодку. Это ведь не просто средство заработать несколько монет. Для меня «Перепелка» была и родным домом, и единственным другом. Ну вот... Трактир «Зеленый перец» знаешь? Ночной Магистр там дела свои вел, да и практически жил. Я с пристани прямо туда и пошел... Так что теперь в Бублинге новый Ночной Магистр. Только ему для подтверждения своего авторитета нужно найти и покарать своими руками убийцу его предшественника — то есть меня. Можно было бы, конечно, и его пристрелить, но это означает ввязаться в войну с воровскими кланами города. А это слишком хлопотное дело и не особо перспективное. В Гремзольде меня ничего не держит, вот я и решил с вами отправиться. Всегда хотел Большую Воду на вкус попробовать. Если ты не против, конечно.

Я задумчиво почесал за ухом:

— Сурово. Мне-то на Ночного Магистра наплевать, да и нравятся мне такие люди, как ты, но я боюсь подвергать опасности моих друзей.

— Понимаю. Мне свалить?

— Нет,— твердо сказал я.— Не пристало потомку славного рода фон Коттов страшиться каких-то воров. Дней через пять-шесть будем на границе с Истошной Пустошью, а преследовать нас в землях троллей Ночной Магистр не рискнет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой описывается переход благородного Конрада фон Котта через Истошную Пустошь имевший неожиданные последствия для Андрэ

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 19 мая 16... г. от Р. Х.*

Приграничные районы — я имею в виду те из них, что граничат с землями опасными либо неизведанными — привлекают особый тип людей. Это авантюристы, испытывающие инстинктивное отвращение к спокойной жизни, дисциплине и подчинению, готовые рискнуть жизнью ради свободы, а то и просто ради самого риска. В плавильных котлах приграничья выковывается особая раса людей — отважные, сильные, гордые... и не особо умные.

Конечно, до Истошной Пустоши мы добирались не пять дней и даже не шесть.

Границу мы пересекли только на девятый день пути. Как это обычно бывает, реальность внесла жесткие поправки в составленные по карте планы. Дороги далеко не везде были такими прямыми, как на бумаге, а если точнее — почти нигде не совпадали с фантазиями картографов. Приходилось и блуждать, и даже возвращаться назад, чтобы найти объездной путь. Пару раз лошади теряли подковы, и время бездарно уходило на поиски ближайшего села с кузней. Если и дальше на дорогу будет уходить в два раза больше времени, до Кадиса мы доберемся в лучшем случае к середине лета. Не то чтобы нас кто-то ждал в Америке к определенному сроку, но чем дальше, тем больше раздражали меня всякие задержки. Особенно из-за мэтра Мордауна, который словно задался целью затянуть наше путешествие.

Самое же обидное, что по непонятной мне причине Коллет взяла склочного мага под свое покровительство и не позволяла мне его прибить, несмотря на горячую поддержку этой идеи остальными членами экспедиции. Жак по-прежнему тащился в арьергарде отряда, Морган соответственно был при нем и в меру сил и фантазии портил нам жизнь.

Но все когда-нибудь заканчивается, и на исходе девятнадцатого дня месяца мая наш отряд достиг крепости Фаршбург последнего укрепления, со стен которого уже были видны голые земли Пустоши.

Нравы в приграничье проще, чем в столицах, потому встречать нас во дворе замка собрались не только зеваки из простолюдинов, но и все рыцари во главе с самим маркграфом Йориком Окраинным. Маркграф всего несколько дней как вернулся из Бублинга и выглядел еще более уставшим, хотя и довольным. Меня он, естественно, не узнал, ведь весь знаменательный прием я просидел за ширмой, а вот при виде Андрэ брови его от удивления взлетели вверх.

— Ваше величество?! Какого хре... гм... простите... Чему обязан столь великой честью принимать вас в моем замке?

Узнав, что мы собираемся пересечь Истошную Пустынь, чтобы через Каджарию добраться до Испании, маркграф в ужасе схватился за голову и начал нас отговаривать, красочно расписывая все ужасы, которыми грозит нам подобное путешествие. По словам Йорика, поездка через территорию даже того племени, с которым ему удалось заключить договор, может закончиться вполне трагично, что уж говорить об остальной Пустоши.

— Понимаете, тролли не могут удерживать в голове больше одной мысли зараз,— горячо объяснял Йорик.— Когда мы направляем к ним телеги с припасами, то впереди идет глашатай и громко выкрикивает: «Договор! договор!» — чтобы тролли успели вспомнить про договор и не напали. Потом они получают телеги и напрочь забывают о чем-либо, кроме еды. Если вам встретится голодный или чем-то разозленный тролль — вас ничто не спасет! Молю ваше величество — откажитесь от этого самоубийственного маршрута! Поезжайте в объезд!

— Но это лишний месяц пути! — возразила Кол-лет. — Я уверена, моей магической Силы хватит, чтобы справиться с троллями.

— Правильно! — поддержал ведьму Николас. — да и к встрече с новейшими технологиями они вряд ли готовы!

— По-моему, для маркграфа этот человек трусоват, — надменно прокомментировал разговор Максимилиан. Я вздрогнул, но тут же вспомнил, что люди слов коня слышать не могут.

— да, братец, ты прав, — кивнул головой второй дестриэ. — Измельчал род людской. Боятся каких-то жалких троллей! да мы вдвоем легко растопчем все их племя! Немедленно!

— Да! В бой!

— Заткнитесь, вы оба! — прикрикнула Иголка на разошедшихся братьев. — Вот еще тупых громил навязали нам на шею, капитан! Наплачемся мы с ними! Рыцарские кони — это ж бестолочи хуже самих рыцарей!

— Прекрасная дама напрасно изволит гневаться! — галантно всхрипнул Максимилиан, косясь на круп Иголки. — Мы готовы исполнить любой ваш приказ!

— Ну что я говорила? — вздохнула Иголка. — Я вам не прекрасная дама, тупицы! для вас я — сержант Иголка! Без моего приказа ни в какие схватки не ввязываться! Иначе в ближайшем же городе продадим вас купцам — будете телеги с товаром таскать!

Напуганные такой ужасной перспективой, братья моментально притихли.

Убедившись в твердости наших намерений, маркграф только горестно вздохнул и приказал проводить нас в отведенные для почетных гостей комнаты замка.

— Располагайтесь, отдохните немного, а я пока распоряжусь накрывать столы и готовить пир в честь его величества. Не обессудьте, мы таких высоких гостей не ждали, так что у нас все по-простому...

Едва дверь за слугами затворилась, Андрэ тревожно спросил:

— Может быть, и впрямь лучше объехать эту самую Пустошь?

— Ты что, испугался троллей?

— А даже если испугался? Вот вы, господин капитан, скажите — вы совсем их не боитесь?

— Как тебе сказать... Я ведь раньше думал, что тролли существуют только в легендах. Нет, я, конечно, верю маркграфу, но... по-настоящему бояться не могу. Да и мы ведь не сражаться с ними едем. Просто незаметно проскользнем через их территорию — и все.

— Незаметно? Угу, как же! — скептически хмыкнул король. — У нас никогда ничего незаметно не выходит.

Судя по лицу Андрэ, он явно настроился порассуждать, но тут появился слуга с сообщением, что столы накрыты все ждут только его величество. Естественно, все мудрые рассуждения из головы короля мгновенно улетучились. Догонять мне его пришлось едва ли не бегом.

Как ни странно, импровизированный пир прошел практически без эксцессов, если не считать «триумфального» явления Моргана, который не утерпел и все-таки заставил выпустить его из кармана. К счастью, к этому моменту большинство пирующих уже достигло того состояния, когда появление на столе говорящей крысы воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Рыцари наперебой стали упрашивать Жака продать им забавную зверушку», а какая-то дама повязала Моргану бантик на хвост. Оскорбленный до глубины души, маг впал в депрессию и успокоился, лишь ввязавшись в спор о еретической природе магии с местным священником. Пьяненький священник время от времени осеял Моргана крестным знаменем и ласково величал «дьявольским отродьем».

Маркграф предпринял еще одну попытку убедить Андрэ изменить маршрут, но вынужден был отступить, когда Андрэ наивно заявил, что «маршрут» его вполне устраивает, особенно если добавить еще немного соуса с горчицей.

Далеко за полночь, уставшие, но довольные, мы разбрелись по комнатам.

Чтобы проснуться ни свет ни заря.

— Проклятье! — Я сел на кровати, протирая глаза.— До каких пор это будет продолжаться!

— Действительно,— недовольно пробурчал Андрэ, приоткрыв один глаз.— Заткните уже его!.. Э?..

Я недоуменно прислушался. Утренний воздух был прохладен, вокруг царил покой. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, и лишь легкая розоватость в небе указывала на близость рассвета. Со двора доносились первые нестройные звуки просыпавшегося замка.

Что-то было не так.

— А что... петух-то вроде не орал,— удивленно произнес Андрэ.— Чего это он?

Меня охватила тревога.

— Андрэ, помоги мне одеться! Быстрее! Что-то случилось — Гай ни за что не пропустил бы свое утреннее приветствие солнцу!

Наскоро замотав морду платком, я сбежал по лестнице во двор и первым делом бросился на конюшню. Здесь все еще мирно спали, Я отыскал Иголку и, убедившись, что Транквилл, обычно спавший на ее спине, отсутствует, завопил в самое ухо лошади:

— Иголка! Подъем! Тревога!

— А?! Что?! Горим? Волки?

— Иголка, где Транквилл?

— Как — где? — Лошадь помотала головой.— А, ну да! Капитан, да вы не волнуйтесь! Он еще вчера вечером отправился провести сородичей в местном курятнике.

Недослушав Иголку, я бросился на скотный двор. Мои худшие опасения подтвердились — в курятнике царил переполох. Курицы галдели, цыплята испуганно пищали, а петухи топорили гребни и грозно квохтали, всем своим видом демонстрируя, что их-то не напугать.

— Эй! Что здесь произошло? — закричал я, оглядывая курятник. Транквилла нигде не было видно.— Где Транквилл?

— Ко-ко-кот? — испуганно взвизгнула пухлая, встрепанная курица, шарахаясь от меня.— Ко-ко-кошмар!

— Заткнись, дура! Э-э-э... то есть, сударыня, не бойтесь! Я не трону ни вас, ни ваших цыплят! Я здесь с единственной целью — найти моего друга, петуха Гая Светония Транквилла.

— Он и правда ваш друг? — настороженно спросила курица.— А! Вы, наверное, тот самый капитан Конрад фон Котт! О! Какая романтическая история! Гай столько говорил о вас! Неужели все это происходило на самом деле?

— Дорогая барышня,— прошипел я сквозь зубы,— я охотно отвечу на все ваши вопросы, но сначала скажите мне, где Гай.

— Гай? Какой Гай? Ах да! — Курица испуганно округлила глаза.— О! Это было ужасно! На рассвете пришел этот страшный человек из замка, увидел Гая и сказал... сказал...

— Ну?!

— «Откуда здесь этот старик? Как я его раньше проглядел? Ладно, сойдет для пирога...»! Куда же вы, господин Котт?

Спотыкаясь и теряя на ходу сапоги, я бросился на замковую кухню. Сказать, что слова курицы меня напугали,— ничего не сказать, в какой-то момент мне показалось, что я вижу кружащиеся в воздухе перья, и у меня на мгновение остановилось сердце. Это на самом деле были перья, но не куриные. На крыльце кухни поваренок старательно ощипывал рябчика. А на колоде рядом с ним лежал Транквилл. Повар уже занес тесак, собираясь отсечь голову бедолаге...

— Стоять!

— Блин! — Повар испуганно вздрогнул, отскакивая от меня и прикрываясь безвольно болтающимся Транквиллом, словно щитом.— Господи! Как вы меня напугали, сударь! Зачем так кричать-то?

— Уф-ф-ф... — Я обессилено опустился на землю и стал обмахиваться шляпой.—

Успел...

— Господи! Говорящий кот!

— Ой, я вас умоляю! — проворчал я. — Я уже устал слышать эти слова каждый раз, стоит мне открыть рот. Да, говорящий кот. И что дальше?

— Э-э-э... — растерянно протянул повар. — Ну... необычно же... сэр.

— А тролли, писающие на брюкву — это типа унылая рутина? — ехидно поинтересовался я. — Отпусти петуха-то. Не ровен час, придушишь.

— Так ему же все равно в пирог...

— Ему — нет. — Я строго погрозил пальцем. — Этот петух приехал с нами, Со мной и с королем Гремзольда. Это — чтоб ты знал — Личный Петух короля! Так что отпусти-ка его, пока не совершил случайно государственного преступления.

Испуганный повар послушно разжал руку, и Транквилл безвольно шлепнулся на землю. Я добрел до приятеля и уселся рядом. Глаза петуха были полны ужаса, он явно ничего не соображал и только слабо скрипел что-то протестующее жалобное.

— Гай... Ну ты чего? Все в порядке. Я успел. Никто тебя не тронет...

— Ко-ко-конрад? — Петух повернул голову на мой голос, взгляд его более-менее прояснился. — Конрад, заberi меня отсюда! Обещаю, больше никогда не буду кричать по утрам! И надоедать тебе не буду! Клянусь! Только заberi меня-а-а-а!

Тут как раз подоспели Аядрэ и Коллет. Услышав, в чем дело, король только недоуменно пожал плечами, но все-таки бережно поднял с земли Транквилла и, бросив повару золотой, величественно удалился в свои покои.

— Было из-за чего паниковать, — хмыкнул Морган, когда я рассказал отсутствовавшим при происшествии членам отряда, что случилось. — Упустили такой шанс избавиться от крикуна.

Против обыкновения, Транквилл не возмутился. Он вообще никак не отреагировал на подначку мага, продолжая безучастно таращиться в пустоту и что-то бормотать. Более-менее он пришел в себя лишь через несколько часов езды по Истошной Пустоши, когда Фаршбург уже казался маленькой темной точкой на горизонте. Заняв свое привычное место на голове у Иголки, нахохлившийся петух пробормотал:

— Спасибо, Конрад...

— Гай, ты в порядке? — осторожно спросил я.

— Нет, — коротко ответил Транквилл. — Я совсем не в порядке. Но я философ, а значит, справлюсь с этим.

Впрочем, через пару дней петух окончательно вернулся в прежнее состояние духа. А на четвертый день судьба решила испытать нас с Андрэ.

Отряд наш спокойно пересекал Истошную Пустошь, вдоль дороги тянулись бесконечные выжженные солнцем такыры с редкими колючими кустами. Пейзаж был такой скучный, что казалось странным даже думать о том, что в таком месте нам может грозить какая-либо опасность. Вот почему, увидев на горизонте приближающееся облачко пыли, я лишь равнодушно отметил сей факт, нимало не обеспокоившись. Как выяснилось часом позже, совершенно напрасно! Когда облако оказалось настолько близко, что стали видны бегущие в нашу сторону тролли, пытаться удрать было уже поздно — чудовища мчались со скоростью галопирующей лошади.

Я назвал троллей чудовищами, но на самом деле в их облике не было ничего такого уж чудовищного, кроме их роста и сложения. Самый мелкий из пяти троллей, что приближались к нам, был на голову выше Андрэ и вдвое шире в плечах. Остальным наш король едва достигал грудной клетки. Все тролли имели могучее сложение и выглядели бы словно античные боги, какими их можно увидеть на мозаиках, если бы не короткие кривые ноги и свисающие ниже колен руки, делавшие их похожими на огромных обезьян. Ну и морды... лица... нет, наверное, все-таки еще морды — злые карикатуры на людей. Сначала мне показалось, что на головах у троллей растет что-то вроде ветвей, но, приглядевшись, я понял, что это пряди волос, скрученные при помощи то ли воска, то ли смолю в длинные толстые

жгуты. Эта попытка хоть как-то украсить себя вкупе с набедренными повязками говорила о наличии у троллей зачатков разума.

— Построиться в две линии! — скомандовал я. — Андрэ, берись за меч! Постарайся сдержать их — они не люди, не жалеи! Максимилиан, Артур, Иголка — поддерживаем ударами копыт! Коллет, Николас — во вторую линию! По моей команде огонь на поражение...

— Капитан... — осторожно произнес Андрэ, сжимая меч. — Они чего-то не нападают.

— Испугались? — с сомнением произнес я, разглядывая противника. — Сомневаюсь. С их точки зрения, мы должны выглядеть легкой добычей...

— Мы и есть легкая добыча! — заверещал Морган. — Проклятье! И зачем я только отправился с этими неудачниками!

— Заткнись! — оборвала его Коллет. — Конрад, тебе не кажется, что этот мелкий тролль... гм... как бы не совсем тролль? В том смысле, что... В общем, посмотри на его грудь.

— Иезус Мария! Это же тролльша! — Сомнений быть не могло. Хотя и довольно плоская, но грудь наличествовала. К тому же сложение «мелкого тролля», хоть и могучее, выдавало представительницу слабого пола... ну насколько слово «слабый» вообще применимо к троллям.

— Точно. А теперь обрати внимание, *как* она смотрит на Андрэ.

— А? Че? — Андрэ нервно поежился. — Капитан... это она что, улыбается мне?

— Андрэ, когда я тебя впервые увидел, я вообще целый час ржал... Хотя ты прав. Похоже, ты ей приглянулся. У нас есть шанс выбраться отсюда живыми!

— Капитан?! Что вы такое говорите?! Я же женатый человек!

Запись в дневнике Конрада фон Котта

от 24 мая 16... г. от Р. Х.

(Запись была вымарана ради политической стабильности Гремзольда.)

Примечание на полях. Видит Бог, я не желаю об этом вспоминать!

На восьмые сутки мы достигли границы с Каджарией. Крепости каджарцев уже были видны на горизонте, пришло время расставаться с нашими провожатыми.

— Крагхе! Тугар вокх! — рявкнул Ууулг-тка, дружески хлопая Андрэ по плечу.

— Вокх тугар! — ответил король, с трудом удержавшись на ногах, и смущенно посмотрел на Алле-гу. Тролльша отвернулась, пытаясь скрыть слезы.

— Аркх го, — пробормотал Андрэ, нежно прикоснувшись к густо покрытой родовыми татуировками руке Алле-гу, — Такхег.

— Такхег, Ан-дрэ... — всхлипнула тролльша. — Такхег.

— Поехали уже, — странным голосом произнес Мордаун. — Хватит сопلي разводить. Тоже мне Ромео и Джульетта. Поехали!

— Да, Андрэ, хватит, — грустно произнесла Коллет. — Так будет только тяжелее и тебе, и ей. Надо ехать.

Андрэ крепко обнял Алле-гу, постоял несколько мгновений, после чего отпустил плачущую великаншу и, вскочив в седло, дал шпоры Максимилиану.

Мы догнали его только через пару миль, когда Андрэ перестал подгонять коня.

— Она... они еще там? — не глядя на нас, спросил Авдрэ.

— Да, — оглянувшись, нехотя ответил я. — Андрэ...

— Пожалуйста... капитан... Я все знаю. И что так надо было сделать. И что меня ждет Анна. И что они дикари и людоеды... но... я прошу вас, не надо сейчас со мной говорить.

Я осекся и замолчал. Понятливая Иголка сама отстала от Максимилиана и пристроилась в арьергарде отряда.

И ведь все было правильно! Мы спасли свои жизни и — кстати — жизни троллей. Мы миновали Истошную Пустошь, не пролив и капли крови. Алле-гу — всего лишь дикарка, ненамного превосходящая умом дикого зверя. Через пару месяцев она и думать забудет об Андрэ... Наверное... Все было правильно. Но почему-то у меня было очень скверно на душе.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой повествуется о встрече благородного Конрада фон Котта с капитаном «Санта Вазелина» и далеко идущих последствиях этой встречи для инквизитора отца Элпидио

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 24 мая 16... г. от Р. Х.*

Кадис — один из старейших городов Европы. Я счастлив, что мне довелось посетить это место, пройтись по его древним улицам, вдохнуть морской воздух, как когда-то вдыхал его сам греческий герой Гераклес, по преданию и основавший Кадис. Глядя на портовую суету, осознаешь, что здесь почти ничего не изменилось с тех самых времен, когда у пристаней покачивались корабли финикийцев, на рынках и в тавернах слышались финикийская, греческая и арабская речь, и нужно было крепко держать кошелек, чтобы его не срезали босоногие вороватые беспризорники...

Примечание на полях. Ничего не изменилось! Больше не следует выдавать Андрэ на руки денег!

Андрэ оставался сам не свой еще долго — почти до самого нашего прибытия в Кадис. Да и вообще, путешествие оказалось куда труднее, чем я ожидал. Даже первый его этап, который мне представлялся наиболее простым, — все же по цивилизованной Европе ехали, не по джунглям! — отнял куда больше сил и времени, чем я рассчитывал.

Но мы все-таки сделали это!

Кадис встретил нас шумом и суетой портового города. Мне и раньше доводилось бывать в по-настоящему больших городах, а вот спутники мои, до сих пор считавшие Бублинг чуть ли не центром Вселенной, выглядели оробевшими.

— Наверное, что-то случилось? — неуверенно пробормотала Коллет, после того как ее в пятый раз основательно толкнули. — Что-то произошло, вот они все и бегут.

— Да? — Николас с сомнением огляделся. — А почему тогда они все бегут в разные стороны?

Ну... одни бегут посмотреть, что случилось, а другие уже посмотрели и теперь спасаются бегством. Надо кого-нибудь расспросить, а то опять влипнем в какие-нибудь неприятности...

— Спокойствие, только спокойствие, — ухмыльнулся я. — Ничего не случилось. Они просто идут по своим делам.

Морган высунул из кармана мордочку и опасно повел носом.

— Не может быть! Что это за дела, из-за которых надо скакать, словно осел, которого под хвост ужала оса? Таких дел просто не бывает!

— Как видишь — бывают. Такой уж тут темп жизни... Андрэ, закрой рот — муха влетит.

— Муха — тоже мясо! — возразил Андрэ. — У меня со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было!

Морган хмыкнул.

— Кто о чем, а его величество — о еде. Впрочем, в данном вопросе не могу не согласиться с ним. Уже полдень, капитан, не пора ли нам чего-нибудь перекусить?!

— В порту поедим. Там должно быть полно таверн, заодно и расспросим о кораблях, отправляющихся в Америку.

— Там наверняка воняет рыбой, — сморщила носик Коллет. — И подают наверняка одну рыбу!

— Что, одну рыбу на всех? — испугался Андрэ. — Тогда пошли скорее, а то нам ничего не останется!

— Иезус Мария! Пошли, Коллет, надо бороться с предрассудками. Впереди нас ждет плавание на пропахшей рыбой посудине через океан, наполненный рыбой, получая на завтрак, обед и ужин рыбу...

— Прекрати! Меня сейчас стошнит!

— М-да... Ну извини. Я только хотел заранее подготовить тебя.

— Конрад, я тебя ненавижу!

Как я и предсказывал, в районе, прилегающем непосредственно к порту, вывески таверн красовались едва ли не на каждом здании, не говоря уж о более мелких забегаловках и просто лавках со съестным. Городская суeta здесь, вблизи причалов и доков, достигала своего апогея. Мои спутники с непривычки притихли и только глазели по сторонам, так что я выбрал заведение на свой вкус — не слишком роскошное, но вполне приличное. Никогда не видел смысла платить лишние деньги за то, что вино подадут не в глиняной кружке, а в серебряном бокале.

В «Ржавом якоре», как называлась выбранная мною таверна, народу оказалось немного. В основном это были моряки со стоящих под погрузкой кораблей да несколько купцов,— видимо, таких же рассудительных, как я. Или просто не из богатых. В прочем, как раз купцы-то меня не особо интересовали, а вот у моряков кое-что нужно было узнать.

Пока мой отряд усаживался за стол и увлеченно расспрашивал официантку, что за блюда подразумеваются под загадочными названиями «Меч Нептуна» или «Морской сюрприз», я выбрал наиболее трезвую на вид компанию за столиком в углу. Моряки довольно громко обсуждали свои сугубо морские дела и не заметили, как я подошел.

Я вежливо кашлянул...

Кашлянул погромче...

Прокашлялся во всю силу кошачьего горла...

— ... И вот представь себе, за все про все этот жлоб выплатил нам всего-то по десять золотых!

— ...А он вылезает из трюма весь в муке...

— ... Не пойми чем смолят канаты! Разве это товар? да они сгниют раньше, чем мы в море выйдем!

Прислушавшись, я поменял свое первое впечатление о трезвости компании. Похоже, бравые мореманы уже достигли того состояния, когда в собеседнике нуждается только зрение, а слух уже обращен исключительно внутрь себя. Интересно, они в состоянии понять мои вопросы?

Я похлопал ближайшего моряка по плечу:

— Эй, уважаемый!

— Разве ж это дело? — скосил на меня мутный взгляд моряк. — Сгниют ведь!.. А ты кто такой?

— Позвольте представиться! Густав Конрад Генрих Мария фон Котт...

— Э-э-э... — Моряк удивленно огляделся. — И где они все?

— Кто?

— Ну все эти люди?

— Иезус Мария! Ты хоть что-нибудь соображаешь? — Я потряс явно прицелившегося уронить голову на стол собеседника за плечо. — дьявол! Зачем же так нажираться?

— И вовсе я нинажр... ниаж... нинажирался! Вот! А ты кто такой?

— Густав Конрад... а, неважно... Зови меня Конрад. А ты кто такой?

— Я? Ты не знаешь, кто я? — неожиданно обиделся пьяница. — Я благородный дон Хренаро... тьфу, дьявол! дон Хенаро Трату... Тарту... уф-ф-ф... В общем, я тебе потом представлюсь. Завтра, ладно?

А сейчас выпьем за знакомство! Эй, девочка! Неси сюда лучшего портвейна!

— А тебе не хватит, Хенаро? — Я с сомнением заглянул в глаза испанца, превратившиеся к тому моменту в узкие щелочки. — Ты сейчас уснешь! А мне надо поговорить с тобой.

— Черта едва я усну! — вдруг совершенно трезвым голосом заявил моряк. — Я тебе не какой-нибудь юнга! В нашем роду мужчина выпивал бочонок вина и после этого мог накрутить хвост быку! А ты кто такой?

— Конрад! Конрад фон Котт! Вспомни, мы уже знакомились!

— Да? Эт хорошо! Выпьем!

— Давай сначала о деле поговорим! — попытался я направить разговор в конструктивное русло. — Ты не знаешь, идет ли какой-либо корабль в Южную Америку?

— Да тут до черта таких кораблей! Нашел о чем спрашивать.

— Рад слышать, — проворчал я. — Но мне нужно знать, какой именно корабль идет туда. А заодно неплохо было бы познакомиться с кем-нибудь из команды.

— Дон Хенаро Тарту... Трату... ну я ж сказал — завтра представлюсь!

— Что?

— Ты что, пьян? — возмутился дон Хенаро. — Ты хотел познакомиться с кем-нибудь из команды? Ну вот он я, капитан «Санта Вазелина», дон Хенаро Тарррр... пфф-ф-ф... Короче, мы идем на южную Америку. Завтра. А теперь выпьем за наше неожиданное знакомство!

— Погоди! Это же отлично! — Я чуть не расцеловал эту пьяную морду. — Ты-то мне и нужен! Возьмешь на борт меня и несколько моих друзей?

— Не-а...

— Что? Но почему?

Дон Хенаро помахал у меня перед носом узловатым пальцем:

— А ты пить со мной не хочешь! Это подозрительно! И лицо прячешь!.. А! Я знаю, почему ты пить не хочешь! Тебе этот платок мешает!

С неожиданной для столь пьяного человека ловкостью капитан вдруг наклонился ко мне и сдернул с моей морды платок.

— Ик! — ответил мне дон Хенаро, хватая со стола бутылку. — Ничего себе...

Надо отдать должное испанцу — он не упал в обморок, не начал испуганно орать и даже не стал бросать в меня бутылку. Вместо этого он присосался к той и не отрывался, пока весь портвейн не упокоился в его чреве. Отбросив опустевший сосуд, он шумно выдохнул и повторил:

— Ничего себе... Ты кто такой? Черт?

— Нет, — сердито буркнул я, водворяя платок на место. — Еще раз сделаешь так — нос откушу!

— Извини, приятель! — покаянно развел руками испанец. — Я тебя понимаю — такую рожу и впрямь не захочется демонстрировать. А вообще ты зря переживаешь! Вот у меня в команде матрос есть, Намба Ван кличут, так он вообще черный как головешка и весь в татуировках. И ничего, не страдает, живет как нормальный человек, а его татуировки по всему телу даже девкам нравятся. Так вот ты по сравнению с ним так даже и ваще красавец! Ну давай — за естественную красоту!

— Да не могу я пить! — обозлился я. — Организм спиртное не приемлет!

— Бедняга! Круто с тобой жизнь обошлась!

— Ты можешь мне ответить — возьмешь вас на корабль?

— Дык как же тебя такого не взять-то, такого убогого? — впал в сентиментальность дон Хенаро. — А друзья твои такие же уроды?

— Гм... они у меня разные. Но в основном вполне нормальные. По крайней мере внешне. Есть, правда, говорящая крыса.

— Не смей называть меня крысой! — раздалось из-под стола.

— Морган! Какого дьявола ты там делаешь?!

— На редкость глупый вопрос! Разве не ясно — подслушиваю я здесь!

Дон Хенаро в полном оцепенении уставился на ловко запрыгнувшего на стол Моргана.

— И ты готов доверить наши жизни этому пьянчуге?!

— Ик! — запротестовал капитан.

— Иезус Мария! Морган, не вмешивайся, когда я веду переговоры!

— Фу-ты ну-ты! Переговоры? Да он ничего не соображает! Он к утру забудет, о чем вы тут договаривались!

— Ик! — возразил капитан, всем своим видом демонстрируя, что *такое* он уж точно

не забудет. До самой смерти.

— Все равно! Он же пьяница! Он завезет нас куда-нибудь и утопит вместе со своим корытом! Взяк!..

Дон Хенаро сжал крыса в огромном костистом кулаке и поднес к покрасневшему от гнева лицу:

— Никогда! Не смей! Называть! Мой корабль! КОРЫТОМ!

— Ну нако-ко-нец мы избавимся от него!

— Гай? А тебе что здесь надо?

— Да интересно стало, о чем вы с этим пьянчужой беседуете. И не только мне.

— Господин, господин, пожалуйста, отпустите моего господина! — Непонятно откуда взявшийся Жак вцепился в руку испанца, безуспешно пытаясь разжать кулак. — Только не делайте ему больно, прошу вас!

— Действительно, благородный дон Хенаро, — воскликнула Коллет, материализуясь по левую сторону от капитана. — Достоин ли такого отважного мореплавателя расправляться со слабой крысой?

— Не смей... э-э-э... Да-да-да, благородный дон Хенаро, ну что вам слова какой-то крысы? Отпустили бы вы меня, а?

— Ненавижу крыс! проворчал испанец, но Моргана все-таки отпустил. — Это все твои друзья, Конрад?

— Вроде того, — хмыкнул я. — Этих двоих я скорее назвал бы деловыми партнерами, а не друзьями. Вот эта... э-э... то есть вот этот юноша — мой лучший друг. Он оруженосец великого героя, странствующего рыцаря — маркиза д'Карабаса. Вон тот амбал за столиком — это и есть маркиз. Он тоже мой друг.

— Удивительно...

— Да не то слово! Я сам до сих пор не понимаю, как это произошло! Ну и тощий тип напротив него — это наш последний товарищ, ярл Синебрюх.

— Ярл? Что, настоящий?

— Э... Ну да. — Я в который раз порадовался, что под шерстью не видно, когда я краснею. — Самый настоящий. Нас пятерых необходимо отвезти в Южную Америку. Возьметесь?

— Вот он, — палец капитана нацелился в испуганно сжавшегося Моргана, — он мне не нравится!

— Удивительное единодушие. Он никому не нравится. Но я дал слово, что доставлю его к цели нашего путешествия. Вы — дворянин, наверняка понимаете, что такое слово чести!

— О да! — торжественно ответил дон Хенаро. — Так и быть, пусть будет. Ну а теперь вы просто обязаны обмыть со мной сделку!

Запись в дневнике Конрада фон Котта

от 25 мая 16... г. от Р. Х.

Несмотря на опасения Коллет и Мордауна, наше путешествие через Испанию, печально знаменитую инквизицией, непримиримо преследующей всякое инакомыслие, прошло вполне спокойно. То ли всеведущие шпионы инквизиции из каких-то своих коварных соображений не собирались препятствовать нашей экспедиции, то ли вовсе не были они такими уж всеведущими, как принято считать. Впрочем, в Кадисе карающая длань курии все-таки настигла нас...

Примечание на полях. Господи, они там что, все такие?

— Иезус Мария!

— Не смотри на меня! Это все ты виноват!

— Но, Коллет, будь логична! — завопил я, увернувшись от сапога. — При чем тут я?!

— При всем! Ты нашел этого пьяницу!

— Но никто же не заставлял тебя пить наравне с мужчинами...

— Ты считаешь, что женщина слабее каких-то там мужиков? Да они все под столом

были, а я еще на ногах стояла!.. Ох, как же мне плохо!

Я тактично промолчал, хоть меня так и подмывало возразить, что это «на ногах» было весьма относительным. Впрочем, это не помешало Коллет танцевать на столе. Хотя, с другой стороны, со стола она вчера все-таки упала,— к счастью, на Андре, еще раньше свалившегося под стол.

Вчера Коллет долго отнекивалась, но, когда дон Хенаро припер ее к стенке вопросом: «Ты что, не мужик?» — вынуждена была сдаться и для поддержания легенды выпить «За мужскую солидарность!». Потом последовали тосты «За успех плавания!», «За попутный ветер!», «За океан!» и другие столь же содержательные сентенции. Самое удивительное, что дон Хенаро, к началу этого безобразия уже бывший мертвецки пьяным, стойко держался почти до самого конца. Смертельно оскорбив Мордауна тостом «За гуманное отношение к животным!», испанец еще сумел потребовать боценок вина и быка, после чего провозгласил тост «За что-нибудь!» и рухнул на пол. На ногах к тому моменту оставались только я и Коллет, Ну и Морган с Транквиллом, конечно.

Переговоры с хозяином таверны, таким образом, легли целиком на мои плечи. Свободных комнат в таверне не было, но мне удалось получить одну комнатку под самой крышей, заплатив за нее целый золотой. Слуги долго ругались, перетаскивая туда по узкой лестнице наш отряд, особенно когда дошла очередь до Андрэ.

Это была одна из самых отвратительных ночей за все наше путешествие — в комнатке винные пары

быстро достигли такой концентрации, что будь я человеком, опьянел бы с двух-трех вдохов. Но я был котом и лишь страдал от вони и жалобных стонов Жака, которому явно снились какие-то кошмары. В довершение моих мучений посреди ночи традиционно закукарекал Транквилл, которого я забыл выгнать на улицу.

Зато утром я был вознагражден лицезрением опухших, перекошенных лиц и хором искренних клятв никогда больше эту отраву не брать в рот.

Лучше всех, что поразительно, чувствовал себя опять же дон Хенаро. Впрочем, возможно, похмелье не мучило его по той простой причине, что он так и не протрезвел. Во всяком случае, после трех неудавшихся попыток произнести свое имя полностью он сдался и ушел следить за погрузкой корабля. Нам было приказано явиться на «Санта Вазелин» не позже полудня. Что ж, по крайней мере он не забыл о нашей договоренности!

Полюбовавшись страданиями спутников, я велел всем быть в зале таверны через полчаса — нужно было быстро позавтракать и ехать на причал искать корабль. Меньше всего мне хотелось, чтобы «Санта Вазелин» ушел в плавание без нас — если и остальные капитаны хоть чуть-чуть похожи на дону Хенаро, мой отряд может не пережить еще одного обмывания контракта. Услышав про завтрак, оживился только Андрэ, да и то скорее по привычке. Остальные мои спутники посмотрели на меня чуть ли не с ненавистью.

— А я вам говорю, что сразу станет легче,— авторитетно заявил я.— Поверьте моему опыту, Я пойду закажу яичницу с беконом на всех, а вы пока хоть умойтесь, что ли,— смотреть на вас и то тошно.

Хорошо, что кошки не могут пить.

Эта мысль промелькнула у меня в голове вовсе не из-за плачевного положения моих товарищей. Просто, спустившись в зал таверны, я сразу уловил разлитое в воздухе напряжение. Сидевшие за столиками посетители даже не повернули в мою сторону головы, и в то же время я чувствовал, что их внимание сконцентрировано на мне. Они делали вид, что полностью поглощены едой, но я не слышал звяканья вилок о тарелки. Да и заняты были столики в непосредственной близости от лестницы, И почему-то не было видно ни одной служанки. Будь я человеком и мучайся в тот момент похмельем, такие мелочи просто ускользнули бы от моего внимания, Но я был котом, и кошачья часть моей сущности вопила об опасности.

Сверху упала сеть.

За мгновение до этого я отпрыгнул в сторону.

— Ах ты... — раздалось откуда-то сбоку, и ко мне метнулся человек в темном плаще.

— Держи колдуна!

— Вяжи его!

Я заметался по залу, перепрыгивая со стола на стол, переворачивая стулья и разбрасывая посуду. Черт! «Посетители» оказались весьма опытными ловцами! И они хорошо подготовились!

— Крестом его животворящим! Крестом!

Крест-то меня и подкосил.

Умело брошенная серебряная цепь обмоталась вокруг задних лап, а тяжелое распятие на излете преобольно ударило в живот, выбив дух. На меня немедленно навалилось несколько тяжелых тел.

— Есть! — торжествующе завопил кто-то, находившийся явно сверху этого живого холма.

Тяжесть тел ловцов буквально размазала меня по полу, невозможно было сделать ни вдоха, ни выдоха. В голове помутилось, глаза заволокло красной пеленой. Потом вдруг тяжесть разом исчезла, и я воспарил.

— Кто ты, грешная душа? — прогремел грозный глас. — Ответствуй!

— Аз есмь Густав Конрад Генрих Мария фон Котт, — постарался ответить я подобающе.

— Чернокнижник?

— Да ничего подобного! возмутился я. — Что, сами яс знаете, что ли?!

Тут перед глазами у меня прояснилось, и я сообразил, что все еще нахожусь в своем теле, в таверне, а держит меня за шиворот вовсе не гневный ангел, а самый обычный стражник. Еще с десятков стражников окружали меня плотным кольцом, целясь из мушкетов. Хотя я и был взбешен своим унижительным положением, в голове мелькнуло, что если эти олухи начнут стрелять, то изрешетят не только меня, но и друг друга. И высокого крепкого монаха, стоявшего передо мною. Собственно, о том, что этот человек монах, можно было догадаться только по выбритой тонзуре. Одет он был вполне светски, в костюме, явно предназначенный для дальнего путешествия. Лицо монаха мне сразу не понравилось, от него так и веяло суровым фанатизмом. К гадалке не ходи — инквизитор. И на этом лице уже читался мой приговор.

— Ответствуй, малефик, где твои сообщники?

— Святой отец, клянусь — я не колду...

Бац! Кулак с намотанной на него цепью оказался очень весомым аргументом, оборвавшим мои возражения.

— Не оскверняй слух служителя божьего клятвopепреступлением, презренный малефик! Твоя вина очевидна, ибо осмелился ты богомерзким колдовством исказить образ, данный нам Богом, и в сем непотребном виде появлялся на людях, смущая души малых сих! В том свидетельства есть многих добрых христиан и собственных глаз моих!

— Э-э-э... Я ничего не понял...

— Неудивительно, ибо дьявол лишил тебя разума, раз пошел ты у него на поводу, отринув благодать! Внемли же, мерзкий малефик, вижу я козни твои против рода людского, за что будешь повергнут ты в ад, и приспешники твои да последуют за тобой!

— Слушайте, святой отец, тут явное недоразумение! — Я молитвенно сложил лапы и одарил инквизитора самым честным своим взглядом, не раз выручавшим меня в карточной игре. — Я всего лишь жертва чужого колдовства. Злой колдун превратил меня в животное, моя же цель — вернуть себе облик, как вы справедливо заметили, данный мне Богом! Ничего богопротивного я не замышляю!

Инквизитор с интересом взглянул на меня:

— И как же ты собираешься его вернуть?

— Ну мы собирались в Америку, чтобы найти там шамана и попросить его... Опаньки!

— Языком собственным сам изобличил ты вину свою! — удовлетворенно кивнул

монах.— Ибо сказано — прибегающий за помощью к малефику виновен равно с малефиком. И в последний раз спрашиваю я: где сообщники твои?

— Эй, приятель, ты бы отпустил его, а?

Инквизитор, надо признать, проявил редкостное присутствие духа — он лишь слегка вздрогнул и побледнел при виде Андрэ. А его величество был воистину страшен с похмелья — опухшая физиономия раза в два больше обычного, в узких щелках глаза налиты кровью, особенно яркой в окружении темных синяков.

— Демон! Он вызвал демона! — Стражники явно не обладали силой духа своего предводителя.— Спасайтесь!

— Опомнитесь, маловерные! — грозно одернул стражников инквизитор.— Вы слуги божьи или трава, ветром колеблемая? Уповайте на милость Его и не страшитесь созданий ада! Изыди, демон!

—А?

— Он хочет, чтобы ты ушел,— перевела для Андрэ слова инквизитора Коллет. Выглядела она уже получше, но выражение лица свидетельствовало — ведьма все еще в дурном расположении духа.

— Знаете, святой отец, я бы посоветовал вам отпустить меня. Этих двоих сегодня лучше не сердить. Особенно того, который помельче.

— Ты кого мелкой назвал?

— Вот видите? Я предупреждал.

Монах воздел к грязному потолку руку с распятием и взревел:

— Взять мерзких демонов!

— Ты кого назвал мерзкой?!

Шшшаргх!

В последнее время точность у Коллет изрядно повысилась, да и инквизитор с поднятым в руке распятием возвышался над всеми словно дерево над кустарником. А куда обычно в таких случаях попадает молния? То-то и оно!

Впрочем, монах уцелел, только закурчавившиеся волосы стали дыбом и глаза вылезли из орбит. Андрэ спустился в зал, бесцеремонно растолкал ошарашенных стражников и, отобрав меня, опустил на пол.

— Не нравится мне здесь,— вздохнул гигант, разглядывая слабо дымящегося инквизитора.— Злые тут все какие-то. Может, ну ее, эту яичницу? Пойдемте уже поскорее на корабль.

— Ты прав! — Я обернулся к спустившемуся на шум отряду и скомандовал: — Мы уходим немедленно.

— Жак, быстро неси меня на конюшню!

— Не верю своим ушам! Морган, ты даже не споришь?

— Если уж его величество отказывается от завтра, видимо, дела совсем плохи,— пояснил Мордаун.— Я себе не враг!

Под прикрытием демонстративно перекаत्याющей в ладонях сгусток искр Коллет и вооруженного пистолетами Николаса Жак и Андрэ быстро оседлали лошадей, и уже через полчаса наш отряд был на причале. Погони за нами пока не наблюдалось,— видимо, инквизитор еще не отошел от снизошедшей с небес «благодати», а стражники благоразумно не спешили проявлять инициативу.

«Санта Вазелин» мы обнаружили быстро. Корабль сразу бросался в глаза на редкость неуклюжими формами и крайне неожиданной носовой фигурой. Коллет хмыкнула, Андрэ густо покраснел, а Николас печально вздохнул:

— Очень символично. Все у нас не как у людей.

— МЫ на ЭТОМ поплывем? — взвизгнул Морган, едва не вывалившись из кармана.— Конрад, я тебя вчера предупреждал! Каков капитан, таков и корабль! Эта лохань пойдет ко дну при первом же сильном волнении! Я отказываюсь рисковать своей шкурой!

Я и сам уже готов был попытаться счастья с другим кораблем, но от такого шанса

отказаться не мог.

— Оставайся, если хочешь. Передавай привет местной инквизиции.

— Конрад, ты не смеешь! Ты слово дал!

— И я его держу,— ухмыльнулся я.— Я ведь тебе не запрещаю плыть с нами. Ты сам отказываешься.

— А ты, оказывается, прирожденный софист! — одобрительно прокудахтал Транквилл.— Растешь в моих глазах, Конрад!

Не обращая больше внимания на Моргана, брызжущего слюной в бессильной ярости, я спешился и подошел к моряку, скучающему у трапа:

— Эй, уважаемый! Доброго дня!

— И тебе здорово, коль не шутишь.

— Могу я видеть капитана?

— Можешь,— пожал плечами моряк.— А ты уверен, что хочешь?

— Что, кэп не в настроении после вчерашнего?

Моряк хмыкнул:

— Не в настроении? Ну можно и так сказать. Боцмана он уже за борт выкинул. Хорошо, что в воду упал, а не на причал, а то убили бы...

— Черт... Но мне нужно с ним поговорить!

— Можешь со мной поговорить — я его первый помощник. Альваро Канальос.

— Удачно! — обрадовался я.— Я вчера договорился с доном Хенаро, что он возьмет на борт меня и моих друзей.

— Мы в Америку плывем, приятель!

— Нам и надо в Нехренаско-дель-Пуло, но сойдет любой порт в Южной Америке.

— Ну если договорились, загружайтесь.

— Спасибо! — Я обернулся к отряду: — Поднимайтесь на борт, нечего тут маячить!

Альваро запротестовал было, увидев, что мы и лошадей с собой берем. Особенно ему не понравились гиганты Максимилиан и Артур.

— Эй-эй! А насчет них кэп тоже договаривался?! Куда мне этих слонов ставить?

— Артур, по-моему, этот смерд нас только что оскорбил.

— Максимилиан?

— Он сравнил нас со слонами, кои являются тягловым скотом. Мне кажется, это явное оскорбление!

— Ты прав, Максимилиан! Следует ли мне ударить его копытом или укуса в плечо будет достаточно?

— Господа, господа! — поспешил я успокоить надменных дестриэ.— Не стоит начинать путешествие с драки. Он не хотел вас оскорбить. В представлении людей слоны — воплощение силы, так что это был комплимент...

— Мы принимаем это объяснение,— после некоторого раздумья произнес Максимилиан.— Артур, мы не будем наказывать этого человека. Он просто 1Лугг•

— Да, Максимилиан.

Кони высокомерно фыркнули и прошествовали по трапу мимо растерявшегося моряка. Я вытер вспотевший лоб.

— Мне показалось или ты о чем-то с ними говорил? — подозрительно спросил Альваро, так и не узнавший, от какой опасности я его уберег.

— А что такого? Лошади они же как люди — все понимают, только что ответить не могут.

— Но мне показалось... гм... ну да ладно. Ох... узнает кэп, что у нас за пассажиры,— точно прикажет меня на необитаемом острове посадить.

— Брось! Мы же оплатим проезд.

— Это само собой. Но деньги решают не все проблемы. У нас, знаешь ли, не прогулка вдоль побережья. На «Вазелине» нет пассажиров и команды — только команда. Работать будете наравне со всеми. Если не нравится, можете сойти в любой момент, ха-ха!

— Нет проблем, Альваро! У нас в отряде белоручек нет.— Я тут же вспомнил про Моргана и порадовался, что он сейчас в крысином теле.

— Ну тогда добро пожаловать на борт.

Я поднялся на палубу последним. Да...

Если с причала «Санта Вазелин» выглядел просто неуклюжим, то, стоя на палубе, я понял, что он еще и маленький. Становилось понятно, почему Альваро был против погрузки на борт дестриэ — два коня такого размера вполне могли разнести корабль в щепки,

— Ну что,— ехидно прошептал Морган,— все еще хочешь плыть на *этом*?

— Не стоит судить о корабле с первого взгляда,— резонно произнес Николас.— Тем более взгляда профана.

— Тем более... — добавила Коллет, выглянув за борт.— Тем более что выбора у нас уже нет.

Я вскарабкался на бочонок, привязанный у борта, и осторожно выглянул, уже догадываясь, что там увижу. Так и есть. Причал был оцеплен стражниками, а у крайнего в ряду корабля о чем-то разговаривал с моряком уже знакомый мне монах. Поговорив, он вместе с несколькими стражниками поднялся на борт.

— Альваро, когда мы отплываем?

— Как только кэп даст команду.

— А где, кстати, дон Хенаро?

— Вообще-то он в каюте. Но я бы тебе не советовал к нему соваться сейчас.

Проклятье! Я и сам бы себе не советовал этого!

— А может быть, мы отплывем без его приказа? Потом скажете, что он просто забыл.

— Ха! Кэп никогда ничего не забывает, каким бы пьяным ни был. То, что ты говоришь, это вообще-то подстрекательство к бунту. Не будь ты сухопутной крысой, уже отправился бы за борт. Доходчиво объяснил?

— Уж куда доходчивее,

Я снова посмотрел на причал. Инквизитор успел проверить уже два корабля. От «Санта Вазелина» его отделяли всего три брига. Что ж, делать нечего...

Я не успел сделать и двух шагов к палубной надстройке, как дверь открылась и объявился сам капитан. Вид у него был тот еще, но все-таки получше, чем у моих спутников.

— А... успели все-таки...

Похоже, Альваро был прав, капитан ничего не забывал. Особой приветливости он, правда, не проявил, но ведь и не приказал гнать в шею. Покачиваясь, дон Хенаро прошелся вдоль борта, осмотрел груз... Я мысленно подгонял его, загривом чувствуя, как неумолимо приближается к «Санта Вазелину» инквизитор. К сожалению, капитан оказался нечувствителен к моим мысленным приказам. Осмотрев груз и обругав команду бездельниками», дон Хенаро посмотрел на солнце и наконец буркнул:

— Отплываем...

Я перевел было дух, но тут на причале раздался какой-то невнятный возглас. Перед носом «Санта Вазелина» стоял давешний инквизитор, судя по выражению лица совершенно ошарашенный носовой фигурой корабля. Однако, увидев матросов, собиравшихся убирать трап, монах взял себя в руки и начал решительно подниматься на борт.

— Капитан...

— Это еще что за... — нахмурился дон Хенаро, заступая незваному гостю дорогу.— Святой отец, я что-то не помню, чтобы вносил вас в судовой журнал. У нас уже есть судовой капеллан.

— А кто воспрепятствует слугам моим в изобличении малефиков или заступится за оных, тот столь же мерзостен пред очами моими, как и осквернившие себя колдовством!

— Чего? — растерялся дон Хенаро, еще не знакомый с вычурной речью инквизитора.

— Не препятствуй!

Монах попытался отпихнуть с пути капитана.

И без того удрученный похмельем, дон Хенаро сгреб наглеца за шиворот и, не говоря

худого слова, отправил за борт. Короткий вопль сменился громким всплеском и забористой бранью,— похоже, непредвиденное купание враз научило инквизитора нормальной речи.

— Ну чего уставился? — буркнул капитан растерянно застывшему вахтенному матросу.— Тоже захотел окунуться? Трап убирай!

После чего со зловещей ухмылкой посмотрел на наш отряд.

— А вы что без дела стоите?

ГЛАВА ШЕСТАЯ, *в которой повествуется о плавании благородного Конрада фон Котта через Атлантический океан и последствиях этого плавания для «Санта Вазелина»*

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 5 июня 16... г. от Р. Х.*

Воистину морские путешествия — занятие для сильных духом и телом. Пожалуй, я назвал бы их самым тяжелым испытанием, которое только может выпасть на долю цивилизованного человека. Лишения, которым подвергаются моряки во время длительного плавания, невозможно вообразить, если не испытал их на своей шкуре. Тем удивительнее, что большинство соглашаются на них добровольно.

— Николас! Вот ты где! — Коллет, уперев руки в бока, гневно посмотрела на ярла.— Сейчас, между прочим, твоя очередь!

— Моя? — поднял на ведьму жалобный взгляд Николас.— Не может быть!

— Еще как может! Хватит отлынивать! Тоже мне моряк!

— Я речной моряк! — возразил Николас.— На реке никогда не бывает... такой... качки...

На последних словах взгляд ярла вновь стал сосредоточенным и он стремительно перегнулся через борт. Коллет досадливо топнула ногой:

— Ну что за невезение! На этом корабле что, я единственный здоровый мужчина?

Надо признать, несмотря на парадоксальность, это утверждение было недалеко от истины.

Еще планируя экспедицию, мы сошлись на том, что Коллет будет изображать юношу — оруженосца «странствующего рыцаря». Это позволяло избежать множества неприятных моментов во время путешествия по довольно беспокойным дорогам Европы, но главное — без проблем попасть на корабль. Не знаю, есть ли какая-то мистическая основа под суеверной убежденностью моряков, что женщина на корабле — к беде, но, если посмотреть надело под чисто практически углом, это так и есть. Женщина на корабле, набитом здоровыми мужиками, не видевшими берега несколько недель,— это не просто к беде, это к катастрофе. Потому Коллет на время путешествия стала Клементом.

Увы, привычный образ мальчишки-подростка сыграл с ней злую шутку. Обрадованные моряки старались спихнуть на «юнгу» всю грязную и нудную работу под тем предлогом, что «парень должен понюхать морской жизни». Примерно та же участь ожидала и остальных членов нашего отряда как типичных «шкерт» — людей без каких-либо навыков в морском деле. Однако остальные по разным причинам избежали этой беды. Например, Андрэ из-за его феноменальной силы почти все время занят был то на шпиге, то на помпе, иногда его даже допускали к парусам — под контролем опытных моряков. Самое удивительное, что полное незнание бывшим оруженосцем испанского языка ничуть ему не мешало. Впрочем, команда говорила на такой диковинной смеси всех европейских и неевропейских языков, густо сдобренной профессиональным жаргоном, что даже я мало что понимал, хоть и неплохо владел испанским. Надо сказать, мне не так уж много приходилось общаться с командой, поскольку от большей части работ меня капитан освободил по понятным причинам — кошачьи лапы сильно уступают человеческим рукам. Кандидатура Моргана, само собой, не рассматривалась вообще. Так что помогать Коллет должны были только

Николас и Жак Кошон. Вор безропотно выполнял все приказы боцмана. Если точнее — им беззастенчиво помыкала вся команда, включая даже меня и Коллет. А вот с Николасом возникла проблема — кроме того что он тоже не знал испанского, у потомка викингов обнаружилась жесточайшая морская болезнь. Бедняга лежал пластом большую часть суток и вставал, исключительно чтобы перегнуться через борт и «поприветствовать Нептуна». Учитывая, что Николас совершенно не мог есть, это действие вскоре приобрело характер некоего символического ритуала. Впрочем, физические страдания ярла ни в какое сравнение не шли со страданиями душевными от сознания собственной беспомощности. Насмешки команды, с удовольствием прохаживающейся по поводу «сухопутного моряка», и недовольство Коллет, которой приходилось драить палубу и за себя, и за Николаса, разумеется, не придавали ему оптимизма. В первые дни плавания девушка еще прислушивалась к моим увещаниям, но каждая пройденная миля сказывалась на ее настроении не лучшим образом.

Оно и неудивительно. Если бы, пытаясь отговорить Коллет от участия в экспедиции, я подробно рассказал ей об условиях быта на корабле, мне наверняка удалось бы убедить ее остаться дома. К сожалению, мне и самому раньше не доводилось бывать на парусниках или хотя бы общаться с моряками, так что для меня жизнь на «Санта Вазелине» также была полна сюрпризов. Конечно, не все эти сюрпризы относились к категории неприятных. Часть из них следовало отнести к очень неприятным.

— На «Вазелине» нет команды и пассажиров. Только команда,— честно предупредил нас Альваро.

Как вскоре выяснилось, это подразумевало не только участие в общей работе, но и повседневную жизнь. «Санта Вазелин» был купеческим судном, и все на нем подчинено было одному богу — товару. Тюки, ящики и бочки занимали каждый свободный ярд палубы, не говоря уж о трюме. Если бы купец мог нанять команду из бесплотных духов, наверняка на корабле вообще не осталось бы места для кубрика. Но поскольку живым людям нужно время от времени хотя бы спать, под кубрик отвели форпик — помещение в носу корабля, впереди фок-мачты. Из-за сильной качки и постоянной сырости держать здесь груз было все равно рискованно, а вот людей — запросто. Как «успокоил» нас Альваро, увидев наше замешательство при виде малюсенького закутка, плотно забитого спящими телами в гамаках:

— Человек не таракан, он ко всему привыкает!

Сам первый помощник обитал на юте, как и капитан. Впрочем, будучи приглашен в капитанскую каюту на «рюмку чая», я убедился, что единственным преимуществом капитанской каюты перед кубриком является ее изолированность. В остальном маленький вытянутый «гроб» был столь же тесным и сырым. Андрэ, как «благородный рыцарь» тоже приглашенный на обед в капитанскую каюту, выдержал там всего несколько минут, после чего сбежал, деликатно отговорившись отсутствием аппетита.

— Дык какой там аппетит, Конрад,— пояснил он позже столь несвойственное поведение,— когда коленки на брюхо давят, а подбородок в грудь упирается, что жевать невозможно! Да и еда... разве это еда?

Тут надо заметить, что упрек Андрэ в адрес корабельной кухни был и справедлив, и одновременно несправедлив. То есть, я имею в виду — кормежка на паруснике и впрямь была ужасна ровно настолько, чтобы есть *это* можно было, лишь очень сильно проголодавшись. Но с другой стороны, винить в том было некого. Понятное дело, в открытом море пополнить запасы провизии негде, потому все необходимое везли с собой. И это «все» должно было соответствовать нескольким основным требованиям — не бояться морской воды, не портиться от жары, занимать мало места и насыщать. Мало существует на свете продуктов, удовлетворяющих всем этим требованиям, а еще меньшее число из них можно хотя бы с натяжкой назвать вкусными. Основной наш рацион составляла мерзкая на вкус субстанция из вареной перловки или проса с солониной. Когда на кока — того самого негра по имени Намба Ван — напал творческий зуд, он добавлял в кашу разные неожиданные ингредиенты. Самой безобидной добавкой были фасоль и горох — этот вариант

даже имел популярность среди моряков, поскольку был сытным, а неизбежные последствия служили источником веселья для команды. После первого же такого обеда Коллет сбежала из кубрика и с тех пор устраивалась спать где-то в тюках товара. Я перебрался туда еще раньше — для моего чувствительного носа запах в кубрике был невыносим и без всяких бобовых похлебок. Андрэ получил каюту второго помощника, очень удачно забытого в Кадисе.

Разумеется, капитан отдал каюту Андрэ вовсе не из почтения к его титулу и не из человеколюбия. Просто когда король ложился на пол в кубрике (гамак естественно, его не выдерживал), больше там не оставалось места ни для кого.

Николас же проводил дни и ночи на подстилке у грот-мачты, где не так ощущалась качка. Альваро, который с первого дня проникся к несчастному коллег сочувствием, попытался застрашать беднягу, предупреждая, что его может попросту смыть за борт, на что Николас ответил, что это по крайней мере оборвет его страдания. Тогда сердобольный первый помощник привязал ярла за ногу к мачте, оставив конец длиной ровно до борта — из соображений гигиены.

Таким образом, из всего нашего отряда в кубрике спал только Жак, которому после ночлежек и воровских схронов вонь немых тел была как ностальгический привет из прошлого.

Морган, как ни странно, был не против. То, что этот неисправимый скандалист так просто смирился, признаться, здорово беспокоило меня. Такая покладистость могла означать, что Мордаун что-то замышляет. К сожалению, поделиться своими подозрениями с Коллет мне не удалось — в ее теперешнем настроении ведьма не была склонна к теоретическим дню путам.

— Конрад, иди ты со своими подозрениями в... в... в носовую фигуру! — Коллет зачерпнула ведро морской воды, выплеснула, нарочно стараясь забрызгать меня, и принялась ожесточенно тереть палубу куском пемзы. — Тебе заняться нечем, вот и выслеживай Моргана. А мне надо этот плавающий свинарник отмыть, а потом еще на камбузе помогать!

— Держись сегодня подальше от Комнаты Ужаса, пацан! — посоветовал как раз проходивший мимо боцман. — Тебя ребята, конечно, любят, но сегодня десятый день!

— Эй... вы о чем, дон Педро?

Но боцман уже заметил какого-то матроса, по его мнению бездельничающего, и набросился на бедолагу с руганью, совершенно забыв про нас.

— Что за «десятый день»?

— Нашла кого спросить! — фыркнул я. — Небось ром раздавать будут.

— Нет, раздача рома — это, конечно, душераздирающее зрелище, но она ведь каждый день происходит. Что такого опасного случается на десятый день плавания?

Причем на камбузе, — уточнил я. — Спроси у Николаса — он все же моряк.

— Сейчас. Домою до грота и спрошу. Только вряд ли он в курсе морских обычаев.

— Тогда у любого другого матроса... О, Альваро идет!

— Дон Альваро, дон Альваро! — Ведьма заступила дорогу первому помощнику, шествовавшему на полуют с секстантом и картами в руках. — А что такого сегодня должно произойти?

— Э? Что? Ты о чем, малыш?

— Дон Педро сказал мне сегодня на камбуз не ходить! — поспешно затараторила Коллет, держа Альваро за рукав. — Сказал, сегодня десятый день и...

— О боже! — Первый помощник чуть не выронил прибор за борт. Лицо его исказила сложная смесь ужаса, отвращения и сознания беспомощности. — Как я мог забыть! Десятый день! Надо напомнить капитану!

Забыв о наблюдениях, ради которых поднялся на палубу, Альваро стремительно исчез в кормовой надстройке. Мы с Коллет встревоженно переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Не-а... Что-то мне не по себе, Конрад!

— Не бойся, я буду защищать тебя до последней капли крови! — торжественно провозгласил я.— Клянусь честью рода фон Котт!

— Спасибо.— Надо признать, Коллет была скорее растрогана, чем успокоена моим заявлением.— Но у кого бы узнать поточнее, о чем речь? Эй, брат!

Проходивший мимо корабельный плотник вопросительно поднял брови.

— А что такого происходит на корабле на десятый день? Я спросил у дона Альваро, а он...

— Десятый день? — Брови плотника подскочили до самой войлочной шапочки.— Сегодня? Сушеного краба мне в глотку!

— Пожалуй, не стоит больше никого спрашивать,— задумчиво произнесла Коллет, глядя вслед убегающему с воплями плотнику.— Не имеет смысла. Да и опасно — еще бунт спровоцирую.

— И то правда. Но на камбуз все-таки лучше не ходи,— сказал я.

Однако семена паники уже были посеяны. То тут, то там на небольшом пространстве корабля раздавался приглушенный вопль «Десятый день?! Сегодня?! в сопровождении разнообразной, но совершенно неинформативной брани. Выходивших на вахту матросов первым делом посвящали в страшную новость, и лица их сразу мрачнели. Апогея сдержанное недовольство достигло, когда Намба высунул свою черную ряшку из камбуза и завопил на весь корабль:

— Обед! Всем жрать, пожалуйста!

В отличие от других дней, привычного столпотворения вокруг дежурного бочкового, выволокнувшего на палубу два огромных бочонка с едой, не возникло. Я настороженно огляделся — корабль невероятным образом казался опустевшим. Команда, только что суетившаяся на палубе, словно испарилась. Да и сам бочковой попытался скрыться на камбузе, но вылетел оттуда от мощного пинка сплошь татуированной черной ноги. После чего дверь камбуза захлопнулась.

— Ты заметила? Сегодня два бочонка!

— Да, но...

— Та-а-ак... — Дон Хенаро со скорбной миной оглядел корабль.— Ну блин, «Летучий голландец», в натуре!

Альваро поддержал под руку опасно накренившегося капитана и объяснил:

— Этого следовало ожидать. Каждое плавание с этого начинается.

— Ну не хотите по-хорошему, будет как всегда! — заявил в пустоту палубы капитан.— Дон Альваро, дон Клаудио...

— Клаудио забыли в Кадисе,— напомнил Альваро.— А я просил! Я предупреждал!

Капитан на мгновение задумался и немедленно принял решение:

— Дон Педро, назначаю вас временно исполняющим обязанности второго помощника!

— Капитан! — раздалось откуда-то из-за бочонков с водой.— Это нечестно! Я не хочу!

— Жизнь вообще жестока и несправедлива! — философски заявил капитан.— Приказываю старшим офицерам немедленно собрать команду на палубе!

Альваро и Педро понадобилось с четверть часа, чтобы вытащить матросов из укромных уголков, в которые те забились в страхе перед неведомой опасностью, таящейся в водном из двух бочонков с обедом. Даже Николаса подняли с его подстилки, и бледный как утопленник ярл уныло таращился на капитана из первых рядов.

— Итак, что мы видим? — Капитан с неподдельным интересом обвел взглядом команду и хмыкнул.— Лично я вижу перед собой стадо упрямых ослов! Вы готовы себя сгноить, лишь бы не отказываться от предассудков!

Команда угрюмо молчала.

— Доктор Цепеш ведь объяснял вам, что это... как его... ну гм... — Дон Хенаро озадаченно лочесал в затылке, потом лицо его озарилось.— А вот мы попросим доктора Цепеша еще раз все объяснить! Прошу, доктор!

Корабельный доктор без особой радости вскарабкался на капитанский мостик и

оглядел команду красными от постоянного недосыпа глазами.

— А есть смысл? Они все равно забыть, что я есть говорить им, через один ухо в другое вылетать!

— Надо, доктор, надо! Просвещать и воспитывать!

— Вы меня принимать за не того! — скептически хмыкнул старый румын. — Я есть костоправ! Не проповедник!

— О, кстати, а где отец Михель? — вспомнил дон Хенаро. — Негоже доброму пастырю покидать свое стадо в час тяжелого испытания! Альваро, найти и привести!

— Есть!

— Однако нам сейчас требуется не духовное напутствие, а мирское наставление, доктор. Попытайтесь вдолбить в эти темные головы, что я заставляю их есть квашеную капусту не из пустой прихоти!

— Квашеную капусту? — Я не верил своим ушам. — И вся эта паника из-за такой ерунды?!

— Ты бы помолчал, крыса ты сухопутная! — вздохнул стоявший рядом плотник, — Что бы понимал!

— Капусту? — жалобно вякнул Николас, позеленел и привычно бросился к борту. На этот раз над ним никто не смеялся.

Между тем Альваро приволок отчаянно упирающегося корабельного капеллана, доктор Цепеш прокашлялся и сурово посмотрел на притихших моряков.

— Все меня знать вы! А кто не знать еще узнать! Особенно узнать те, кто не есть капусту. Скоро! Цинга боится капуста кислый.

— Неудивительно, что команда забывает проповеди доктора, — прошептал я на ухо Коллет, — Ни черта же не понятно!

— Да нет, он все понятно объясняет, — возразила ведьма, прислушиваясь к разоряющемуся на мостике Цепешу. — В расчете на неграмотных матросов. Вообще-то я читала про цингу — это всегда серьезная проблема в дальнем плавании. И квашеная капуста от нее действительно спасает. Не понимаю, почему Матросы так болезненно воспринимают эту меру?

— Не понимаешь? — хмыкнул плотник. — Ничего, ют придется тебе пару месяцев каждый день эту мерзость хавать — тогда поймешь!

Доктор Цепеш наконец перестал мучить публику своим жутким акцентом, и капитан рывкнул:

— Первый помощник, построить команду для приема пищи! Второй помощник, следить за каждым. Тому, кто попытается выкинуть капусту за борт, накладывайте двойную порцию. Ничего, этого добра я взял с запасом, хе-хе! Хотите вы этого или нет, я вас всех назад приведу живыми и здоровыми!

Слегка обалдевшие после лекции доктора моряки безропотно получили по миске просяной каши с солониной и по миске квашеной капусты и с отвращением на лицах принялись за обед. Я без особого энтузиазма поковырялся в своей миске, попытался жевать кислые листья и чуть не присоединился к Николасу, так и зависшему у борта, — облако капустного запаха окутало палубу и не давало его желудку успокоиться.

— Иезус Мария! Экая гадость. — Я незаметно избавился от «добавки», опрокинув миску в шпигат. Боцман подозрительно посмотрел в мою сторону, но волна уже смыла следы моего преступления. — Не знаю, как это действует на людей, но кошкам подобное блюдо явно противопоказано.

— Да, — согласилась Коллет. — Никогда не слышала чтобы кошек спасали от цинги квашеной капустой. Вообще-то я даже не слышала, чтобы у корабельных кошек могла быть цинга. Если подумать, у них ведь не бывает каких-то проблем со скудностью и однообразием еды.

— Да? — обрадовался я. — Как им это удастся?

— Да очень просто. На корабле полно крыс...

Я поперхнулся куском солонины.

— Н-нет, пожалуй, пусть уж лучше меня мучает цинга! Я не могу съесть тех, кто со мною разговаривает!

— Какой ты все-таки несовременный,— ехидно пропищал Морган. За разговором мы и не заметили, как на палубе рядом с нами пристроился Жак.— И излишне сентиментальный!

Я демонстративно задумался.

— Ты так считаешь? Хм... Возможно, ты прав! Надо будет попробовать. Я даже знаю, с какой крысы начну!

— Но-но! — встревожился Морган.— Позволь напомнить — я только внешне крыса! Жак, унеси меня! Не желаю слушать эти грязные инсинуации!

Коллет посмотрела вслед нелепой фигуре вора.

— Зачем ты его все время пытаешься поддеть?

— Я? Ты о чем? У меня и в мыслях не было!

— Ты же знаешь, как он болезненно реагирует на напоминание о своем теперешнем положении! Зачем лишний раз оскорблять его?

— Погоди-ка! — оторопел я,— Мы говорим об одном и том же Моргане? О том самом, который хотел свалить на тебя исчезновение Анны? Из-за которого ты вынуждена была скитаться по свету, чуть не попала на костер, служила Ночному Магистру? О том самом Моргане, который чуть не устроил у Бублинге войну? И которого ты, кстати, собралась убить?

— Можно подумать, ты сам безгрешная овечка! — сердито фыркнула Коллет.— Я иногда думаю, что ты не можешь вернуть себе человеческий облик, потому что еще не стал человеком!

Я растерянно проводил взглядом ведьму и потряс головой:

— Бред какой-то!

— Ты совершенно не понимаешь в женщинах, дружище!

— Я смотрю, тебе полегчало? — сердито буркнул я, поворачиваясь к Николасу.— Может быть, капустки?

— Уволь! — слегка позеленел ярл.— Позже я, несомненно, сольюсь в гастрономическом экстазе с остальной командой, поскольку слова нашего косноязычного доктора показались мне разумными. Но сегодня мой желудок к подобному эксперименту еще не готов... Как я понимаю, ты не настроен говорить о Коллет и ваших отношениях?

— Абсолютно не настроен,— подтвердил я, вставая.— Николас, не обманывайся моей внешностью. Я ведь на самом деле старше тебя, к тому же бывший наемник, капитан ландскнехтов. Ты серьезно думаешь, что можешь посоветовать мне что-то, чего я не знаю?

Николас бросил на меня иронический взгляд.

— А ты серьезно думаешь, что твой военный опыт в данном случае поможет?

— Николас, если не уймешься, я скажу боцману, что ты уже достаточно оклемался, чтобы драить палубу. Думаю, Коллет оценит появление у нее помощника и забудет о нашей размолвке.

— Како-ко-кой грязный шантаж! — раздалось откуда-то сверху. Подняв голову, я увидел Транквилла, уютно пристроившегося на ящике с грузом.

— Подслушиваешь?

— Подслушиваю,— без малейшего намека на смущение подтвердил петух.— Я изучаю людской род. Возможно, даже когда-нибудь напишу книгу о своих исследованиях. Подслушивая разговоры, я получаю бесценную информацию о людях.

— Этот мир сошел с ума... — пробормотал я под нос.— Пойду поговорю с Иголкой. На этом корабле она единственное нормальное существо!

— Я с тобой! — Транквилл прыгнул мне на плечо, заставив пошатнуться.— Я тоже соскучился по Иголке. К тому же мне не нравится, как на меня в последнее время поглядывает кок! Лучше я побуду рядом с тобой.

— А как же исследование человеческого рода?

— Я не собираюсь исследовать людей изнутри их ненасытного брюха! Ну так как? Мы идем к Иголке? Или, может быть, ты предпочтешь извиниться перед Коллет?

— Извиниться? За что?!

— Ко-ко-конрад, ты мне, конечно, друг. Но истина — дороже. Ты действительно ничего не понимаешь в женщинах. Важно не то, есть ли за что тебе извиняться,— важен сам факт.

— Гай, заткнись! Не хватало еще, чтобы петух мне говорил, как вести себя с женщинами!

— Ну и зря! Подошел бы, извинился — от тебя ведь не убудет! Зато помирились бы. А то смотри — нет фурии в аду страшнее разгневанной женщины!

— В оригинале это звучит иначе,— возразил я.— Не лезь в чужие отношения, Гай, Мы сами разберемся. Пойдем навестим Иголку.

К сожалению, Гай Светоний Транквилл оказался не только философом, но и пророком. Не прошло и недели, как нам довелось узнать, на что способна разгневанная женщина. Особенно разгневанная ведьма.

Как я упоминал выше, бытовые условия на корабле оставляли желать лучшего. И больше всех от этого, разумеется, страдала Коллет, которой — кроме всего прочего — стоило больших трудов скрывать свою женскую суть. На небольшом корабле, когда вокруг постоянно находится множество людей, это требовало колоссального напряжения сил и нервов. И в конце концов Коллет не выдержала.

А поводом стала все та же квашеная капуста.

Слова плотника полностью подтвердились — уже на второй день Коллет и Жак съели свои пайки без особого энтузиазма, а на третий — с заметным отвращением. На четвертый день Жак попался на попытке «накормить» пресловутой капустой шпигат и был «осчастливлен» двойной порцией в наказание. На пятый день попалась Коллет.

Дон Хенаро, лично контролировавший теперь каждый обед, неумолимо кивнул коку. Намба зачерпнул щедрой рукой изрядную пригоршню капусты и навалил в миску Коллет. Я успел заметить, как изменилось лицо девушки, но было поздно. В следующий момент Коллет уже стояла, уперев руки в бока, и поносила на чем свет стоит капусту, доктора Цепеша и капитана. Досталось также «Святому Вазелину» и всем морям с океанами в придачу.

— Так... — спокойно выслушав гневную тираду, произнес дон Хенаро, снимая с головы миску и стряхивая капустные листья.— Десять плетей... ладно, учитывая хлипкость организма — пять плетей для начала. Сеньор Кривой Джимми, прошу вас!

Прежде чем кто-либо из нашего отряда, включая и саму Коллет, успел сообразить, что происходит, один из матросов — кряжистый маар, получивший прозвище за старый шрам, заставлявший его левый глаз смотреть куда-то в сторону,— обхватил ведьму поперек туловища и без особых усилий оттащил к грот-мачте.

— Эй, кэп! — Я бросился за доном Хенаро.— Подождите! Ну что вы, право! Да, Кол... э-э-э... Клемент погорячился, но не крутовато ли такое наказание для мальчишки?

— Вот и остынет,— буркнул капитан.— Раз и навсегда отучится горячиться не по делу!

— Кэп, он же итак работает с утра до вечера не разгибаясь! В конце концов, он не ваш матрос, он оруженосец маркиза! Наказывать его имеет право только его господин! Скажите хоть вы, маркиз...

— А? — Андрэ быстро доел остатки капусты и торопливо поднялся.— Че делать-то надо?

— Господин маркиз, Клемента хотят выпороть! Скажите же, что вашего оруженосца пороть можете только вы!

— Э-э-э... моего оруженосца пороть могу только я! — важно подтвердил Андрэ.— А кто такой Клемент?

— Иезус Мария!

— Вот что, пока вы у меня на борту, мне плевать, кто тут маркиз, а кто — оруженосец!

— отрезал дон Хенаро.— Вы все сейчас мои матросы. Твой маркиз мне еще спасибо скажет — сразу видно, что он своего оруженосца и не порол толком никогда. А тот и обнаглел. Вот в мои годы юнги голову не смели поднять от палубы! А все потому, что уважение к старшим было! А уважение, оно через спину особенно хорошо вбивается! Сеньор Кривой Джимми,..

— Вы совершаете большую ошибку,— сказал я, прикидывая, куда лучше спрятаться.

— Это мой корабль! Я не потерплю такого подрыва авторитета! Сеньор Кривой Джимми, приступайте!

Маар привычным движением сдернул с «юнги» рубаху, обнажив Коллет до пояса.

— Мама! — взвизгнул кто-то из матросов, собравшихся поглазеть на экзекуцию.

— Девка! — первым сообразил плотник.

— Ага... только плоская какая-то...

Коллет опустила руки, которыми инстинктивно прикрыла грудь, и медленно сжала кулаки. Мне показалось, что я слышу хруст. А вот темное облако, сгустившееся над головой ведьмы, мне точно не почудилось,

— Андрэ, прячься...

Договорить я не успел. Впрочем, как и спрятаться.

На этот раз молнии не было, До этого момента я был уверен, что в гнев Коллет всегда прибегает к этому колдовству. Теперь же выяснилось, что мне просто не доводилось еще видеть мою ведьму в настоящем гневе.

Первым ударом внезапно налетевшего урагана, центром которого была Коллет, всех, кто был на палубе, разметало в разные стороны. Даже Андрэ свалило с ног и покатило, словно вырванное с корнем дерево. Я мгновенно оказался в воздухе, и спасло меня только то, что я сразу же вцепился всем телом в фок-мачту.

А ураган продолжал набирать силу. Над кораблем сгустилась черно-лиловая туча, от которой к палубе тянулись мглистые щупальца смерчей. Внутри тучи громыхало, и по ее поверхности пробегали разряды молний. Корабль трясло как в лихорадке, почти все паруса сорвало и унесло первым же ударом вместе с изрядной долей такелажа и кусками рей. Мачта подо Мной согнулась, словно травинка, и пугающе трещала, готовая вот-вот сломаться. Волны начали перехлестывать через борта, окружая неподвижный корабль со всех сторон.

— *Dies irae, dies illa solvet saeculum in favillam!* — послышалось сквозь рев урагана откуда-то сверху. Я с трудом поднял голову. Прямо надо мною, запутавшись в обрывках вант, болтался корабельный капеллан. Глаза бедняги закатились так, что видны были только белки, он выкрикивал, захлебываясь ветром, одну и ту же фразу: — День гнева, тот день развеет весь мир в пепел!

Эта картина так напугала меня, что я стянул перчатки, вцепился когтями в дерево и стал потихоньку сползать с мачты, пересиливая ветер. Оказавшись на палубе, я, все так же глубоко вгоняя копи в настил, пополз к Коллет. Задние лапы беспомощно болтались в воздухе — я боялся, что, если начну стягивать сапоги, меня просто унесет ветром. Впрочем, почти сразу эта проблема решилась сама собой— очередным порывом урагана сапоги сорвало с лап и, как мне показалось, затянуло в один из смерчей. За ним по-следовали панталоны и чулки... Проклятье! Не так-то просто будет найти чулки моего размера! Если, конечно, мне удастся привести в чувство Коллет, иначе никакие чулки мне уже не понадобятся... Я ползком добрался до ведьмы и здесь смог встать — в центре урагана царил покой.

Девушка стояла, вытянувшись в струнку, закрыв глаза и продолжая сжимать кулаки.

Раньше я мало имел дела с магией. Более того, еще совсем недавно искренне считал ее выдумкой. И то, что в течение прошедшего года мне довелось познакомиться с ней вплотную, ничуть не добавило мне чувствительности к этой таинственной силе. Но сейчас даже я чувствовал мощный поток, исходивший от ведьмы.

— Коллет,— позвал я, опасливо дотрагиваясь до руки девушки.— Коллет, очнись! Хватит!

Ведьма распахнула глаза, и я с трудом устоял на ногах — глаза девушки были

абсолютно черными, без белков, на меня смотрела сама Тьма, и было очень страшно. Но это была Коллет, и я обнял ее руку передними лапами и повторил:

— Коллет! Пожалуйста, очнись! Это я, Конрад! Не бойся! Тебя больше никто не обидит!

Девушка опустила взгляд. Несколько бесконечных мгновений мне казалось, что сейчас меня просто разнесет на кусочки той же молнией, но тут чернота стала уходить из глаз Коллет и она посмотрела на меня вполне осмысленно. Хотя вид у нее был все такой же гневный.

— Коллет, ты вернулась?

— Да... Проклятье, Конрад, зачем ты мне помешал? Стоило бы потопить это старое корыто!

— Такая кровожадность тебе совершенно не идет, Коллет...

— Дьявол! Конрад, есть вещи, которые нельзя прощать!

— Да, капитан перегнул палку.

— Плевать на капитана! Этот... этот... тупой шовинист хряк посмел сказать, что у меня плоская грудь!

— Э-э-э... Коллет, не расстраивайся! — Я с тревогой заметил, как опасно потемнели зеленые глаза девушки. — Он просто дурак! У тебя очень красивая грудь!

— Правда? Ты так считаешь?

— Никогда раньше не видел такой красивой груди! — искренне заверил я ведьму.

Шшшшар-рр-гх!

— За что?! — простонал я, чувствуя, как каждую самую маленькую мышцу моего тела сводит от боли.

— А нечего паяться на приличную девушку! — фыркнула Коллет, натягивая рубаху. — И лапы нечего распускать!

— Иезус Мария... Добейте меня кто-нибудь!

— Прикончите его, пока он ослаб! — прогремело откуда-то с юта. — Убейте демона!

— Черт! Это же просто выражение такое! — простонал я, пытаюсь встать. — Фигура речи...

Спешивших ко мне с abordажными тесаками в руках моряков эти оправдания не остановили. Оно и понятно — с сапогами и панталонами я утерял и признаки принадлежности к человеческому роду, мне даже стоять на задних лапах стало трудно.

— А ну стоять! — рывкнула Коллет, поднимая искрящуюся руку над головой. Я вздохнул с облегчением — всего лишь молния! Значит, уже успокоилась!

Матросы в замешательстве остановились.

— Ведьма, сдавайся! — неуверенно потребовал дон Педро. — Пришел конец твоим бесчинствам!

— Это ты про себя, что ли? — с едкой насмешкой в голосе спросила Коллет. — Такой конец меня мало пугает! Идите, мальчики, приберитесь лучше на палубе!

— Эй! — Боцман гневно потряс саблей. — Убирать палубу — это твоя обязанность!

— С сегодняшнего дня... — с расстановкой произнесла Коллет, — с сегодняшнего дня моя обязанность — случайно не прибить кого-нибудь из вас! А ваша — делать все, чтобы у меня не возникало соблазна это сделать! Учтите, я слабая женщина и легко поддаюсь соблазнам!.. Ну? Чего стоите?

— Мы тебя не боимся, ведьма! — стуча зубами, ответил боцман. — Мы не будем продолжать плавание, ока ты не сдашься!

— Это еще почему?

— Потому, что ты ведьма! Существо богопротивное. Мы свои души губить не желаем!

— Ну что же, значит, придется по-плохому...

— Стойте, стойте! Немедленно прекратите этот глупый спор!

— Мама! Еще один демон!

— Да что ты как баба! — рявкнул на нервного моряка боцман. — Извините, леди, не сдержался! Что за наказание мне еще досталось?! То при виде женской груди визжит, то крысы говорящей боится! Чего ты испугался, болван? Такого мелкого беса мы уж как-нибудь сдюжим!

Команда скептически уставилась на вылезшего из какой-то щели Моргана. Выглядел крыс и впрямь не особо впечатляюще, но красноречие свое не растерял.

— Парни! Стоп! Произошло досаднейшее недоразумение! Уверю вас, нам не из-за чего сражаться.

— Мы вовсе не демоны — мы самые обычные люди вроде вас...

— Ага, рассказывай! — хмыкнул боцман. — Ты себя в зеркале давно видел?

— Пусть вас не вводят в заблуждение внешние различия между нами! — проворковал Морган, прижимая лапки к груди. — Право слово, страшно становится при мысли, сколько бед принесла людям привычка судить друг о друге по внешности! Неужели вам самим не доводилось сталкиваться с такой несправедливостью? Взять хотя бы вас, дорогой дон Педро. Неужели не случалось так, что вы обращались к человеку с самыми безобидными намерениями, а он неправильно их истолковывал лишь потому, что у вас повязка на глазу и вместо правой руки — железный крюк?

— Ну... Да... — Боцман почесал в затылке. — Было дело — в одном порту хотел спросить у какого-то штафирки, где ближайшая таверна, а он сунул мне в руку кошелек и убежал. Но я не в претензии, сеньор, ни боже мой!

— А со мной тоже было! — торопливо сообщил тот самый трусливый матрос, что завизжал при виде Моргана. — Меня в порту, в Гамбурге, подстерегли трое каких-то бродяг, избили и ограбили!

—?..

— Ну они тоже по внешности судили! А на самом деле я уж какой отчаянный!

— М-да... — в замешательстве протянул Мордаун, но тут же взял себя в лапы: — Вот я об этом и говорю! Взять хотя бы вашего кока Намбу. Многие, взглянув на его внешность, испугались бы! А то и сказали бы: «Вот ужаснейший разбойник, а то и людоед!»

— Намба не разбойника! — обиделся негр. — Намба людоеда совсем давно! Только на Матухопе когда жил! С тех пор как капитан Намбу с Матухопе забрал, Намба не людоед ни разу!

Морган закрыл глаза и тихо, проникновенно выругался. Я уж было решил, что маг закатит своеобразную истерику, но тот неимоверным усилием воли сдержался и продолжил тем же ележным голосом:

— Неважно, друзья мои! Главное, что вы сами не раз могли убедиться, сколь пагубна бывает привычка судить о человеке по его внешности! Мы такие разные, но все мы живые разумные существа, а не демоны, все мы смеемся над шутками и плачем от огорчения; если нас ранить — из нас течет одинаково красная кровь...

— А вот это он зря... — успел я прокомментировать последний неудачный пассаж Моргана.

— Кровь, говоришь, течет? — Боцман деловито перехватил саблю. — Вперед, парни! Он сам признался, что их можно убить!

Дзиньнь!

Сабля, словно ожив на мгновение, вырвалась из руки боцмана и запрыгала по палубе. Матросы вновь подались назад, с бессильной злостью глядя на Николаса. За время вынужденного поста ярл успел прекратиться в настоящий скелет, обтянутый бледной, с прозеленью кожей. Но свои четырехствольные пистолеты он держал уверенно, тонкие, словно палки, руки не дрожали.

Николас обвел команду печальным взглядом и вздохнул:

— Я так и знал, что будут проблемы.

— Николас, слава богу! — Я еле удержался, чтобы не потереться боком о ногу ярла. — Я уж боялся, тебя смыло!

— Вообще-то меня действительно смыло. К счастью, не за борт, а в трюм. Люк был открыт, когда началось все это безобразие. Но несколько неприятных мгновений я пережил.

— Эй, приятель! Ты тоже из этой шайки демонов, но ты человек. Зачем ты им помогаешь?

— Вам это будет трудно понять. Потому просто имейте в виду — у меня еще семь зарядов в стволах. Лучше спуститесь в трюм и помогите вашему капитану.

— Кэп в трюме?

— Да. Его тоже туда смыло. Только он неудачно приземлился — на бочку с солониной. Мне его не удалось вытащить, очень уж тяжелый и весь изгваздался жиром — невозможно ухватиться. А сам он не вылезет, слишком пьян.

Недослушав Николаса, матросы бросились к трюму вытаскивать дон Хенаро, Пользуясь передышкой, я огляделся в поисках Андрэ и дон Альваро. Первый помощник, как человек образованный и здравомыслящий, нам бы сейчас очень пригодился — его авторитет у команды был даже выше, чем у вечно пьяного капитана. А за Андрэ я сильно беспокоился. Высоченный парень с комплекцией матерого быка обычно сразу бросается в глаза, но сейчас я его нигде не видел. Неужели короля смыло за борт? Бедолага ведь даже не умеет плавать! Я подбежал к борту, к другому, выглянул за корму — никого. Только Кривой Джимми бултыхался, намертво вцепившись в свисающий с кормы трос. Но этого пусть дон Хенаро сам вытаскивает.

Дона Альваро я обнаружил под обломками рей, спутанными вантами и прочим хламом, образовавшим изрядную кучу возле кормовой надстройки. Первый помощник был жив и даже в сознании, но толку от него было чуть — от пережитого шока он никого не узнавал и даже собственное имя назвать затруднялся. Зато дон Хенаро пребывал в обычном своем состоянии, то есть балансировал на тонкой грани между подпитием средней тяжести и полной невменяемостью. Я сделал вывод, что именно благодаря рому последние события никак не сказались на душевном равновесии капитана.

— Дон Хенаро, подтвердите хоть вы! Что подтвердить?

— Что мы не демоны! А то ваши матросы хотят нас убить...

— А вы не демоны? — подозрительно спросил капитан. — Признаюсь, выглядишь ты не очень. В штанах ты внушал гораздо больше доверия. Ну да это неважно! Эй, вы, чертовы бездельники! Вам что, остатки мозгов ветром выдуло? Кто посмел устраивать на моем корабле междоусобицу?

— Но, капитан! Они же демоны! — испуганно вякнул кто-то.

— А мне плевать! Сейчас они мои матросы. Как и вы. И я не позволю вам резать друг другу глотки из-за всякой ерунды!

— Капитан, но среди них ведьма! Она чуть не потопила корабль! И... — Боцман обвел растерянным взглядом окружающий разгром. — Может быть, лучше бы потопила. По крайней мере, пошли бы разом ко дну и не мучились. А теперь мы обречены — посреди океана, почти без парусов...

— Ну... Да, это, пожалуй, проблема, — вынужденно согласился дон Хенаро. — Но погоди панику поднимать. Мне надо подумать... Подать мне рому! Да, и команде — после такой переделки нам всем нужно успокоить нервы!

— Дон Хенаро, — обратилась к капитану Коллет, — у меня есть средство доставить корабль в Америку достаточно быстро даже в нынешнем его состоянии.

— Колдовством небось?

— Да. Теперь нет смысла скрывать, что я ведьма. Возможно, вас немного успокоит тот факт, что год назад королевой Гремзольда мне был пожалован титул придворного мага. Так что меня можно считать обычной государственной служащей.

— Принесло вас на мою голову, — сердито проворчал дон Хенаро. — Мы здесь все честные католики, не то что в вашем развращенном Гремзольде! Сами знаете, колдовство приравнивается к ереси, а за это можно и на костер угодить!

— Капитан, Испания от нас сейчас за много сотен миль. Что бы там ни говорили про

длинные руки инквизиции, сюда они точно не дотянутся. Придется вам отвечать перед судом инквизиции или нет — это еще очень большой вопрос. А вот если мы будем болтаться посреди океана без парусов, рано или поздно кончатся запасы воды. Вы лучше меня знаете, что нас тогда ждет, В крайнем случае вы всегда можете сказать, что просто не смогли меня остановить.

— Хорошо! — Впечатляющий глоток рома придал капитану решимости. — Действуйте, сеньора!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, *в которой повествуется о правах городка Сан-Текилло, имевших далеко идущие политические последствия*

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 30 июня 16... г. от Р. Х.*

Как доброму христианину, мне, наверное, следует считать магию делом богомерзким и предосудительным. Тем более что сам я от столкновений с магией имел исключительно неприятности и всякий ущерб. Но объективности ради следует признать — при помощи магии можно творить и удивительные дела на пользу людям!

Получив формальное согласие капитана, Коллет немедленно развернула бурную деятельность. Провозившись полдня с расчетами, она прошла по кораблю вырезая на мачтах и бортах какие-то символы, развешивая повсюду цветные веревочки и бубня заклинания. Впрочем, насчет заклинаний я не уверен. Возможно, она просто напевала себе под нос.

Стоило Коллет повязать последнюю веревочку на фок-мачту, как настороженно следившие за ее действиями моряки в восторге ахнули. Поломанные реи вновь стали целыми, как и порванные ураганом в клочья паруса. Натянулись ванты, заскрипел такелаж, и «Санта Вазелин» стремительно заскользил по волнам, хотя и был полный штиль.

— Чтоб мне век рома не видать! — выдохнул дон Хенаро. — Вот это я понимаю магия!

— Да, это очень сильное колдовство, — устало согласилась Коллет. — Прикажите матросам не трогать паруса и не пытаться взобраться на мачты. То, что было уничтожено ураганом, я восстановила, но оно ненастоящее. Это что-то вроде миража. Паруса держат магический ветер, но живой человек сквозь них провалится и может покалечиться,

— Эх, жаль! А я уж хотел было тебе предложить выгодное дело! Мы покупали бы по дешевке разбитые корабли, ты бы их чинила, и мы продавали бы их куда как дороже...

— Не выйдет, — разбила розовые мечты капитана — Стоит мне сойти на берег, как мираж развеется.

Капитан еще раз горестно вздохнул, видимо прощаясь с мечтами о скором обогащении, и уковылял в каюту. Немного пришедший в себя дон Альваро остался руководить на палубе — под его надзором корабельный плотник и парусный мастер ремонтировали то, что еще можно было спасти. К моменту, когда на горизонте показалась земля, оснастка «Санта Вазелина» была более-менее восстановлена, и в гавань корабль вошел уже на настоящих парусах.

Распрощавшись с доном Хенаро и доном Альваро, мы ступили на землю Сан-Текилло — самого большого города, построенного конкистадорами на побережье. Отсюда, если верить карте, до Нехренаско-дель-Пуло было около полутора тысяч миль по морю вдоль побережья, или вдвое меньше, если пройти напрямую через джунгли. С борта «Санта Вазелина» пресловутые джунгли выглядели приветливым ярко-зеленым ковром, обрамлявшим белеющий на солнце город. Но я тоже читал отчеты конкистадоров и знал, что сулит путнику эта веселая зелень. Даже если считать, что авторы отчетов изрядно преувеличили трудности (а я еще не встречал путешественника, который не любил бы приврать), попытка пройти напрямик через джунгли могла нам дорого обойтись. Путь по воде казался предпочтительнее, но, увы, в порту не нашлось ни одного корабля, идущего в нужную нам сторону. Хуже того, разговорив сонного таможенного офицера, небрежно

проверявшего сгружаемые с «Санта Вазелина» тюки, Коллет узнала, что корабля до Нехренаско-дель-Пуло можно ждать долго, может быть и несколько месяцев. Оставалось только идти через джунгли.

Что ж, делать нечего, Оседлав коней, мы покинули порт и направились в город.

Надо признать, Сан-Текилло произвел на меня двойственное впечатление. С одной стороны, он выгодно отличался от большинства европейских городов, в которых довелось мне побывать, более широкими улицами, чистыми стенами домов и патио, обилием зелени и каким-то общим умиротворенным солнечным настроением. Было в нем что-то от средиземноморских городов. С другой стороны, «самый большой город на побережье» был — по меркам Старого Света — совсем невелик и застроен по большей части одно- и двухэтажными домами. Самое высокое здание, колокольню при католической миссии, можно было свободно увидеть из любой точки Сан-Текилло. Туда мы и направились. Коллет вычитала в книгах о колонизации Нового Света, что католические миссии постоянно снаряжают проповедников, чтобы те несли свет Писания аборигенам. Это позволяло надеяться, что у миссионеров есть проводники, хорошо знающие эти места. Оставалось только как-то убедить святых отцов помочь нам добраться до Нехренаско-дель-Пуло.

Как вскоре выяснилось, это было совсем не просто.

— Дети мои, не скажу, что рад был бы вам помочь, дабы не осквернять уст своих ложью, но в любом случае это не в моих силах!

— Эй, святой отец! — Коллет уперла руки в бока и нахмурилась. — Я тебя правильно понял? Ты и не хотел бы нам помогать? В чем дело?

— Смирения тебе не хватает, сын мой, — сокрушенно покачал головой падре. Крючковатый нос и седые перышки волос вокруг тонзуры делали его похожим на старого, лысеющего попугая. — Я вовсе не имею ничего против вас. Наоборот, мое нежелание помогать вам продиктовано исключительно христианским милосердием!

— Что ты несешь, замухрышка? — Ступив на твердую землю, Николас быстро пришел в себя. Однако унижительное состояние, в котором он пребывал во время морского путешествия, не в лучшую сторону отразилось на его характере. — Христианское милосердие требует помогать страждущим, а не вешать им лапшу на уши!

— Вот и тебе, сын мой, не хватает смирения! — прокрипел священник. Он опасливо посмотрел на меня и втянул голову в плечи. — И даже котику вашему, по-моему, смирение несвойственно!

Лишившись во время урагана значительной части гардероба, я вынужден был отказаться и от камзола, который более не скрывал мою внешность, а лишь привлекал ко мне нежелательное внимание. Так что, покинув корабль, я дальше ехал свернувшись на тюках со снаряжением и изображая обычного кота. Но слова старикашки и сама его занудно-менторская речь меня так разозлили, что спина сама собой выгнулась, шерсть стала дыбом и выпущенные когти заскребли по дощатому полу. Учитывая мои размеры, неудивительно, что священник порядком перетрусил. Я посмотрел ему в глаза и плотоядно облизнулся.

— Успокойтесь, ради бога, — захныкал миссионер. — Я ничего обидного не имел в виду! Наоборот! Поймите же, эти проклятые джунгли слишком опасны! Мы уже давно перестали посылать своих миссионеров к местным племенам. Они все равно никогда не возвращались. И большинство из них даже не добралось до индейцев! Наступил на змею — мертвец, встретился с диким зверем — а здесь они на каждом шагу — мертвец, выпил воды из ручья — опять же мертвец. А тех, кто все же нашел какое-нибудь дикое племя и попытался его обратить в истинную веру, принимали в лучшем случае за безумцев. В худшем же — из-за белой кожи — за восставших из земли мертвецов. Со всеми вытекающими последствиями... Вот мы и перестали посылать людей на верную смерть.

— Проклятье, — проворчал я. — Но хоть подскажите где нам найти проводника.

В конце концов миссионера удалось вытащить из-под скамейки, но даже после обливания водой из фляжки он так и не пришел в себя.

— Конрад, он все время твердит только о каких-то демонах! — пожал плечами

Андрэ.— Может, он вообще энтот... ну как их... Демонолог? Давай оставим его, от греха подальше! А то еще кровь начнет из нас пить!

Коллет тяжело вздохнула:

— Ваше величество, не говорите ерунду, это обычный провинциальный священник. И перестаньте уже хлестать беднягу по щекам — от этой процедуры в вашем исполнении он еще долго в себя не придет.

— Поздно,— констатировал Николас, деловито обследован миссионера.— Кости целы, но сотрясение мозга вы ему, ваше величество, обеспечили.

—А?

— М-да... затрудняюсь даже объяснить вам, что это такое. В общем, в ближайшее время он нам вряд ли что-нибудь сможет рассказать.

— Но я же хотел ему помочь!

— Обычно так и бывает,— мрачно подтвердил ярл.— Не считите меня бессердечным ублюдком, но, по-моему, нам лучше всего будет скрыться, пока нас не застучали прямо над бездыханным телом. Боюсь, вам, ваше величество, трудно будет убедить местную стражу в добрых намерениях, с которыми вы изувечил местного падре.

—А?

— Иезус Мария, потом! Все разговоры потом! Мотаем отсюда!

Поздно! На пороге миссии растерянно застыл молодой монах:

— Эй! Вы что делаете?! Отец Хулио, что с вами!

— Это не то, что вы подумали! — попыталась его успокоить Коллет, но монашек успокаиваться не пожелал и с воплями выскочил на улицу: — Черт!

К сожалению, миссия располагалась рядом с центральной площадью, так что когда мы выбежали из дверей, на крики монаха уже собралось немало народу. В том числе и отряд стражи.

— Вот они! Я зашел, а они!.. А он!.. А отец Хулио на полу! Убийцы!

— Не мельтеши,— строго оборвал монаха командир отряда и выжидающе уставился на нас.— Ну и кто вы такие?

— Простые странники,— поспешила ответить Коллет.— Мы зашли в церковь после долгого плаванья...

— А, так вы та самая компания колдунов и демонов, что разнесли «Санта Вазелин»? Слухию вас уже разошлись по городу.— Стражник направил мушкет, на Андрэ, видимо из-за размеров сочтя его наиболее опасным противником. Остальные солдаты последовали примеру командира. — Что вы сделали с отцом Хулио? Отвечайте!

— Да ничего мы с ним не делали! — с самой искренней миной на лице воскликнула Коллет.— Мы мирно разговаривали, а потом он вдруг потерял сознание. Мы тут совершенно ни при чем.

— Вы врете! — опять влез монах.— Когда я вошел, этот тощий хлыщ держал отца Хулио за шею!

— Я же говорил, ваше величество,— пожал плечами Николас, пряча руки под плащ.— Всегда так искренне хочешь помочь, но твои действия трактуют совершенно превратно...

— Николас, перестань,— уголком рта прошипел я.— И ты, Коллет, успокойся. Мы не можем воевать с целым городом...

— Это еще почему? — хмыкнула Коллет.

— Запросто,— поддержал ее Николас. Эти двое хорошо спелись!

— Потому что вокруг джунгли,— прошептал я, изо всех сил делая вид, что просто вылизываю лапу.— И нам нужно найти проводника, а не устраивать побоище.

— И что же, ты предлагаешь нам просто сдаться?

— Будем считать это военной хитростью. Посидите немного в здешней каталажке, а я займусь поисками проводника. Этой ночью обещаю вас освободить.

— Интересно — как?

— Андрэ может подтвердить — я его как-то вытащил даже из дворцовой тюрьмы. И

Жак с Мордауном мне помогут.

— Жак?

— А вы и не заметили, что оба давно исчезли, причем с нашими лошадьми? Вот что значит воровская школа... В общем, действуйте как я сказал. Доверьтесь мне.

— Хорошо, мы сдаемся! — выкрикнула Коллет, демонстрируя открытые ладони. — Сдаемся и ждем от вас честного правосудия!

Николас последовал ее примеру. Глядя на них, Андрэ тоже выставил вперед свои «бревна», вызван в толпе восхищенные возгласы. Я же с самым независимым видом встал с земли и, отряхнувшись, потрусил в ближайший переулок. Как и ожидалось, на меня никто не обратил внимания, — видимо, слухи, дошедшие до стражников, были не слишком подробными.

Оставаясь незамеченным, я проследил, куда увели моих друзей, и вернулся к зданию церкви. Времени прошло немного, да и след восьми лошадей так просто не теряется. Следуя по нему, я вскоре вернулся назад, в порт, и остановился у небольшой портовой таверны. Заглянул на конюшню — убедился, что все наши лошади здесь. Значит, и Морган с Кошоном в таверне. Я подкрался к окну и заглянул внутрь.

— Они сразу поднялись в номер.

— Иезус Мария! Гай, не делай так больше! У меня чуть сердце не остановилось.

— По-моему, ты не рад меня видеть! — обвиняющим тоном проскрипел Транквилл.

— Рад, рад, успокойся, — проворчал я. — Просто у меня сейчас голова занята другим. Надо как-то найти проводника и освободить Коллет, Андрэ и Николаса

— Освободить?

— А ты не знал?

— Нет. Ко-ко-кошон выскочил из церкви через несколько минут, после того как вы туда вошли. Морган сказал, что ситуация осложняется и ты велел ждать их в таверне.

— Вот хитрая крыса! Впрочем, сегодня нам его хитрость сыграла на руку. А теперь мы обманом обманщика!

Прежде всего я вернулся в конюшню. Узнав, что Морган их обманул, Иголка виновато вздохнула.

— Все-таки он ведь бывший маг и придворный! Куда нам тягаться с его хитроумием? Простите, капитан!

Дестриэ восприняли известие более эмоционально.

— Бесчестный лжец! — гневно стукнул пудовым копытом в пол Максимилиан. — Обманом заставил нас сюзерена предать! Он лишил нас чести, и восстановить ее можно, лишь смыв позор кровью предателя.

— Максимилиан, мы его растопчем!

— Разотрем в пыль, Артур!

— Господа, господа, успокойтесь! Я полностью разделяю ваше праведное негодование! Но, к сожалению, Морган нам пока нужен. — Сам бы не поверил, что мне когда-нибудь придется защищать Мордауна! — Не стоит марать об него ваши копыта. Когда мы вернемся в Гремзольд, король предаст Моргана справедливому суду.

— Максимилиан? Как ты думаешь, это будет правильно?

— Это будет правильно, Артур. Король мудрее нас, ему более пристало решать такие Вопросы. Но на хвост мы предателю все-таки наступим.

— Обязательно, Максимилиан!

Я скептически посмотрел на копыта дестриэ, диаметром превышающие обеденную тарелку, и мысленно порадовался, что Морган редко спускается на землю, предпочитая карман Кошона.

— Что ж, тогда договоримся так. Сейчас я сниму с вас путы и оставлю с вами Гая Светония Транквилла. Ждите до ночи. Когда он заорет...

— Попрошу с большим уважением относиться к соратникам! — немедленно встрял петух. — Я не ору, я приветствую солнце!

— Хорошо! Когда он заорет, приветствуя солнце, Максимилиан, попрошу вас выбить дверь конюшни. После чего следуйте назад, к церкви. Я заметил, что забор вокруг нее образует с соседним патио глухой закоулок. Там мы и встретимся утром. Временно исполняющим обязанности командира отряда назначаю сержанта Иголку. Слушаться ее как меня!

— Есть, капитан!

Из конюшни я направился к таверне, забрался на карниз второго этажа и стал методически обследовать одну комнату за другой. К счастью, видимо, в силу жаркого климата в окнах таверны не было ни стекол, ни промасленной бумаги — только деревянные ставни. Сквозь большие щели в них можно было свободно рассмотреть, кто находится в комнате. Первые две оказались пустыми, в третьей двое купцов обсуждали какую-то сделку, а вот в четвертой обнаружились мои беглецы. Кошон спал, свернувшись на коврике у двери, а Морган сидел на кровати и о чем-то сосредоточенно думал. Я лишь мельком заглянул в щель и тут же перебрался на крышу, пока крыс не учуял моего запаха.

Теперь предстояло найти проводника.

Пообещав Коллет заняться этим самостоятельно, я как-то упустил из виду, что большая часть моего костюма осталась где-то в Атлантическом океане, а одного только камзола явно не хватало, чтобы достоверно замаскироваться под человека. Опыт же общения с отцом Хулио свидетельствовал, что и по эту сторону океана люди с предубеждением относятся к говорящим котам. Короче говоря, я смутно представлял, как мне искать проводника в нынешнем моем виде.

Но делать нечего. Придется рискнуть. Тем более что проводник рано или поздно узнает, что и я и Морган не совсем животные, так что пусть он этот шок переживет до того, как отряд окажется посреди джунглей.

Где следует искать проводника? Очевидно, там, где есть люди, которые нуждаются в его услугах. Кому может понадобиться путешествовать через джунгли? Миссионерам, конкистадорам и купцам. Как недавно выяснилось, миссионеров из этого списка можно было вычеркивать. Конкистадоров, пожалуй, тоже — эти парни предпочитают передвигаться небольшими армиями, которые собираются и готовятся подолгу, а я не заметил в городе празднующихся солдат. Оставались только купцы. А купцов

обычно можно найти на постоянных дворах и в тавернах. Например, в этой таверне. Надеюсь, Морган и Кошон спускаться в общий зал не планируют... Я прыгнул во двор и почти сразу обнаружил беспечно открытую заднюю дверь. Подлинному, заставленному всяким хламом коридору я проник на кухню, а оттуда и в саму таверну. Обстановка в зале, надо сказать, была более чем скромная. Роль столов исполняли пустые бочки, роль стульев — бочонки поменьше. Грубо беленные известкой стены давным-давно стали коричневыми от дыма множества трубок, которые смолили практически все посетители, даже некоторые женщины. Ах да! Я же на родине табака, здесь он должен быть гораздо дешевле, чем в Европе. Приближался вечер, и посетителей в таверне было много. Впрочем, за то недолгое время, что я провел в городе, у меня сложилось впечатление, что для местных жителей все время «вечер пятницы». Вовсяком случае, большинство сидевших за столами людей явно пришли сюда давно и никуда не торопились. Неспешно распивались запотевшие кувшины вина, поднимались к низкому потолку струйки дыма, так же неспешно и плавно текли разговоры. Даже испанская речь, обычно резкая и многословная, звучала здесь непривычно медленно.

— Ой! Кот! Вор-р! Брысь отсюда! Вор-р! Mamочка, спаси Р-робер-ртика! Р-робер-ртика сожр-рут!

Я поднял голову. На стойке на небольшом возвышении стояла клетка, внутри которой скакал с жердочки на жердочку небольшой пестрый попугайчик. Мое появление его явно шокировало, но на истошные вопли никто не обращал внимания, даже хозяйка таверны — дородная, типично испанская матрона с густыми, сросшимися на переносице бровями и вполне заметными усами. «Мамочка» полностью погрузилась в какие-то расчеты, время от

времени перекладывая монеты из одной стопки в другую и отвлекаясь лишь на то, чтобы стряхнуть пепел с огромной, толстой сигары. Вопли Робертика она напрочь игнорировала, чем я и поспешил воспользоваться.

— Да не надрывайся ты так,— со всем возможным дружелюбием сказал я попугаю. Впрочем, наверное, этого делать не стоило. При виде моих клыков он дернулся и оцепенело повис вверх ногами.— Эй, ты там жив? — Попугай нервно моргнул и что-то невнятно просипел.— Значит, жив. Да не бойся ты так, я тебя не трону. В тебе и мяса-то на один зуб. Так что не трепещи.

— Как я могу верить хищнику и убийце?

— Ну... а у тебя есть выбор? Можешь не верить. Я в общем-то на минуту всего заглянул. Если сможешь мне, уйду еще быстрее.

— Помочь? Тебе?

— Почему бы и нет? Ты же хочешь, чтобы я ушел? Вот! Надо помогать другим. Скажи-ка мне, кто из посетителей нанимается в проводники к купцам?

— В проводники?

— Ты какой-то туповатый для попугая,— вздохнул я.— Так и будешь переспрашивать все время? В проводники, да. Есть такие люди, которые помогают купцам добраться от одного города до другого через джунгли.

— Сам ты тупой! — возмущенно нахохлился попугай.— Я знаю, кто такие проводники! Просто удивился — зачем это нужно коту?

— Спрашиваю — значит нужно. Ну так кто?

— Ну... сейчас здесь только один такой человек. Вон он, в самом углу, под картинкой в раме. Его зовут Боливар.

— Спасибо, приятель. Видишь, я тебя не обманул — ухожу.

— Мексиканский койот тебе приятель!

Я не стал выяснять, кто такой койот, все мои мысли заняты были человеком по имени Боливар.

В сонной обстановке таверны мне показалось неуместным красться вдоль стен. Несolidно как-то. Потому я спокойно прошел через зал напрямик к бочке, за которой сидел проводник. Выглядел он довольно впечатляюще. Несмотря на европейскую одежду, Боливар явно или был индейцем, или как минимум индейской крови в нем было не меньше половины. Об этом свидетельствовали медного цвета кожа и черные волосы, стянутые на затылке в пучок, украшенный длинными перьями. Не особо высокого роста, вряд ли выше пяти с половиной футов, сложение индеец имел худощавое, но жилистое — при каждом движении под простой матросской рубахой перекачивались мышцы. Несколько мелких шрамов на лице и один довольно зловещего вида, уходящий от ключицы глубоко под расстегнутый ворот рубахи, отчетливо свидетельствовали — человек передо мной жизнью тертый, такой не завопит при виде говорящего кота!

Пока я разглядывал потенциального проводника, к моей досаде, на свободное место уселся высокий нервный парень, тоже индеец или метис. Тревожно оглядевшись, он негромко произнес:

— Ламы идут на север!

— Да пускай идут хоть к черту в зад,— равнодушно пробурчал Боливар, доливая в кружку вино.— Мне лично все равно.

— А... э-э-э... — растерянно проблеял парень.— Ламы... э-э-э...

— Слушай, приятель, тебе самому не смешно? Ты ко мне ходишь уже вторую неделю, неужели я за последние сутки так сильно изменился, что ты меня не узнаешь?

— Э-э-э... но правила...

— Блин! Как меня достали все эти ваши правила пароли секретности, — проворчал индеец, презрительно скривившись.— Ладно, ладно! Ламы идут на север, а попугаи летят на запад.

— Ты как-то несерьезно относишься к нашему общему делу!

— А как можно серьезно относиться к людям, придумывающим такие идиотские пароли? И нечего Ч меня глазами сверлить — затупятся. Давай сразу договоримся — это вовсе не «наше общее дело», я всего лишь наемник. Выполняю договор — и adios.

— Как ты можешь?! — горячо зашептал парень. — Твой народ стонет под пятой испанских захватчиков! Наши боги жаждут отмщения!

— Угу, стонет, — хмыкнул Боливар. — Такие, как ты, и стонут. А насчет богов... Знаешь, малыш, я ведь вырос в племени, И когда-то ведь был таким же, как ты. А потом пожил среди горожан и кое-что понял. Наши боги всегда жаждут одного — крови. Уж лучше испанцы с их слабым добрым богом, который хотя бы не требует от нас ложиться на алтарь, чтобы жрец мог вырезать сердце. И мне совершенно все равно, на кого спину гнуть — на жирного испанца губернатора или на не менее жирного вождя. На губернатора даже предпочтительнее — при нем яживу свободным человеком. А в племени до старости собирал бы маис на общем поле.

— Твои слова — слова предателя! — возмущенно выкрикнул парень, но тут же спохватился и перешел на шепот: — Тебе наплевать на нашу борьбу! Ты продался испанцам!

— Какие вы все одинаковые и скучные, борцы за свободу, — ничуть не обиделся Боливар. — Я о чем тебе вторую неделю твержу? Ваш главарь мне заплатил, я выполняю свою работу — и разбегаемся, довольные друг другом. Ничего личного, просто бизнес. Так что хватит меня агитировать, давай говорить о деле.

— Хорошо... Повозки прибыли, мы их спрятали в овраге у Кривого холма. Сможешь доставить товар туда?

— Смогу, конечно, — пожал плечами проводник. — С купцом я все обсудил, товар выкупил сам, за свои деньги, так что готовые означенную сумму.

— Договорились, — кивнул парень. — Ждем тебя, как только стемнеет.

Дождавшись, когда заговорщик отойдет подальше, я запрыгнул на опустевший бочонок и приятельски кивнул Боливару:

— Доброго вечера, сеньор Боливар.

— Хм... Как я и надеялся, индеец не стал от меня шарахаться и вопить. Хотя рука, в которой он держал кружку, явственно задрожала. — И тебе доброго вечера, дух.

— О нет, я вовсе не дух. И не демон. Ничего потустороннего. Просто результат одного неудачного колдовства, Раньше я был ландскнехтом — наемным солдатом. Сейчас вот... кот. Позвольте представиться — Густав Конрад Генрих Мария фон Котт.

— Боливар Дикий Мустанг. Можешь звать меня просто Боливаром, эти длинные говорящие имена — такой архаизм!

— Тогда зови меня просто Конрадом. Мой отец тоже считал длинные имена архаизмом, но вынужден был пойти на поводу у матушки.

— Смешно, да, — покивал индеец. — Тогда нарушим еще одну архаичную традицию и не станем беседовать о семьях, женах и видах на урожай. О чем ты хотел говорить со мной, Конрад-наемник?

— Мне сказали, ты иногда нанимаешься проводником к купцам, Мне и небольшому отряду нужно добраться до Нехренаско-дель-Пупо. А точнее, до одного индейского племени неподалеку от этого города.

— Извини, Конрад-наемник, но я уже нанялся, — развел руками Боливар. — Возможно, ты видел сидевшего со мной парня. Я должен проводить его отряд в соседний город. Это неделя пути туда и неделя обратно. Если хочешь — жди меня через две недели. Двоих зараз даже мне не вывести.

— Жаль, — искренне огорчился я. — Мы не можем ждать две недели. Не посоветуешь ли другого проводника?

— Обычно тут околачиваются два-три парня, зарабатывающих этим ремеслом. Но сегодня их что-то не видно. Через два квартала вверх по улице есть еще один кабак, попробуй удачи там.

— Жаль, — повторил я, спрыгивая с бочонка. — Ну что же, удачи тебе, Боливар.

— И тебе, Конрад.

Я выскользнул за дверь и потрусил вверх по улице. Кабак, о котором говорил Боливар, оказался именно там, где он и говорил,— в двух кварталах, ближе к центру города. Только переступив порог, я сообразил что не узнал у индейца хотя бы как выглядят проводники о которых он говорил. Он общался со мной как с обычным человеком, и как-то из головы вылетело что мне не стоит демонстрировать свою способность разговаривать. Я уже совсем, было, собрался повернуть назад и просить Болиvara поработать на меня хотя бы этот вечер — найти мне проводника, но тут заметил в кабаке знакомое лицо. Тот самый парень который приходил к Боливару, сидел за одним столом с испанцем в форме лейтенанта городской стражи. Более того, заговорщик вполне дружески разговаривал со стражником!

Я подкрался к их столику и наострил уши.

— ... Идешь на это. Непросто, знаете ли!

— Я сейчас расплачусь от умиления,— не скрывая иронии, процедил стражник.— Никто тебя не заставлял. Сам пришел.

— Так решил наш вождь! — вскинулся парень. — Это справедливо! Он предал свой народ, служит проклятым захватчикам и вообще любому, кто готов заплатить!

— И вы решили предать его,— покивал головой испанец.— Ты вообще не забывай, с кем говоришь. С тем самым «проклятым захватчиком». Так что можешь не тратить попусту слова. Если бы я не хотел за хватить этого Мустанга, в каталажку вполне мог бы отправиться ты. Просто если я возьму его с поличным на контрабанде оружия, то мне светит повышение. А за тебя разве что благодарность перед строем объявят. Вот и вся бухгалтерия, сынок...

Дослушивать разговор яне стал — и так все было ясно!

Выскачив из кабака, я во всю прыть помчался назад, в таверну. Увы, Болиvara там уже не было. След вывел меня к коновязи, там, судя по всему, индеец сел на лошадь и был таков. Гнаться за ним я не мог — кот не может догнать лошадь, да и сумерки уже опустились. Скорее всего, Боливар поскакал к своему дому — или где он там хранил перекупленное оружие,— а оттуда сразу отправится на встречу с заговорщиками. Навстречу с городской стражей. Увы, я был бессилен помочь ему.

Что ж, в конце концов, это не мое дело. Я оказался невольным свидетелем драмы, но это чужая драма. Мне же предстояло решать свои проблемы. И прежде всего освободить друзей. Правда, я так и не нашел проводника, но оставлять Коллет и Николаса в тюрьме еще на сутки было бы не по-товарищески. А если вспомнить об Андрэ и тюремной пище, то и просто опасно. Мне вовсе не хотелось отягощать свою совесть разрушенным городом.

С этими мыслями я вернулся на крышу таверны и там дождался первого крика Гая Светония Транквилла. С интересом понаблюдав за тем, как вылетела от мощного удара дверь конюшни и наши лошади не спешной трусцой направились в сторону церкви, Что же, пора! Я подцепил когтем крючок, запиравший изнутри ставни комнаты, которую сняли Мордаун и Кошон, и неслышной тенью проскользнул внутрь. Кошонспал у двери в той же позе. Морган растянулся на кровати во весь свой невеликий рост и забавно попискивал во сне. Умилительная картина! Я уселся кресло напротив кровати и негромко свистнул. Морган продолжал спать как ни в чем не бывало, а вот Жак мгновенно проснулся.

— Сон вора чуток и короток,— констатировал я, насмешливо разглядывая Кошона.— Не вздумай бросаться на меня с этим ножом. Во-первых, ты недостаточно ловок, чтобы поймать меня. Во-вторых, обстоятельства изменились и вы с Морганом у меня в лапах. Так что буди своего хозяина и поговорим как цивилизованные люди.

Жак некоторое время пытался испепелить меня взглядом, но, убедившись, что на меня его злость особого впечатления не производит, все же принялся будить Моргана. Дело это, как я уже знал, было трудоемкое и малоприятное.

— Отстань, Жак! Не желаю! Не желаю вставать! Что за хамство, в конце концов?! Имею я право хоть теперь-то выспаться по-человечески! Вот я тебя в лягушку превращу!

— Вставайте, хозяин, пожалуйста! Вставайте! Конрад тут!

— Кто? Какой еще Конрад? Тут?!

Мордаун взвился на кровати и привычным жестом выбросил вперед лапку. Естественно, безрезультатно — я почувствовал лишь легкое покалывание под шерстью.

— Очень мило. Почему-то мне кажется, что ты не рад меня видеть?

— Жак, чего стоишь? Хватай его! Задуши! Зарежь!

— Хозяин, но я его... он меня...

— Чего ты мнешься? Он же просто кот!

— Жак пытается тебе объяснить, что боится меня. Вообще-то он трус и боится всего на свете, о чем я тебе — если помнишь — говорил еще перед началом нашего увлекательного путешествия. В данном случае, впрочем, его трудно винить в том, что он трусит без всяких на то оснований. Он все-таки не Бык и вряд ли так легко со мною справится. Ну и наконец, ведь ты не думаешь, что я пришел сюда, не имея козыря в рукаве?

— Какой у тебя может быть козырь? — фыркнул Морган, но глазки его настороженно блеснули. — Все козыри у меня на руках! Твоих приятелей арестовали ты беспомощен!

— Не более беспомощен, чем ты. Большая часть наших денег осталась при Коллет. Их наверняка конфисковали, но сегодня утром я собираюсь их вернуть. И освободить Коллет, Андрэ и Николаса.

— Каким же образом? Возьмешь приступом местную тюрьму?

— А вот за этим я и пришел к тебе. Вернее — к Жаку. Ему придется поработать.

— С какой стати он будет работать на тебя?!

— Ну хотя бы с той, что вам вдвоем из Сан-Текилло не выбраться. Если ты рассчитывал на лошадей, которых так удачно одурачил и уговорил пойти с тобой, — зря. Можешь сбегать в конюшню и проверить — там их уже нет.

— Проклятье!

— Так что у тебя остался только Жак и немного карманных денег, Ни лошадей, ни снаряжения, ни-че-го! Ну что, будем договариваться?

— Будь ты проклят, Конрад! Это тебе даром не пройдет!

— Ой-ой-ой. Это я так испугался. Удовлетворен? Повторяю вопрос.

— Да! Чего ты хочешь?

— Мне в общем-то нужен Жак. Жак, ты ведь вор? Мы с тобой проберемся в местную тюрьму, ты взломаешь двери камер, в которых держат наш отряд, и мы сможем из этого города еще до рассвета.

— Вы хотите, чтобы я в тюрьму пошел? да вы с ума тут все посходили, вот что я вам скажу. Никуда я не пойду — ни с вами, ни без вас, а тем более в тюрьму! Ничего себе! Я, видите ли, должен сам, по своей воле лезть в тюрьму — камеры вскрывать, ха-ха! да хоть убейте, не пойду я.

— Заткнись, Жак! — устало проворчал Мордаун. — Ты что, не понимаешь? Он нас за горло держит...

— И ничего не за горло, хозяин! Ха, тоже скажете — за горло! Я сам вот его сейчас за горло... Ай-я-а-а!

— Руки не распускай, — доброжелательно посоветовал я зажимающему запястье Кошону. — А то в следующий раз могу и палец откусить. Или нос.

— Хозя-а-аин!

— Заткнись, дурень! В следующий раз будешь меня слушать! Сказано тебе — мы идем.

В сопровождении продолжающего хныкать Жака я вышел на улицу и поспешил к зданию тюрьмы. Днем мне беспрепятственно удалось осмотреть все закоулки и разобраться в системе охраны. Судя по этим наблюдениям, преступность в Сан-Текилло пребывала в таком же сонном состоянии, что и весь город. Правда, в тюрьме постоянно находился отряд стражи, но brave вояки просто загорали во дворе тюрьмы, потягивая охлажденное вино. Самые деятельные чинили амуницию или стирали одежду. Время от времени командиром стражников овладевало служебное рвение, тогда он ловил первого попавшегося на глаза подчиненного и посылал его проверить заключенных. Стражник более-менее быстро удалялся, бормоча под нос ругательства, проходил по коридору вдоль камер, даже не

заглядывая внутрь, и возвращался доложить, что все в порядке. Неси так службу тюремщики даже в благополучном Бублинге, заключенные давно разбежались бы, а в тюрьму наведывались бы только отдохнуть от мирской суеты. Но здесь, похоже, сама мысль о возможности куда-то бежать, пусть даже и на свободу, казалась людям дикой.

Как выяснилось, беспечность стражи распространялась и на ночное время. Ворота были заперты, и возле них даже присутствовал часовой. Сладко похрапывающий часовой, не проснувшийся, даже когда отпертая Жаком калитка неожиданно мерзко заскрипела в ночи. С минуту мы стояли в оцепенении, ожидая криков, топота бегущих ног, стрельбы и прочих возможных проявлений тревоги,— напрасно Благодетельную тишину южной ночи нарушал только треск цикад и мощный храп часового.

Не встретив больше ни души, мы добрались до приземистого куба тюрьмы, Жак долго возился с отмычками, потом вдруг тихо, выругался и толкнул дверь.

— Не заперто!

— Этого следовало ожидать,— проворчал я, раздумывая: а так ли уж нужен мне был нор?

Впрочем, оказалось, все-таки нужен. Двери камер были заперты, и — удивительно — на вполне современные замки. Сам бы я с такими не справился.

— Коллет! — тихо позвал я.— Николас!

Дозваться короля я даже не стал пробовать — если Андрэ спал, то его мог разбудить разве что выстрел из пушки прямо над ухом. А вот Коллет обладала прямо-таки кошачьим слухом.

— Конрад? Ты пришел?

— Ты разве сомневалась?

— Нет, но я боялась, что с тобой что-нибудь случится...

— Ну я все-таки не ребенок... Жак, чего стоишь? Открывай!

— Конечно, не ребенок. Но ты кот. И иногда забываешь об этом... — Выйдя из камеры, Коллет опустилась на колени и обняла меня: — Конрад! Больше никогда не послушаю тебя! Что мне только в голову не приходило за этот день!

— Это очень трогательно,— раздался из-за соседней двери унылый голос.— Но не могли бы вы уже выпустить меня и его величество? Здесь, видите ли, клопы...

Через несколько минут наш отряд вновь был в полном составе.

— Ну как, тебе удалось найти проводника?

— Э-э-э, видишь ли, Николас...

— Удалось, удалось,— раздался из камеры напротив в знакомый голос.— Конрад, дружище, выпусти и меня, что ли.

— Боливар? А ты что... Ах да! — вспомнил я.— Тебя же предал этот мальчишка, с которым ты разговаривал! Я хотел тебя предупредить, но опоздал — ты уже уехал.

— Надеюсь, мерзавец еще попадет мне в руки! — прорычал индеец.— Четыре ящика новеньких мушкетов! Целое состояние!

— Мне неприятно говорить это, но ты и сам виноват. Не следует недооценивать людей.

— Да знаю я,— махнул рукой Боливар.— Ладно, реку событий вспять не повернешь. Значит, ты говоришь, вам нужно в Нехренаско-дель-Пупо?

— Да, в те места. Возьмешься?

— А что мне остается делать? Деньги я потерял, из города нужно на время скрыться... Берусь.

— Отлично! — Я направился к выходу.

— Погоди-ка,— остановил Жака индеец.— Дай мне на минутку твои отмычки.

— Ты чего задумал?

— Небольшой сюрприз для коменданта,— усмехнулся Боливар, отпирая одну за другой двери камер,

— Бесполезно, друг мой,— прокомментировал я, направляясь к выходу.— В этом сонном царстве даже открытая дверь камеры не соблазнит их совершить побег.

— Пожар! — неожиданно завопил Боливар. — Горим! Тюрьма горит! Спасайтесь!

— О... нет...

Спас меня Андрэ. Как всегда, в опасной ситуации в нем проснулась обычно крепко спящая сообразительность. Увидев обезумевшую толпу, несущуюся к выходу, он подхватил меня, Коллет и Николаса на руки и нырнул в боковой проход. Часть беглецов устремилась за нами, но гигант мгновенно развил скорость хорошей скаковой лошади. Проход вывел не на улицу, а к лестнице, ведущей куда-то на верх. Не раздумывая ни мгновения, Андрэ поскакал вверх, перепрыгивая через ступеньки. Заключенные немного отстали, но, подгоняемые воплями «Пожар! Горим!», тоже довольно резво карабкались следом.

— Это же кабинет коменданта! — громко крикнула Коллет, указывая на одну из дверей. — Андрэ, давай туда!

Его величество одним ударом венценосной ноги высадил дверь и влетел в пустой кабинет.

— Отпусти-ка меня, — скомандовала ведьма.

— Что мы здесь забыли? — Я выглянул в окно. Заключенные носились по тюремному двору как обезумевшие мухи. Кое-где и в самом деле вспыхнул огонь. — Андрэ, держи дверь. Коллет?

— Сейчас... — Девушка прошла вдоль шкафов, водя перед собой руками. — Я не собираюсь оставлять коменданту наши вещи и деньги... Ага! Вот!

Как я уже говорил, за последнее время Коллет очень продвинулась в магии, в том числе — в искусстве метания молний. На этот раз молния была совсем маленькая, можно даже сказать — камерная. Она лишь разнесла в щепки шкаф и выломала дверцу спрятанного за ним сейфа. Ну и еще занялись портьеры. Николас первым бросился к пролому и прижал к груди свои пистолеты. Его длинное печальное лицо исказила пугающая гримаса счастья.

— Так... это вот наш кошель, так... — пробормотала Коллет, с хозяйским видом шуруя во внутренностях сейфа. — А это что? Расписки? В огонь! Ростовщичество — грех! А это... так, гм...

— Коллет, — попытался я урезонить девушку. — Мы не грабители!

— Это не грабеж! Это... мм... это компенсация! козел меня всю облапал, когда обыскивал! Аж камзол слюной перепачкал! Если бы не твоя просьба, я бы его в тот момент и поджарила, а так пришлось сдерживаться. Это ужасно сказалось на моей самооценке, так что теперь я нуждаюсь в положительных эмоциях, чтобы ее поднять... О! Алмазы! То, что нужно бедной девушке для поднятия самооценки!

— Ну все, все, уходим! — Живо разгорающиеся портьеры здорово тревожили меня. Во дворе к заключенным присоединились стражники. Так же бестолково мечущиеся. Некоторые — в исподнем. Где-то в глубине здания Боливар продолжал издавать свои апокалипсические вопли. В правом крыле тюрьмы что-то гулко ухнуло. — Коллет, надо бежать! Не хватало еще сгореть во время грабежа! Семь поколений благородных предков не простят мне такого позора!

— Ладно, ладно, только ради твоих предков! — Коллет с сожалением посмотрела на раздувшуюся сумку, в которую больше ничего не помещалось. — Эх, столько добра пропадает!

Андрэ распахнул дверь, но лестницу уже охватил огонь. Николас вскарабкался на подоконник.

— Здесь всего второй этаж! Прыгайте за мной!

Коллет ловко скользнула следом, для меня второй этаж вообще ничего не значил, следом тяжело рухнул Андрэ, вызван маленькое землетрясение.

— А, вот и вы! — жизнерадостно воскликнул Боливар, появляясь откуда-то из темноты. — А я уж начал беспокоиться.

В руках индеец сжимал армейский палаш, из-за спины выглядывало дуло мушкета.

В глубине здания вновь что-то ухнуло, на этот раз стена не выдержала и обвалилась, выпуская наружу клубы кисло пахнущего белого дыма.

— Это... это...

— Это пороховые бочки рванули,— договорил за меня Боливар.— Я раздал заключенным — которые не поддались панике — оружие. А потом подпалил арсенал.

— Кажется, мы ввязались в революцию,— вздохнул Николас.— Если мы попадемся, нас повесят как государственных преступников. А Испания обвинит Гремзольд в происках против ее американских колоний и объявит войну. Так что даже если мы как-то выкрутимся и вернемся, Анне придется нас повесить, потому что войну с Испанией ей не осилить.

— Перестань,— ухмыльнулся Боливар.— Ты просто совсем не знаешь эту страну. Здесь каждый месяц революция. Город с неделю бунтует, а потом на три недели погружается в сон — до какого-нибудь нового восстания. Мы сейчас уйдем в джунгли, а когда вернемся, о вас уже давно все забудут.

Вооруженные повстанцы между тем отловили и е вязали стражников — справедливости ради надо отметить, что те особо и не сопротивлялись,— и отправились в центр города. Видимо, брать власть в свои руки.

— Эх, будь я лет на десять помоложе,— завистливо вздохнул Боливар, провожая их взглядом.— Но в моем возрасте заниматься политикой просто неприлично.

— Очень хорошо, — буркнул я.— Мы, конечно, за справедливость и все такое, Я так вообще испанцев недолблюю — слишком они заносчивые! Но сейчас мне ну совсем не до революций. Пошли, Иголка там, наверное, извелась вся...

— Даму заставлять ждать нельзя,— серьезно закивал головой Боливар.— Э-э-э, я разве что-то смешное сказал?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой повествуется о переходе через джунгли,
дикарях и преображении Моргана в Суа Кири,
впрочем не имевшем никаких далеко идущих последствий*

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 12 июля 16... г. от Р. X*

Я всегда считал, что путешественники, описывая свои приключения, привирают в обязательном порядке — кто-то больше, кто-то меньше. Ну согласитесь, как можно серьезно относиться к рассказам о людях с песьими головами или странах, где солнце и с светит по несколько месяцев? Обычно в таких воспоминаниях авторы преувеличивают выпавшие на их долю испытания. Но есть категория описаний, в которых трудности не преувеличены, а сильно преуменьшены. Ибо язык человеческий недостаточно богат, чтобы отразить реальность, когда речь идет о путешествии через джунгли.

Джунгли оказались адом пострашнее даже, чем я ожидал, основываясь на книгах. То ли у конкистадоров, бравшихся за перо, не хватило таланта описать эти места достоверно, то ли они справедливо решили, что им все равно никто не поверит, но даже самые кошмарные описания переходов через этот взбесившийся огород страдали явным преуменьшением. Впрочем, возможно, все дело было в моих обостренных кошачьих чувствах. Больше всего, разумеется, страдало обоняние. Уж не знаю, почему так, но большая часть цветов здесь — о, надо признать вполне великолепных внешне! — пахла просто ужасно. В лучшем случае как выгребная яма, в худшем — как долго лежавший на солнце кусок мяса. Увы, если людям достаточно было не подходить к таким цветам слишком близко, я чуял убийственный «аромат» за несколько миль. Впрочем, и остальные растения словно соревновались между собой в насыщенности издаваемого запаха. Примерно на третий день пути мой нос безбожно распух и отзывался на любой новый запах как на укол иголкой, а глаза постоянно слезились.

Это было даже хорошо, потому что вторым жестоким испытанием была яркость окружающего леса. Художники лгут! Природе совершенно незнакома гармония. Впрочем, возможно, это потому, что наши Художники никогда не были в джунглях и не видели, как на ядовито-зеленых стволах колышутся карминно-красные или, хуже того, фиолетовые цветы,

разрыва мозг невозможными сочетаниями.

Но самым жестоким испытанием стала душная, влажная жара. Я недаром назвал джунгли «взбесившимся огородом»! Конечно, настоящие деревья здесь тоже были — из доброй твердой древесины, покрытые жесткой сухой корой. Но поверх все они

были покрыты влажным сочным мхом, их обвивали толстые зеленые лианы, готовые при любом порезе обдать фонтаном густого, остро пахнущего сока. Под ногами прогибался и тоже источал влагу ковер. Это был не лес, а именно огород — со свежей и удушливо пахнущей зеленью. В сочетании с жарой эффект создавался совершенно невыносимый. Моя шерсть была постоянно влажной, что безумно раздражало.

Людям тоже приходилось несладко. Ехать верхом из-за густого переплетения лиан почти нигде не удавалось — шли пешком, ведя лошадей в поводу. Впереди прорубал дорогу Андрэ, время от времени к нему присоединялись Боливар и Николас. Коллет тоже попыталась было расчищать дорогу молниями, но те оказались почти бессильны против влажных растений. Даже когда ведьма полностью вымоталась, ей удалось прожечь коридор всего в несколько десятков ярдов, да еще пришлось ждать, пока рассеется удушливый пар. После этого эксперимента Коллет попросили беречь силы, тем более что Андрэ, казалось, не знал усталости — вооружившись двумя тяжелыми тесаками, которые Боливар назвал «мачете», гигант без устали рубил лианы целыми днями, прерываясь только на завтрак, обед и ужин. А также на полдник, пятичасовой чай и небольшой перекус перед сном. Впрочем, на это грех было жаловаться — ел его величество, конечно, за десятерых, но и работал... ну за пятерых — точно.

Самым удивительным открытием для меня стало то, что, как оказалось, мы шли по «проторенной тропе». Когда Боливар это сказал, я решил, что это такой особый индейский юмор. Но наш проводник вовсе не склонен был шутить. На ближайшем же привале он показал нам почти заросшее костровище — «Здесь кто-то проходил месяц назад!» — и пеньки от срубленных деревьев.

— А что вы хотели? Это джунгли. Если мы сейчас повернем назад, ближе к Сан-Текилло нам вновь придется прорубать себе путь. А напрямик через не тронутый лес мы, пожалуй, и год продирались бы!

— Замечательно,— просипел Мордаун. Жара и духота мучили его немногим меньше, чем меня, и крыс безвольно свисал, наполовину вывалившись из кармана Жака.— У нас есть все шансы бродить в поисках этого племени всю оставшуюся жизнь...

Ябы и рад вам помочь, но мое племя из других мест, У нас, конечно, тоже есть тотемы, и жрецы любят поговорить о силе, которую им дают духи, но сам , я ни разу не видел этим словам подтверждения. По мне, так все они бездельники, неплохо устроившие в жизни благодаря хорошо подвешенному языку.

— Надеюсь, ты ошибаешься. Иначе вся наша экспедиция окажется пустой затеей.

— Поживем — увидим. Я знаю пару племен, обосновавшихся в тех местах еще до того, как сюда приплыли первые викинги. Попытаемся узнать что-нибудь там.

На десятый день мы добрались наконец до города. Нехренаско-дель-Пупо оказался еще меньше, чем Сан-Текилло. Можно было бы добавить — и «еще более сонный», но это, пожалуй, было просто невозможно.

Мы провели в городе двое суток — пополнили запасы продовольствия и выспались на настоящих кроватях с относительно свежим бельем. Кроме того, у местного сапожника заказали пару сапог, а у портного — два комплекта повседневной одежды — для меня. За это время Боливар попытался узнать, чем закончилась революция в Сан-Текилло, но мы сами оказались источником свежих новостей.

Осторожно обходя вопрос о нашей причастности к событиям, мы но несколько раз за день вынуждены были рассказывать, как начался бунт, что происходило ночью на площади перед тюрьмой, и традиционно разводить руками в ответ на вопрос «Что же было дальше?». Общественность была приятно шокирована новостями. На фоне однообразных будней такие события и впрямь несли некий аромат свежести. В городе мгновенно возникло несколько

организаций в поддержку революции и примерно столько же в защиту существующего уклада. Первые стали называть себя «текиллянцы», а вторые соответственно «антитекиллянцы». Деятельность обеих партий заключалась в «политических дебатах» совместном распитии вина в ближайшем кабаке, сопровождающихся невнятными обвинениями в адрес друг друга и выкрикиванием политических лозунгов.

— Надо отправляться дальше,— проворчал наблюдающий за дебатами второй вечер подряд Боливар.— А то мы опять окажемся в центре революционного движения.

В подтверждение его слов дебаты традиционно переросли в потасовку.

К счастью, сапоги для меня были уже готовы. В тот же вечер доставили и панталоны с чулками. Больше нас в Нехренаско-дель-Пуло ничто не держало, так что решено было выступить завтра же утром.

В правильности этого решения мы еще успели убедиться. Ночью «текиллянцы» все-таки перешли от слов к делу и попытались взять штурмом ратушу. «Антитекиллянцы» при поддержке городской стражи штурм отбили. Отчаявшись победить превосходящие силы, повстанцы применили творение одного местного изобретателя, в силу неуместного стремления ко всякому прогрессу присоединившегося к партии революции. Навозная бомба оказалась воистину безжалостным оружием массового поражения. И при этом совершенно неразборчивым.

Так что утро мы встречали вместе со всем населением города на окружающих его холмах. Оставив жителей дожидаться, пока с улиц выветрится запах свободы, наш отряд углубился в джунгли. Дорогу все еще приходилось расчищать, но по сравнению с тем, как мы добирались до Нехренаско-дель-Пуло, это была просто-таки торная тропа! Местами даже удавалось ехать на лошадях. По словам Боливара, до ближайшего поселения индейцев племени базука, где он рассчитывал получить хоть какую-то информацию о шаманах-оборотнях, добираться предстояло дня три. Так и вышло. К концу третьего дня тропа расширилась, постепенно превращаясь во вполне приличную дорогу. Вскоре обнаружился и первый дорожный указатель, правда несколько озадачивший нас. Столб представлял собою весьма тонкой резьбы скульптуру, изображав статую гротескно-уродливого человека, попирающего ногами некое странное существо, напоминавшее одновременно свинью и таксу. На голове человек держал крылатый череп с рогами. Венчала столб доска с надписью латиницей El Dorado и стрелкой, указывающей куда-то в сторону от деревни.

— И что это значит? — выразил общее недоумение Морган.

— А по-моему, смысл очевиден,— произнесла Коллет.— В той стороне находится легендарное El Dorado, но тем, кто отправится на его поиски, грозит крылатая смерть. Я права?

— Ну... почти,— хмыкнул Боливар.— На самом деле здесь мы видим изображение конкистадора видите, он верхом на лошади...

— Это лошадь?!

— Тихо, Иголка. Художник так видит мир... Извини, Боливар, продолжай, пожалуйста.

— Так вот, это конкистадор на лошади, а голову его оседлал злой дух Тупотрираза. Этот дух известен тем, что одержимы им человек не понимает, что ему говорят, если не повторить это три раза.

— Гм... И как же этот ребус тогда расшифровывается?

— Тупые испанцы в третий раз повторяем — El Dorado в той стороне. Примерно так. Вообще, это старая история. Когда-то давным-давно, когда конкистадоры только высадились в этих местах, какая-то сволочь пустила слух, что у индейцев навалом золота, мы ему якобы даже цену не знаем и чуть ли не дороги золотыми самородками мостим. Не знаю, кто как, но я, например, цену золоту знаю прекрасно, а вот дорог в нашей деревне никогда не мостили. Не то что золотом, а в принципе. Но испанцы же упорные! Каждая экспедиция начиналась с деревни базука — конкистадоры обязательно заявлялись туда и требовали отдать золото за какие-то дурацкие стеклянные бусы и зеркала. Базука и впрямь цену золоту не знаю — они его сроду в глаза не видели. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, как они живут.

Но конкистадоры все равно продолжали приходить, отрывали базука от дел, вытапывали поля, вот старейшины и придумали хитрость. Был среди них один мастер складно врать — его в молодости даже частенько поколачивали за всякие выдумки. Ну а когда состарился, стал в племени почетным сказителем. Вот ему и поручили заморочить испанцам головы. Сказитель этот подумал-подумал, да и сочинил сказку о Золотой Стране. Когда в очередной раз в деревню явились испанцы, он рассказал им, будто бы в джунглях на западе есть большая страна с настоящими городами, стены которых покрыты плитами из золота, а жители настолько богаты, что уже просто выбрасывают золотые слитки в озеро. Так и появилась легенда об El Dorado.

— И как, помогло?

— Вообще-то не очень. Теперь каждый новый отряд конкистадоров является к базука узнать дорогу к El Dorado. Базука уже и столб этот поставили — все без толку.

— Это плохо, — вздохнул Николас. — Если их так достали незваные гости, то они и нас пошлют... искать El Dorado.

Боливар пожал плечами:

— Будем надеяться на лучшее. Ну а если я прогонят, тут неподалеку еще одна деревня есть — племени тугриков, попробуем что-нибудь узнать там, Их испанцы меньше достали, так что не прогонят.

— А почему бы тогда сразу к ним не направиться, если они более дружелюбны к путешественникам?

— Дело в том, что они ничего за просто так не делают, только за плату. И у них это очень хорошо получается — редкий странник покинет их племя раньше, чем они выманят у него все подчистую, Честно говоря, даже я опасаясь к ним соваться. Так что давайте сначала попытаем счастья у базука.

Доводы Боливар показались мне убедительными, и наш отряд тронулся дальше — по следам многочисленных отрядов конкистадоров. Вскоре тропа превратилась в хорошо протоптанную дорожку, потом джунгли разом отступили, и мы поехали дальше между зеленеющими полями. Росло на них что-то странное, что я не смог опознать, — высокие, похожие на палки стебли, увенчанные чем-то вроде длинных шишек. Больше всего они походили на посох церемониймейстера, и, не расти они на явно окультуренных полях, мне бы и в голову не пришло, что это что-то полезное. Кое-где из сплошных зарослей «посохов» торчали головы в широкополых шляпах из соломы. Головы поворачивались нам вслед и смотрели, как мне показалось, с неодобрением.

— Ничего, — ободрил нас Боливар. — Когда мы объясним, что Золотая Страна нас не интересуется, они изменят свое отношение к нам.

Как выяснилось всего через несколько минут, наш мудрый проводник тоже мог ошибаться. Не успел наш отряд въехать в деревню, как навстречу выскочил довольно бодрый старикашка и сердито завопил что-то на ломаном испанском языке. Боливар попытался объяснить, что мы не испанцы и ищем вовсе не Золотую Страну, но едва не получил по голове костью.

— Моя все равно, что ты искать! — Старейшина гневно сверкнул глазами. — Тупые туристы! С наш земли уходить! Дома сиди!

— Но мы вовсе не туристы! — попыталась вразумить старца Коллет. — Мы же не со скуки так далеко забрались! У нас настоящая беда, а вам ничего не стоит нам помочь!

— Мальчишка молчать! Ус не отрос вперед всех говорить! — окончательно взбесился старик. — Уходить! Уходить!

— О боги, что за шум? — простонал Мордаун, высовываясь из своего убежища. — Как же мне дурно!

На старейшину появление крыса произвело неожиданное действие. На мгновение он застыл, вытаращив глаза, а потом рухнул на колени, истово забил лбом о землю и завопил на всю деревню:

— Суа Кири! Суа Кири!

— Чего это с дедушкой? — с сочувствием спросил Андрэ. — Переволновался? Ой! А с этими-то что?! Чего это они все?

Между тем в дорожной пыли валялось уже, наверное, все взрослое население деревни. Боливар прислушался к восторженным воплям индейцев и хмыкнул:

— Нам повезло. Они приняли тебя за Божественную Крысу.

— Не смей... О-о-о-о, как же мне плохо! Жак, ты обязан придумать что-то, чтобы меня так не укачивало! Что ты сказал? Божественную Крысу?.. Хм... Интересная у них религия, однако...

— Да ничего особо интересного. У нас тут в каждом племени богов больше, чем жителей. Ты, кстати, не молчи, давай демонстрируй свою божественную волю.

— Э-э-э, в каком смысле?

— Ну скажи им для начала встать.

— Зачем это? Мне так больше нравится!

— Морган, не зарывайся, — прошептала Коллет, подбираясь поближе к Кошону. — Новоявленным богам лучше для начала зарекомендовать себя милостивыми.

— Это кто тебе сказал? — надменно фыркнул Морган. — Люди уважают только силу. Раздай им тысячу золотых, и они потребуют еще. И будут смеяться над тобой, пропивая золото в кабаках, Прикажи повесить каждого десятого, и тебе будут строить храмы и слагать оды в твою честь. Ты меня слушай — я в большой политике успел покрутиться!

— Суа Кири! — проблеял старейшина, не поднимая головы. — Пакрипа собо...

— Что он говорит?

— Спрашивает, не угодно ли Божественной Крысе принять их скромное угощение. — Боливар повернулся к старейшине. — Угодно. И говори на испанском — Суа Кири угодно, чтобы ее друзья понимали разговор.

— Ее?

— Заткнись! В их верованиях Божественная Крыса бывает только женского пола. Так что веди себя соответственно!

— Откуда мне знать, как себя ведут крысы женского пола? Ты что обо мне подумал?

— Ничего я о тебе не думал, просто не вылезай из кармана целиком!

В сопровождении восторженной толпы наш отряд проследовал в хижину, где, как пояснил Боливар, обычно собирался совет старейшин племени, Жака с греющим в лучах славы Мордауном усадили во главе стола, по правую руку от него сел Боливар, чтобы при необходимости переводить е наречия племени на испанский. Слева от бывшего мага усадили Андрэ, произведшего своей комплекцией фурор среди поголовно шуплых и низкорослых жителей деревни. Собственно, стола, как такового, не было, блюда с угощением расставили прямо на полу, застеленном тростниковой циновкой. Вокруг расселись старейшины и самые уважаемые люди деревни. С двери в хижину убрали занавеску, чтобы остальные индейцы могли видеть свою «богиню».

— А мне, пожалуй, тут нравится! — довольно разглагольствовал Морган, наблюдая за почтительной суетой вокруг. — Конечно, люди здесь простоваты, им не хватает цивилизованности, зато сразу видят мою высокородную сущность и умеют воздать ей причитающиеся почести!

— Ну так и оставайся здесь. Сбудется твоя мечта о неограниченной власти...

— Конрад, перефразируя древних, лучше быть последним среди людей, чем первым среди крыс. А еще лучше — быть первым среди людей.

Тут индейцы загомонили особенно сильно, и Боливар прошипел уголком рта:

— Морган, съешь уже что-нибудь! Все ждут тебя — иначе праздник не может начаться.

— Я не могу! Меня все еще тошнит... — Маг посмотрел на блюда с едой. — Ой, теперь меня тошнит еще сильнее!

Яприсмотрелся к угощению и испытал схожие чувства. В принципе мне было известно, что у аборигенов нет предрассудков относительно еды, но... Если без натуралистических подробностей, то у большинства поданных «деликатесов» при жизни ног было гораздо

больше четырех.

— Не капризничай,— буркнул проводник.— Если ты откажешься от угощения, они могут заподозрить, что ты самозванец. Боги себя так не ведут. Тогда я нам не завидую.

— Проклятье... Вот оно — бремя бога! Жак, дай мне... ну вот это жареное крылышко, что ли.

— Вообще-то это не крылышко,— прошептал Боливар, дождавшись, когда крыс под одобрительные возгласы индейцев вонзил зубы во что-то напоминающее крыло цыпленка.— Это хвост игуаны... Но ты кушай, кушай — твои почитатели смотрят на тебя.

— Ненавижу... — прошипел Морган, усердно изображая удовольствие от еды.

— Вы, кстати, тоже не привередничайте,— кивнул нам Боливар, отправляя в рот пригоршню чего-то непонятного.— А то могут подумать, что вы духи мертвых, прикинувшиеся людьми.

Я взял в лапы единственное, что не внушало подозрений,— хлебную лепешку и наложил на нее что-то напоминающее жареную кашу.

— Надеюсь, это не муравьиные яйца? — жалобно спросил я нашего гида.

— Ну что ты! — хмыкнул индеец.— Такого деликатеса в бедной деревне, разумеется, нет. Это всего лишь маис...

— Господи, благодарю тебя! — выдохнул я, откусывая от лепешки.

— ... жаренный на змеином жире,— продолжил Боливар

— Это терпимо,— хмыкнул я.— Лягушек мне в бытность мою ландскнехтом доводилось есть. А чем змеи хуже лягушек?

— Конрад, прекрати — простонала сидящая напротив Коллет.— Прекрати немедленно, если не хочешь, чтобы я упала в обморок прямо здесь.

— Да ладно тебе. Бери пример с Андрэ.

— А? — Гигант оторвался от блюда, которое только что опустошил, и теперь увлеченно вылизывал.— Да, славная у них тут кормежка! Вот бы во дворце так кормили!

Я представил себе Анну перед блюдом с жареной саранчой, издал слегка истеричный смешок и одним глотком опустошил кружку, в которую заботливая рука индейца подлила что-то пахнущее травой. Это был не чай!

— Что... это... было?... — просипел я, пытаюсь удержать съеденное и выпитое в себе. Не то чтобы мне так уж понравился маис, просто не хотелось обижать хозяев.

— Это? — Боливар понюхал тыквенную бутылку.— А! Это тек-тек! Растет тут такая полезная травка. Ее собирают и настаивают на сапкуа... ну на кукурузном пиве — испанцы называют его чича. Ты смотри в следующий раз, что пьешь.

— А ты знаешь... — Я прислушался к своим ощущениям. Вставшая было дыбом шерсть улеглась, и вообще на меня снизошло какое-то благодатное умиротворение.— А мне понравилось! Ну-ка налей мне еще!

— Ты уверен? Эта настойка вообще-то сильная штука. Ею раньше опаивали жертв, чтобы те не дергались и не срывали ритуал.

— Но меня же не принесут в жертву? — захихикал я. Почему-то идея показалась мне безумно смешной. Я опустошил еще кружку тек-тек, и мне захотелось рассказать всем присутствующим, какие они отличные люди и как я их всех люблю, но тут слово взял старейшина:

— Суа Кири! Ты слышать наши молитва! Ты приходить моя беда! Помочь мне — спасибо! Вечно твой сибин теба!

— Э-э-э... — растерянно проблеял Морган.— Чего? Какой еще сибин?

— Сибин теба — что-то вроде вашего европейского понятия «вассал»,— пояснил Боливар и стремительно защелкал и затрещал на местном наречии. Вождь ответил ему не менее быстрой трелью. Лицо проводника приняло странное выражение — похоже, он не знал, смеяться ему или плакать.

— Морган... как бы это помягче сказать... ну в общем, от тебя ждут проявления божественной силы.

— Чего?

— Ну тебя ведь приняли за Суа Кири — Божественную Крысу. А боги должны творить чудеса.

— И чего они хотят? Объясни им, я сейчас не в форме... Или лучше скажи так: моя сила столь велика, что даже малейшее ее проявление сотрет с лица их деревню. Потому я не буду ее демонстрировать — чтобы их пощадить.

— Боюсь, все не так просто.

— А что не так? Обычно это срабатывало.

— Понимаешь, у Суа Кири особая сила. В легендах говорится, что раньше женщины базука не умели рожать. Когда приходило их время, они шли к инкам и те разрезали им живот каменным ножом. Потому базука было так мало и они подчинялись инкам. Но однажды к беременной женщине базука пришла Сау Кири и научила ее рожать. С тех пор, собственно, базука и почитают Сау Кири.

— Понятно,— проворчал Морган.— Что-то у меня нехорошее предчувствие...

— Извини,— развел руками Боливар.— Я же не знал. Оказывается, у старейшины внучка никак не может родить. Уже вторые сутки мучается. Вот они и решили, что Суа Кири пришла, чтобы помочь.

—Я? Но...

— Так чего же этот старый хрыч раньше молчал? — оборвала крыса Коллет.— Она там страдает, а мы тут пируем! Совсем с ума спятили!

— Обычаи такие,— пожал плечами индеец.— Бога сначала надо умиловить, а потом уж просить о чем-то.

— Но я не повивальная бабка! — вклинился Морган.— И вообще, как они представляют себе крысу, помогающую при родах?

— Ну... откуда я знаю? В легендах на таких мелочах, знаешь ли, внимания не заостряют!

— Хватит болтать! — скомандовала Коллет.— Николас, быстро к лошадям, достань чистое полотно, в моей седельной сумке должно быть. Там же возьми маленькую зеленую коробку. Андрэ, хватит жевать! Найди самый большой котел, помой и вскипяти в нем воду. И еще в маленьком котле воды тоже вскипяти — чтобы не ждать. Понял?.. Ну действуй...

Вождь что-то зачирикал, размахивая руками.

— Чего он хочет?

— Он говорит, что его внучке должна помогать Суа Кири, а не какой-то мальчишка.

— Идиот... Скажи ему, что Божественная Крыса и помогла — привела в деревню опытного знахаря.

— Боюсь, для него такая логическая цепочка будет слишком сложной. Дикари же...

— Ладно,— мгновенно приняла решение Коллет.— Скажи, что я помощница этой... Кири. Мы пойдем в хижину вместе, а всех местных из нее выгони. Скажи — никто не должен видеть, как Божественная Крыса колдует.

— А меня кто-нибудь спросил? — возмущенно пискнул Морган.— С чего это я буду помогать каким-то грязным дикарям? Я, между прочим, злой колдун!

— Морган...

— Нет, ну правда! Я вам, конечно, помогаю — но под принуждением! И мне по статусу не положено...

— Морган!

— Ладно, ладно. Но я предупреждаю — я не буду на *это* смотреть. Я... боюсь.

— договорились! — хлопнула в ладоши Коллет и стремительно выскочила из хижины.

Последовавшие за этим два часа были самыми тягостными в моей жизни. Вот ведь странно — эта индейская девчонка мне была совершенно чужой. И думать мне полагалось совсем о других вещах. И старейшина этот мне был неприятен...

— Те-тек! Пить!

— Ну наливай! — кивнул я.— Да ты не трясись! Лучше Коллет с этим никто не

справится!

— Не трястись,— послушно закивал старейшина, трясущейся рукой разливая тек-тек.— Суа Кири внучка спасти.

— Угу. И Суа Кири тоже, конечно. Ну давай!

Циновка на входе сдвинулась, и в хижину на подгибающихся от усталости ногах вошла Коллет. Следом Николас втащил пребывающего в полуобморочном состоянии Жака. Сам ярл тоже был изрядно бледен, но на ногах держался.

— Ну? — Яиспуганно посмотрел на Коллет.— Что случилось? Что с ними такое?

— Мужики! — презрительно фыркнула ведьма.— Хорошо, что рожать приходится не вам — род людской давно вымер бы. Эй,старик, поздравляю — у твоей внучки тройня... О! И этот сознание потерял. От радости, наверное... Ну-ка налейте мне этой местной отравы!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой повествуется о легендарном Золотом Городе
и поединке со змеей, имевшем далеко идущие последствия
для благородного Конрада фон Котта и мага Мордауна*

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 30 июля 16...г. от Р.Х.*

Иногда мы спонтанно совершаем поступки, которые, будь у нас хоть какое-то время на размышление, не совершили бы никогда. И, что удивительнее всего, обычно поступаем в этот момент правильно, хотя правильность поступка может стать очевидной для нас только через какое-то время. Следует ли считать это рукою Провидения или проявлением таинственной интуиции, живущей в нас,— не знаю, Но если что-то вопреки здравому смыслу упорно побуждает меня поступить именно так, а не иначе, я всегда следую этому зову... Впрочем, может, и зря.

Очнулся я оттого, что земля подо мною ходила ходуном.

— Иезус Мария...

— Жив,— удовлетворенно проскрипел кто-то.— алко-ко-голик!

— Гай...

— Он самый,— довольно прокудахтал Транквилл.— Надо же, узнал! Ты тело чувствуешь?

— Да... к сожалению...

— Ну значит, жить будешь,— хохотнул петух.— Этот индеец объяснил, что если перебрать тек-тек, то может и паралич разбить. А ты выпил несколько кувшинов. Сначала на пару со старейшиной, а потом вы еще обмывали пополнение племени. Ты вырубился и два дня был без сознания. Мы боялись, что ты уже не оклемаешься. Чего ты бормочешь?

— Земля... громче повторил я.— Земля почему трясется?

— Это не земля, капитан,— раздался другой знакомый голос.— Это я.

— Иголка?

— Так точно, капитан! Когда стало ясно, что вы в себя никак не желаете приходить, решили ехать дальше. А вас посадили в одну из седельных сумок и привязали ремнем — чтобы не вывалились... Да вы глаза-то откройте!

— Не хочу,— подумав, решил я.— Ничего хорошего я все равно не увижу.

— Ах ты хомяк-переросток! Значит, я, по-твоему, «ничего хорошего»?!

— Коллет... я же не то имел в виду,— простонал я, заставляя все же глаза открыться.— Иезус Мария!

— Ага! Пробирает? — довольно ухмыльнулась Коллет, помогая мне выбраться из седельной сумки.

— Где это... что это...

— Ты вовремя очнулся. Я хотела, чтобы ты сам ЭТОувидел. Своими глазами.

— Это легендарное El Dorado,— сообщил, нагоняя Иголку, индеец.— Не так уж

сложно оказалось его найти.

В моей жизни было не так уж и много моментов, когда я терял дар речи под впечатлением от какого-нибудь грандиозного зрелища. Хватит пальцев на одной руке, чтобы пересчитать. И пожалуй, даже Софийский собор не поразил мое воображение так, как развалины Золотого Города.

Да, увы — развалины.

Такое было первое ощущение. Отчетливая мысль, что здесь давно никто не живет. Город мертв уже многие годы, пожалуй что и столетия. Здания не успели разрушиться, да, наверное, они могли бы простоять и тысячи лет — гигантские уступчатые пирамиды, массивные кубы, все из мощных блоков камня, наводивших на мысли о неведомых гигантах, что построили этот величественный город, Джунгли уже заняли брошенный город, но осмелились заслат в него только авангард — лианы, оплетающие дома и пирамиды, пробивающаяся сквозь плиты зелень, кое-где отдельные молодые деревья, ноне более того.

Утренний туман окутывал вершины пирамид, они казались темными силуэтами на фоне светлеющего неба и оттого еще более огромными, почти давящими... И повсюду было золото. Тусклые желтые плиты с надписями, барельефы на стенах домов и пирамид, украшения на столбах ворот и крышах. Его было так много, что сознание отказывалось воспринимать его как драгоценный металл.

Но ты же сам говорил, что Золотая Страна — выдумка!

— Та Золотая Страна, которую до сих пор ищут наиболее упрямые конкистадоры, и есть выдумка,— кивнул Боливар.— Но она возникла не на пустом месте. Такие города строили могущественные племена инков, ацтеков, майя. Их еще можно найти в джунглях, хотя сами племена давно исчезли. Иногда на такой заброшенный город случайно набредает кто-нибудь — индеец или европеец — и потом разносит слухи об увиденном чуде. Разумеется, приукрашенные. Так произошло и с базука. Когда их старейшина рассказывал о Золотом Городе, он вспоминал эти улицы и эти пирамиды потому-то его рассказ и звучал так достоверно.

— Но почему же испанцы никак не могут его найти?

— Почему не могут? Могут. И находили не раз. Здесь побывали почти все экспедиции, что высаживались на побережье в этих местах. Сначала они шли к базука, от них — сюда. Именно этот город убеждал конкистадоров, что рассказы про El Dorado правдивы и, если продолжить путь, впереди ждут настоящие богатства.

— Настоящие? А это...

— А это всего лишь тумбага,— усмехнулся Боливар.— Сейчас мы уже не помним, как работать с металлом. Мы покупаем железные инструменты и оружие у белых. Но наши предки были искусными кузнецами. Они как-то умели смешивать медь и немного золота так, что сплав выглядел как настоящее золото. Когда конкистадоры видят тумбага, у них загораются глаза от жадности. Они стараются, потеют, смеются как сумасшедшие, кричат и ругаются, отдирая со стены плиту, думают, что у них в руках — целое состояние. Потом очень смешно смотреть на их лица, когда они понимают, что это — тумбага. Очень забавно!

— Да-а-а, пожалуй.— Я подумал, что от такого разочарования и рехнуться недолго. — А мы-то зачем сюда заехали?

— По пути. Я подумал, что ночевать удобнее будет в одном из заброшенных домов. Шаман, помнящий, как обращаться в зверя, обитает где-то в долине за этими развалинами.

— Это базука сказали, куда нам ехать? — встрепенулся я.

Коллет довольно хмыкнула:

— Еще бы! После того как мы спасли внучку вождя, они готовы были для нас что угодно сделать, Особенно для Суа Кири!

— Сколько еще можно муссировать эту тему! — подал голос Морган.— Больше поговорить не о чем?

— Базука очень хотели, чтобы Божественная Крыса осталась в их племени,— с комичной серьезностью объяснил Боливар недовольство Моргана. — Они даже предлагали

ей в женихи самого красивого и сильного охотника племени. Но Суа Кири почему-то отказалась от подобной награды.

— Смейтесь, смейтесь,— обиженно проворчал крыс.— Что еще ждать от плебеев! Я не удивлен, что юмор этого дикаря находит отклик у грубого солдафона и у тупого лодочника, Но в тебе, Коллет, я разочаровался! Недаром про твоего отца говорили, что он был из низкого сословия!

— Оставь его,— равнодушно махнула рукой Коллет. Николас с явной неохотой убрал пистолет, мгновение назад смотревший в брюхо крысы.— Меня подобные намеки перестали задевать лет в десять. Может быть, мой отец и был простолюдином, зато я добилась нынешнего положения своими силами, а не благодаря происхождению. Кстати, Морган, в этом мы с тобой очень похожи — своего *нынешнего* положения ты тоже добился сам.

Крысз злобно запыхтел и надулся, видимо придумывая убийственный ответ.

С Морганом надо было что-то делать. Учítывая, что поиски наши подходили к концу, решение проблемы откладывать было больше нельзя. Вообще-то эти мысли не оставляли меня с того момента, как мы покинули Бублинг. Самым простым, конечно, было, придушить его по тихому в одну из темных ночей. Понятно, такой поступок вряд ли можно назвать достойным потомка благородного рода фон Котт. Но иногда приходится жертвовать принципами — например, ради спасения друзей. Я был почти уверен, что как только Мордаун вернет себе человеческий облик, а с ним и магическую силу, он постарается уничтожить нас. И первый удар будет направлен, разумеется, против Коллет — ведь она единственный маг в нашем отряде.

— Конрад, я против,— тихо произнесла Коллет,

— Что? Ты о чем?

— Не надо ничего предпринимать. Я сильнее Моргана. И он это прекрасно понимает.

— Ты что, мысли мои читаешь?

— Конрад... — рассмеялась девушка,— Чтобы понять, о чем ты думаешь, не нужно читать мысли. После каждой выходки Моргана невооруженным глазом видно, как тырываешься между своими понятиями о чести и долге. У тебя уши 1 голове прижимаются, и ты выпускаешь когти. Ты совершенно зря беспокоишься — Морган мне не противник, так что не трогай его.

— Хорошо,— выдохнул я, чувствуя, как с плеч сваливается часть груза.

— А что у тебя за мысли такие, что ты испугался, если я их прочту? — невинно поинтересовалась Коллет.

— Иезус Мария! Вот же.., ведьма! — буркнул я, нахлобучивая поглубже шляпу.

Золотой Город оказался гораздо больше Сан-Текилло, не говоря уже о Нехренаскодель-Пуно. Нашему отряду понадобился почти целый день, чтобы достигнуть его западной окраины. По чести сказать, мы не особо гнали лошадей — древние развалины, поросшие лианами, действовали завораживающе. Хотелось неторопливо исследовать каждый закоулок, посмотреть, что внутри тех огромных зданий, забраться на вершину пирамиды... Я дал себе слово, что, когда верну человеческое тело, обязательно загляну в El Dorado на обратном пути и проведу тут несколько дней. Но сейчас нужно было думать о более насущных проблемах.

Добравшись до западной стены, мы уже совсем было приготовились вновь погрузиться в зеленый ад джунглей, но за воротами нам вдруг открылась самая настоящая пустыня. Песок, из которого кое-где выглядывала сухая глиняная корка красного цвета да редкие островки чахлой зелени.

— Шаман живет отшельником где-то вон в тех горах,— указал на виднеющиеся у горизонта пики Боливар.— Во всяком случае, так было лет двадцать назад, когда нынешний старейшина базака искал заблудившегося буйвола и забрел в те места.

— Старейшина на меня сразу произвел впечатление человека не совсем адекватного,— мрачно произнес Николас, утирая пот.— С какой целью буйвол попрется в это раскаленное пекло? Он же не человек. По-моему, базака нам соврал.

— Но зачем бы ему врать? — развел руками Боливар. Он был нам благодарен и

искренне хотел как-то помочь.

— Да кто здесь станет жить по своей воле?!

— Вообще, если выбирать между джунглями и пустыней я бы тоже выбрал пустыню.

— Мог бы жить в городе,— неожиданно поддержал сомнения ярла Морган,— Город давным-давно заброшен, селись хоть во дворце короля, или кто у и их тут правил. Скорее всего, он так и сделал, а старейшин просто что-то перепутал! Я предлагаю сначала обыскать город.

— Не думаю,— возразил индеец.— Он вполне ясно сказал — шел через El Dorado, потом через пустыню и в предгорьях встретил шамана, Вообще, шаманы не любят селиться в городах. Оно и понятно — трудно говорить с духами, когда вокруг то и дело шастают всякие проходимцы.

— Так город давным-давно заброшен!

— Что для шамана пара столетий? К тому же сюда повадились конкистадоры, а им в руки лучше не попадаться.

Этот аргумент уже мне показался сомнительным.

— Если он действительно умеет превращаться в зверя, что ему конкистадоры — перекинулся волком и сбежал в джунгли. Да еще и паре врагов горло перегрыз!

— Ты не поверишь, Конрад,— вмешалась Коллет,— но чем могущественнее маг, тем больше он начинает ценить жизнь во всех ее проявлениях!

— Ты права,— подумав, согласился я.— Не поверю. То-то ты чуть корабль не потопила лишь за то, что твою грудь называли плоской... А! Вот видишь, опять у тебя пар из ноздрей и молнии в волосах! Не очень-то ты ценишь жизнь в моем проявлении!

— Конр-р-рад! Мы с тобой после поговорим!

— Капитан,— подала голос Иголка,— вы зря спорите. Принюхайтесь! Даже нам, лошадям, понятно, что в городе нет ни души.

— Полностью согласен с леди,— галантно фыркнул Максимилиан.— А я, скажу без ложной скромности, всегда отличался прекрасным чутьем.

— Решено! — скомандовал я.— Отправляемся дальше. Постараемся проехать сколько сможем — солнце уже к закату клонится, скоро станет попрохладнее. Когда совсем стемнеет, разобьем лагерь.

По правде говоря, я смутно представлял себе особенности путешествия через пустыню. Ранее мне доводилось бывать только в каменистых пустошах Южной Испании, но с пустыней их роднила разве что такая же невыносимая жара. Мои надежды на то, что с заходом солнца станет легче, не оправдались — жар еще долго поднимался от раскаленного за день песка. Уже давно стемнело, мы и лагерь успели разбить, а ожидаемая ночная свежесть все не приходила.

— Не знаю,— пожал плечами Боливар.— Я раньше в пустыни не забирался. Не было необходимости. Может, тут и всю ночь так будет.

Выслушав такой «утешительный» ответ, мы не стали забираться в палатки и расположились прямо на песке вокруг костра. Хотя я и вымотался за день, из-за духоты сон не шел, мне было слышно, как ворочаются мои спутники, переступают ногами кони,

что-то тихо ворчит, уткнувшись клювом в перья, Транквилл.

Я уже почти совсем было заснул, когда послышался еле уловимый шелест и к костру выползла змея. Изящно изогнувшись, она приподняла маленькую граненую головку и стала задумчиво разглядывать моих спутников равнодушно поблескивающими бусинками глаз.

— Здесь для тебя нет добычи,— негромко, чтобы никого не разбудить, произнес я.

— С-с-сама вижу. Все с-с-слиш-ш-шжом больш-ш-шие.

— Тогда зачем приползла?

— Интерес-с-сно... — неопределенно прошипела змея.

До своего превращения я — думаю, как и большинство людей — был уверен, что змеи издают звуки ртом, как и все твари земные. Но сейчас мои уши отчетливо говорили — моя собеседница разговаривает, слегка извиваясь и заставляя чешуйки скрипеть о песок. Из-за

этого было очень сложно понять, какие чувства на самом деле испытывает змея.

— Я с-с-следила за вами о с-с-самых больш-ш-ших камней...

— От развалин? Далекий же путь ты проделала из пустого любопытства.

— Пус-с-стого? Не с-с-совс-с-сем...

— Так чего тебе надо?

— С-с-с вами едет Суа Кири. Не отпирайся — я с-с-слыш-ш-шала, о чем вы говорили.

— Ты не поняла...

— Конечно, что-то я не поняла. Но достаточно, чтобы знать — С-с-суа Кири едет с-с-с вами.

— Ну и зачем тебе Суа Кири?

— Я с-с-съем Божественную Кры-с-с-су. Разве этого мало?

— В развалинах полно крыс!

— Но это обычные крыс-с-сы. Ты не понима-еш-шь... Убить и с-с-съесть Бога — такой ш-ш-шанс может выпас-с-сть раз в жизни!

— Иезус Мария, да вы с Морганом созданы друг' для друга!

— Кто такой Морган?

— Да неважно... — Я задумался. Кажется, решение проблемы с Мордауном само пришло... гм... приползло в мои лапы. Мне даже не придется совершать бесчестный поступок... ну почти не придется. Это, в общем, не должно меня особо волновать — жизнь ландскнехта несколько отличается от жизни придворного кавалера. Когда ежедневно приходится стараться изо всех сил, чтобы выжить, честь волей-неволей становится весьма гибкой. Это пижон, для которого меч — всего лишь символ дворянства, может позволить себе рассуждать о чести и бесчестье, старый солдат вроде меня должен думать о том, как победить...

— Проваливай.

— Почему? Ты же ненавидишь его?

— Проваливай, я сказал!

— А-а-а, я поняла! Ты хочеш-ш-шь сам его с-с-съесть!

— Думай что хочешь. У тебя есть возможность убратся живой.

— Не думаю. Тебе с-с-со мной не с-с-справитсь-с-ся!

Я порадовался, что из-за жары весь день ехал в одних панталонах и на ночь, разумеется, одеваться не стал, так что моих движений ничто не стесняло. Эх, давненько я не разминал кости в хорошей схватке!

«Конрад, ты дурак!» — мелькнуло в голове, но я отмел (ту мысль как мешающую сосредоточению).

Змея была не самым легким противником, но я был уверен в себе. Мне не раз доводилось видеть, как обычные деревенские кошки охотились на змей и всегда выходили победителями в схватке. Я закружил вокруг змеи, делая обманные выпады, что ничуть не сложнее, чем поединок на мечах. Даже проще — человек способен на хитрость, а вот змея, несмотря на ее библейский образ, оказалась простодушной и даже, пожалуй, туповатой.

— А, черт!

Лапу пронзила острая боль. В голове мелькнула глупая мысль — вспомнился один француз, притворявшийся неумехой, впервые севшим за карточный стол. Он тогда обобрал меня до исподнего... змея оказалась не менее опасным противником. Но менее осторожным — клыки завязли в густой шерсти на моей лапе, и она не успела отдернуть голову. В следующий момент я перекусил ее шею. Вкус крови взбодрил было меня... но в следующее мгновение я уже повалился на песок. Перед глазами все плыло, последнее, что я увидел, — Моргана, наполовину высунувшегося из кармана и с интересом наблюдавшего за мной.

Лапа не то чтобы болела. Ощущение было скорее такое, словно я отморозил ее. Коллет сделала все, что было в ее силах, — спасла меня, заперла яд в лапе и выпустила большую его часть, отворив мне кровь. Теперь оставалось только ждать, пока остатки яда распадутся сами собой. Неприятно, но терпимо.

Гораздо сильнее боли в лапе меня беспокоило другое обстоятельство.

— Морган, какого дьявола?! — выбрав подходящий момент, когда рядом с нами никого не было ну кроме Жака, разумеется, — спросил я мага о том, что меня мучило.

— Что, не ожидал? — хмыкнул крыс. — А может, я перевоспитался, глядя на вас, таких правильных и благородных?

— Это будет последнее, во что я поверю!

— Ну... ты, пожалуй, прав. — Морган казался возу ценным, — Я слышал весь твой разговор со змеей, но если скажу, что спас тебя из благодарности, — это будет ложь. Ты, например, можешь мне объяснить, с чего вдруг стал меня защищать? Вот и я не понимаю, с чего бросился будить Коллет. Но тебе проще — у тебя же принципы, честь и прочая благородная шелуха в голове — можешь на это списать. А мои принципы требуют уничтожить врага любой ценой. Да еще и сплясать на его могиле. Так что остается грешить на временное помутнение рассудка.

— Хорошая мысль! — фыркнул я. — Буду считать, что у меня тоже рассудок помутился!

— Жалкий подражатель! У тебя нечему мутиться — у тебя в голове сплошная кость.

— А у тебя... у тебя... сыр! Рокфор! Вонючий и с плесенью!

— Конрад... в следующий раз пощады не жди!

— Не надейся, что я буду в следующий раз спасать твою хвостатую задницу!

Презрительно фыркнув напоследок, я поскакал в авангард отряда, чувствуя себя значительно лучше. Все-таки нет ничего, что действовало бы на меня так благотворно, как ясность в отношениях.

Мое умиротворенное настроение развеял восхищенный вопль Андрэ:

— Ух ты! Вот это огурчики!

Сонливость мгновенно слетела с меня, поскольку взяться посреди пустыни огурцам было явно неоткуда. А значит... Впрочем, оглядевшись, я понял, что его величество не сошел с ума. Во всяком случае, не больше, чем всегда. Конечно, никаких огурцов не было. Из песка торчало нечто отдаленно напоминавшее их формой и цветом — длинные мясистые стебли, к тому же покрытые колючками. Но для его величества даже такого отдаленного сходства было достаточно — огурцы, и все тут!

— Андрэ, стой! А вдруг это отравя!

— Да ладно вам, капитан! Ой! — Андрэ удивленно потряс рукой. — Колется! Не, у нас маленькие огурчики тоже колючие бывают, но не настолько же! Видать, у них тут совсем жизнь тяжелая!

Король отсек половину зеленого стебля, несколькими уверенными взмахами мачете очистил его от кожуры и колючек и откусил.

— Не-а... — пробубнил он с набитым ртом через мгновение. — Совсем на огурец не похоже... Но ничего так! Кислый, как яблоко-дичок:

— Не стоило его величеству есть кактус, — негромко сказал Боливар, подъезжая. — Конечно, это моя вина, откуда вам знать...

— Это яд?... Андрэ, выплюнь немедленно! — А?

— Ну-у-у не то чтобы яд. Но за ним придется приглядывать — чтобы не натворил чего. Некоторое время он будет несколько... гм... странно себя вести.

— А! Понимаю! Это что-то вроде алкоголя? Тогда нет причин для беспокойства. Андрэ, даже когда выпьет, не буянит — просто заваливается спать.

— Пейотль отличается от алкоголя... Впрочем, сами сейчас увидите.

— Да вы не беспокойтесь, капитан! Это безопасно. Я полностью себя контролирую.

Я повернулся к Андрэ. Что-то в словах гиганта меня встревожило:

— Андрэ, ты как-то странно говоришь!

— Да я и чувствую себя как-то странно! — признался король. — На этот счет у меня есть предположение. Видимо, естественные соки этого растения, которое наш проводник называет кактусом, содержат некие элементы, благотворно сказывающиеся на движении

соков в организме человека. Под этим воздействием движение соков в организме человека убыстряется, о чем можно судить по тому, что я гораздо отчетливее все вижу, слышу и осязаю...

— Андрэ, ты меня пугаешь! Прекрати!

— Да не беспокойтесь вы так, капитан! Это ничуть не опасно. Хотя и странно. У меня такое ощущение, что я знаю все на свете...

— Да ты что? Вот прям-таки и все? — съехидничал Мордаун.

— Все, — безмятежно произнес Андрэ, глядя куда-то в небо. — Абсолютно.

Похоже, именно эта спокойная уверенность взбесила Моргана, потому что он сжал лапку в кулак. Я крикнул:

— Ну-ка, мудрейший из мудрых, скажи, что у меня в руке.

— Ничего, — с прежней безмятежностью ответил Андрэ.

Мордаун с мгновение тараторил на него, потом, не тратя слов, набросился на остатки кактуса.

— Ох, не стоило бы Суа Кири так делать! — Боли-вар поскреб в затылке. — Такому большому и... э-э-э... медленно думающему человеку, как его величество, небольшое увеличение ума не повредит. А вот господина крысу как бы не разорвало от избытка мудрости!

— Не смей называть меня крысой! — рявкнул Мордаун, разбрызгивая зеленые от сока кактуса слюны. — Я не крыса! Я не крыса! Я не... но я и не человек. И вообще, что такое человек? Двуногое без перьев? Так это Платон просто никогда не видел обезьян. Две ноги, две руки, туловище и голова еще не делают человека человеком. С другой стороны, если человеку отрубить ноги, перестанет ли он быть человеком? Очевидно, нет. И если отрубить руки — тоже. А если отрубить тело?

— Очевидно, да, — мрачно передразнил мага Николас — Если человеку отрубить тело, он, несомненно, перестанет быть человеком и станет трупом.

— Это несущественно, — отмахнулся Мордаун. — Ясно же, что человек определяется не наличием тела. Кто я? Набор мышц, костей и телесных жидкостей? Вряд ли, ведь таковы все живые существа. Я маг? Отчасти, но только отчасти. Вот сейчас я совсем лишен магической силы и даже заключен в иное тело, но я все равно я. Заглядывая в себя и рассматривая придирчиво те сущности, кои принято мною же самым считать собою, я говорю: это не я! И это тоже не я... и это... и это...

Постепенно бормотание крыса стихло, и он застыл с остекленевшим взглядом. Андрэ бережно взял крысу на руки и проникновенно сказал:

— Да, друг Морган, именно так! Нелепо отжествлять себя с иллюзиями, которые порождает наше сознание.

— Иезус Мария! — Я растерянно наблюдал, как Андрэ баюкает на своей лопатообразной ладони разомлевшего крысу. — Никогда не думал, что увижу такое!

— Не желаешь тоже отведать чудесного кактуса? — хмыкнула Коллет. — Глядишь, тоже достигнешь мудрости!

— Не-не-не, — замахал я руками. — Эта магия мне совсем не нравится! Надо уходить из этой коварной пустыни!

— Мысль здравая, но как уговорить Андрэ идти дальше? Нам его тащить не под силу.

— Ну это как раз не проблема! Иголка, подойди, пожалуйста, поближе к королю... Андрэ! У подножия той горы будет привал и горячий ужин!

Андрэ начал было что-то витиевато отвечать, но вдруг замолчал, сунул Моргана в руки Кошону и деловито зашагал по направлению к горам.

— Вот видишь! — торжествующе подмигнул я Коллет. — Ум умом, а Андрэ остается Андрэ!

До самых предгорий наш отряд двигался без единой задержки, и я уже начал было присматривать место для ночлега, когда навстречу нам высыпала толпа вооруженных, пронзительно вопящих индейцев. Коллет взвизгнула, зажмурилась и густо покраснела. Да и

мне, признаться, стало неловко — из одежды на индейцах имели место только перья, да и то на голове. Однако ситуация для проявления благовоспитанности была слишком опасной. Гикая и вереща, дикари мгновенно облепили трусившего впереди Андрэ и, прежде чем гигант понял, что происходит, скрутили его. Николас выхватил было пистолеты, но замешкался — слишком много было вокруг целей.

Положение, как ни странно, спас Транквилл.

Благополучно продремавший всю дорогу между ушей Иголки, от воплей дикарей он проснулся, забил крыльями и заорал во всю глотку. Обалдевшая от такой неожиданности Иголка взвилась на дыбы и дико заржала. Меня словно катапультой выбросило из седла, и не вцепись я машинально в луку когтями, забросило бы назад, в Золотой Город. Мой возмущенный вопль присоединился к какофонии.

Индейцы на мгновение застыли, глядя на орущее в три глотки чудище, и как один пали ниц, подвывая от ужаса.

— Опять? — не сдержался Николас. — Теперь чью-нибудь внучку придется спасать Божественной Лошади?

— А почему не Божественному Петуху? — возмутился Транквилл, но по понятным причинам на него не обратили внимания.

— Вряд ли, — рассудительно возразил Боливар. — Они, похоже, лошадей в первый раз видят. И петухов. Так что среди их богов наверняка нет подходящих.

— Это хорошо.

— Скорее всего, они приняли вас за демона.

— Здорово! — обрадовался петух. Выпятив грудь, он снова забил крыльями и закукарекал. Дикари попытались еще глубже вжаться в песок.

— Перестань, Гай Светоний. А то еще вздумают проверить, на самом ли деле ты демон, пустят стрелу — и готово жаркое.

— Ну вот! Вечно ты мне все удовольствие портишь своими намеками!

Я обернулся к Боливару:

— Попробуй с ними поговорить.

Проводник кивнул, выехал вперед и заговорил на языке, уже знакомом мне по деревне базука. Несколько украшенных перьями голов поднялось, но, судя по пустым взглядам, смысла слов они не понимали. Боливар повторил свою речь на другом языке. С тем же результатом. Перепробовал еще несколько, но добился только того, что дикари перестали вжиматься в землю, а расселись перед ним на корточках и встречали дружным улюлюканьем окончание каждой речи. Наконец Боливар произнес несколько гортанных, отрывистых слов, сопровождая каждое обильной жестикуляцией. Дикари загомонили, и самый «оперенный» из них ответил серией таких же отрывистых слов и жестов.

— Уф-ф-ф! — выдохнул Боливар, утирая пот. — Вот уж воистину языковой барьер!

— Ты знаешь этот язык?

— Ну... это как бы не совсем язык, — замялся Боливар. — То есть его иногда называют исконным языком, на котором говорили боги, когда сошли на землю. Но, я думаю, индейцы набрались этих слов от викингов, когда те нашли эти земли.

— То-то мне некоторые слова показались смутно знакомыми, — задумчиво произнес Николас. — Но в целом это совсем непохоже на наши северные языки.

— Я же говорю, это лишь отдельные слова. Тут очень важна интонация и соответствующие жесты, поскольку одно слово может иметь много совершенно разных значений.

— И что ты им сказал? — поинтересовалась Кол-лет, не открывая глаз.

— Э-э-э... видите ли, благородная сеньорита, это очень образный язык, сильно привязанный к примитивным культам, бытующим среди местных дикарей.

— Так что ты им сказал? Хватит мямлить!

— Ну... Это можно перевести примерно так, что великие демоны желают следовать

дальше, а всем препятствующим этому следует немедленно уйти... э-э-э... в общем, уйти и заняться проведением ритуала плодородия друг с другом. А кто не пожелает, с теми демоны проведут ритуал плодородия сами, долго и во всяких разных формах. Может быть, даже до смерти и после смерти. Примерно так. Вот.

— Кажется, я понимаю.— Коллет покраснела еще гуще.— А что они ответили?

— Это их вождь, как я понял. Он говорит, что с радостью пропустил бы демона, поскольку не любит, когда ритуал плодородия случается с ним. Но дальше в горах живет грозный шаман, который поставил его племя не пропускать дальше всяких бродяг, чтобы они не мешали ему говорить с духами. И если вождь пропустит нас, шаман потом устроит им такой Праздник Плодородия, что его будет помнить все племя — по крайней мере, те, кто останется в живых.

—А парень попал меж двух огней,— хмыкнул Николас— Как будем выкручиваться?

— Скажи ему... — Я задумался. Действительно, вождю деваться некуда, если надавить — он готов драться даже с демонами.— Скажи ему, пусть спросит самого шамана. Мы прибыли из-за океана, проделали тяжелый путь через джунгли — все только для того, чтобы попросить его помощи. Мы готовы заплатить любую цену за помощь.

—Ты слишком много хочешь от такого примитивного языка! — возмутился Боливар.— Ладно, попробую.

Он выдал серию коротких фраз, сопроводив каждую резкими жестами. Вождь почесал в затылке, но, видимо, драться с демоном ему все же очень сильно не хотелось, и он в конце концов кивнул.

— Он просит нас переночевать в его племя, а тем временем гонец доставит нашу просьбу шаману. Утром мы уже будем знать его ответ.

— А если он откажется от встречи?

— Если он откажется, нам придется повернуть назад,— развел руками Боливар.— Вы, конечно, можете попытаться перебить все племя, но даже в этом случае шаман встретится с вами, только если сам этого захочет. Вы же понимаете — не будет у него такого желания, вы его просто не найдете.

— Похоже, выбора у нас нет. Ну что же, поехали, Иголка, посмотрим, что здесь и как. Коллет, хватит глаза закрывать. Никуда не денешься — такая здесь мода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, *в которой повествуется о встрече с шаманом, имевшей далеко идущие последствия для Жака Кошона*

*Запись в дневнике Конрада фон Кота
от 31 июля 16... г. от Р. Х.*

Приходится признать, что знания наши сильно ограничены даже в том, что касается нас самих — людей, наших возможностей и способностей. Самонадеянно мы поклоняемся разуму, этому новому идолу, возведенному на пьедестал учеными школярами, и в обыденной жизни это оправдывает себя. Но, столкнувшись с неведомым, разум очень часто оказывается бессилён. До встречи с Коллет я всех магов считал шарлатанами и фокусниками, за что и поплатился. До встречи с шаманом я не верил, что они обладают хоть какой-то реальной силой...

Деревня, куда привели нас дикари, оказалась... ну дикарской она оказалась. Несколько жалких хижин, криво сплетенных из толстых ветвей и лиан. Крыши из пальмовых листьев. Огороды, живо напомнившие мне огороды достопамятных троллей. Да и сам образ жизни этого племени не сильно отличался от виденного нами в Истошной Пустоши.

Впрочем, в пользу дикарей можно было сказать, что хоть они нас и считали за демонов, но принимали как богов! К сожалению, в это входил и обязательный пир, и блюда подавали примерно такие же экзотические, как и у базука.

Памятуя о тяжелых последствиях предыдущего пира, я напрочь отказался от коварного

тек-тек. Да и, говоря по чести, от волнения кусок в горло не лез, в отличие от дикарей, которые стремительно смели все угощение, не менее стремительно упились и начали развлекаться в меру собственной фантазии. Фантазия у большинства дикарей оказалась довольно убогой.

— Проклятье, Конрад, придумай же что-нибудь! — воскликнула Коллет, отвешивая полноценную оплеуху очередному «кавалеру». Я по давнему опыту знал, что кулачки у ведьмы хоть и маленькие, но бьет она сильно и точно. Пьяным индейцам хватало одного удара в челюсть, после чего Николас кряхтя вставал со своего места и галантно утаскивал жертву в другую хижину отлежаться.

— Что тут придумать-то? Я не виноват, что ты им всем так понравилась. Гордиться надо — столько голозадых рыцарей у твоих ног!

— Я бы гордилась, если бы они были и впрямь у моих ног. Если бы пели мне серенады под окном, забрасывали цветами, водили любоваться восходом солнца... А эти тащат в кусты, даже не представившись! Никакой романтики!

— Ну откуда у них взяться романтике, когда они все тут голые? — резонно возразил Николас — А весь их язык одно сплошное поминание атрибутов Богов Плодородия. Дети природы — что с них взять?

— Скорее уж вернулся бы гонец! — выдохнула Коллет, отправляя в мир снов еще одного незадачливого ухажера. — А то, боюсь, скоро будут жертвы.

— Не следует считать других ниже себя только потому, что их обычаи кажутся вам странными, — нравоучительно поднял палец к звездам Андрэ. — С их точки зрения, наши обычаи не менее смешны и даже неприятны. Но на самом деле все мы — лишь частицы единой Мировой Души, временно запутавшиеся в тенетах иллюзий!

— Совершенно верно! — поддакнул Морган. — Стоит лишь освободить свое Я от этих тенет, как ощущаешь единение со всем миром, с каждой живой душой. Вот с этими аборигенами, с ночными мотыльками, сгорающими в костре, с пламенем костра, с тобою, Конрад.

— Но-но, оставь свои грязные мысли при себе! — возмутился я. — Иди единяйся себе с мотыльками в пламени костра!

— Твоя грубость проистекает из невежества, — вздохнул крыс. — Гнев омрачает твое божественное Я!

— Иезус Мария! Когда уже из них этот пейотль выветрится? А то я за себя не ручаюсь!

— Судя по их состоянию, к утру останется только слабый похмельный эффект.

— Слава богу! Погоди, а ты кто такой?

Я усталился на совершенно седого старика-индейца, невесть откуда взявшегося у костра. Старик невозмутимо сидел между Андрэ и Николасом, словно провел на этом месте весь вечер. В отличие от остальных дикарей, он вполне грамотно говорил на испанском и был одет в широченные полотняные штаны и не менее широкую рубаху. На тощей, морщинистой, как у игуаны, шее болталось с фунт всяких бус, побрякушек и талисманов.

— Ты, случаем, не шаман? — кивнул я на эту кучу украшений.

— Иногда меня так называют.

— А... Э... — Я почувствовал, как язык присох к небу от волнения. Заготовленная еще в Бублинге речь немедленно выветрилась из головы, — Здравсте!

— И ты будь здоров, оборотень, — кивнул шаман. — Зачем ты в таком виде, когда опасности нет? Это опасно!

— Дьявол меня раздери, если я в этом уже не убедился! — воскликнул я. — Слушай, дед! Ты и впрямь очень мудрый — вон как сразу меня разгадал! Помоги мне вернуть человеческий облик!

— Хм. Догадаться, что кот, говорящий по-человечески, — оборотень, было нетрудно, — проворчал старик, внимательно меня разглядывая. — Не знаю, не знаю... Трудно будет тебя расколдовать!

У меня перехватило горло, так что следующий вопрос больше походил на хриплый

мыв:

— Но возможно?

— На свете нет ничего невозможного,— пожал плечами шаман.— Было бы твоё желание истинным!

— Истиннее не бывает! Я бы перекрестился, да боюсь — ты исчезнешь!

— Ну я же не дьявол! — рассмеялся старик.— Что же, тогда прошу в мой дом! Если, конечно, не желаете догулять праздник...

— Не желаем! — хором воскликнули я, ведьма и ярл.

Задремавшего Андрэ при помощи согнанных шаманом индейцев как-то удалось взгромоздить на Максимилиана. Остальные — из уважения к пешему шаману — тоже шли пешком.

Дом старика оказался всего в паре миль от деревни дикарей. Здесь уже начиналось подножие горы, пока ещё пологое и поросшее густым кустарником. Шаман жил в просторной пещере, без труда вместившей весь наш отряд, за исключением лошадей, оставшихся пастись снаружи. Пещера выглядела вполне обжитой, хотя не сказать чтобы комфортной: полки с какими-то мешочками и свертками на стенах, тюфяк в углу и очаг посередине — вот и все признаки человеческого жилья.

— А небогато живет старичок,— хмыкнул Жак, оглядывая спартанскую обстановку пещеры.— Что называется, ни удавиться, ни зарезаться.

— Тяга к бессмысленной роскоши — признак незрелого ума,— пробормотал сквозь дрему Морган.— Иллюзии, друг мой, все это иллюзии.

— То-то у вас во дворце на кровати четыре перины было! — возразил Кошон, всюсю пользуясь необычным состоянием патрона.— И балдахин шелковый!

— Заткнитесь, вы, оба! — прошипел я и обернулся к шаману: — Так что надо делать?

— Ну... — Старик огляделся и кивнул на метелку и совок в дальнем углу пещеры.— Для начала займись уборкой.

— Уборкой? — Мне показалось, что я ослышался.— Я, потомок славного рода фон Котт, буду заниматься уборкой?

— Ложные представления о себе затмевают твой разум,— спокойно ответил шаман, усаживаясь возле очага.— Что значит «потомок славного рода», если сейчас ты всего лишь кот? Ты искал мудрости? Так не отказывайся от нее, если она горька!

— Вообще-то я искал не мудрость, а средство от заклятия,— буркнул я, пытаюсь половчее ухватить метелку лапами.— Иезус Мария! Никто не хочет мне помочь?!

— Это твоё испытание, милый! — сочувственно вздохнула Коллет.— Колдуны часто подвергают взыскующих Истины всяким испытаниям, так что я не могу помочь — не будет нужного результата.

— Проклятье!

Если кто-то из читателей этих путевых записок желает прочувствовать на себе всю тяжесть моего испытания, найдите метелку в два раза выше вас, плотно замотайте руки толстой тканью и попытайтесь подмести двор. Поскольку центр тяжести вашего тела вы изменить не сможете, то представление о моих мучениях вы получите весьма отдаленное. Но все-таки получите. Особую «изысканность» этому испытанию придавал тот факт, что спутников моих шаман усадил вокруг очага и раздал им плошки с умопомрачительно пахнущей мясной похлебкой. Если учесть, что в дороге нам приходилось довольствоваться сушеным мясом, бескомпромиссно жестким и отчаянно соленым, а два пиршества у базука и безымянного племени голых дикарей могли пробудить аппетит разве что у Андрэ, можно догадаться, какой искусу овладел мною.

Тем не менее через некоторое время я поймал себя на том, что гневные мысли куда-то улетучились и я даже начал получать определенное удовольствие от мерных взмахов метелки. Сор, которого в пещере оказалось до безобразия много, послушно собирался в кучки и исчезал за порогом пещеры. Одновременно у меня возникло ощущение, что такими же кучками и голове моей собирается всякий мысленный «сор» и выметается в пустоту за

порогом моего сознания. Процесс освобождения так увлек меня, что я без всякого напоминания протер полки от толстого слоя пыли, вынул и ее, вынес на улицу постель шамана и основательно вытряс ее, наломал сухого кустарника для очага. К этому времени мои спутники уже закончили ужин и с некоторой растерянностью на лицах наблюдали за моей деятельностью. Смешные люди! Конечно, им казалось нелепым рвение, с каким я проходил испытание! Но ведь и в монастырях проходят довольно утомительное и неприятное послушничество, прежде чем стать монахами, и только на самых ревностных из них снисходит благодать! А оруженосцы? Чем только не приходится заниматься благородному отроку, прежде чем он заслужит рыцарские шпоры! Или вспомнить даже мое обучение воинскому мастерству! Да я же хуже раба был у господина д'Сада, известного мастера фехтования, прежде чем стал хорошим мечником! Не дожидаясь приказа шамана, я собрал грязную посуду и сбегал к источнику, потом отволол туда же пустой котел и стал тщательно оттирать его песком. За этим занятием и застал меня Гай Светоний Транквилл:

— Ко-ко-конрад, я тебя не узнаю! Что на тебя нашло?

— Ты же слышал, что сказал шаман — мне нужно пройти это испытание.

— Не морочь мне голову. Испытание испытанием, но ты стараешься как какая-нибудь чокнутая Золушка!

— Гай, ты не понимаешь... А мне трудно объяснить словами. Это нужно почувствовать самому. Я пришел сюда полным сомнений, тревог, страха и гнева. Ты ведь и сам помнишь, во что я превратился всего лишь за одну зиму: унылая развалина, хнычущая на чердаке от жалости к самому себе. Противно вспомнить! Да, путешествие... а точнее, надежда на его успешное окончание немного взбодрила меня, но все равно во мне постоянно боролись всякие малоприятные мысли и чувства. И вот сейчас я вдруг ощутил такое невыразимое спокойствие! Да что там — я просто заново родился! И все это благодаря такому простому испытанию. Нет, что бы там ни говорили, но в древней шаманской мудрости сомневаться глупо! Я уже безмерно благодарен старику за этот урок...

Запись в дневнике Конрада фон Кота

от 1 августа 16... г. от Р. Х.

(Запись вымарана по соображениям нравственности.)

— Я УБЬЮ ТЕБЯ, МЕРЗКИЙ СТАРИКАШКА!

К сожалению, несмотря на более чем почтенный возраст и хилую внешность, шаман оказался весьма прытким. В несколько гигантских прыжков он оторвался от меня, добежал до почти гладкой отвесной стены и словно паук вскарабкался на уступ, откуда показал мне костлявую фигуру.

— Слезай, мерзавец!

К первой фигуре добавилась вторая, не менее костистая и выразительная.

Вот дрянь! Я окинул оценивающим взглядом скалу. Теоретически взобраться я смог бы, но шаман занимал тактически более выгодную позицию — с уступа он мог спокойно плевать в меня, бросать камни или банально стукнуть по голове пяткой, когда я доберусь до самого верха.

— Ты не просидишь там вечность! К вечеру потеряешь сознание от жажды!

Старик исчез на мгновение и, вернувшись, продемонстрировал мокрую рубаху. Проклятье! Видимо, ручей, в котором я как последний дурак вчера отскребал котел, имеет начало в горах и выходит наружу где-то на уступе. Стоило вспомнить вчерашнее испытание и свой пафосный разговор с Транквиллом, и мне захотелось провалиться сквозь землю от пережитого утраты унижения.

Мало того что я вернулся в пещеру глубокой ночью, отчистив медный котел до золотого сияния. Утром так же безропотно, с идиотской восторженностью я опять прибрал пещеру, натаскал воды, только что еду не смог приготовить — не приспособлены к тому лапы кошачьи, да я и в человеческом своем обличье не умел готовить. И вот после завтрака — замечу, что посуду опять мыл я! — этот старый, спекшийся на солнце кактус заявил, что не может меня расколдовать. Хуже того, он еще вчера знал, что не сможет этого сделать! Для

этого, видите ли, нужна особая тинктура, которой у него нет и состава которой он не знает! Я сначала даже не понял, о чем он говорит. Решил, это тоже часть испытания. Но старик только развел руками:

— Говорю же, нужна тинктура! Ее состав был написан на золотых табличках и передавался от шамана к шаману...

— И где эти таблички? — спросил я, чувствуя, как безмятежная новая личность, обретенная во время испытания, скукоживается и прячется куда-то в дальние уголки души.

— Ты видел тут хоть кусочек золота? — ехидно хмыкнул у меня за спиной Морган. — Ты вроде как вчера все тут перетер и перемыл. А! Да ты хитрец! Я-то думал, ты от чистого сердца стараешься, а ты таблички искал!

— Я. Старался. От чистого. Сердца, — раздельно произнес я, пытаюсь держать себя в руках. В лапах.

— Понимаешь, таблички украли давным-давно, я подозреваю, еще во время первого посещения нашего племени викингами, — виновато пробормотал шаман. — У нас был большой запас тинктуры, потому про таблички никто не вспоминал около сотни лет. Потом решили пополнить запас и не смогли их найти. Понятно, что за столько лет следы их окончательно затерялись...

— Так зачем же ты заставил меня проходить испытание? — все еще спокойно спросил я, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Ну понимаешь, мой последний ученик покинул меня несколько месяцев назад, — промямлил шаман. — Убираться стало некому, я и подумал...

Вот тут-то я на него и набросился.

К тому моменту, когда мои спутники добежали до скалы, сил бесноваться у меня уже не осталось. Коллет присела рядом со мной на песок и молча обняла за плечи. Андрэ мялся рядом, судя по выражению лица не особо понимая, что произошло, — за ночь остатки волшебного кактуса выветрились из неге» вместе с избыточной мудростью. Николас вертел в руках пистолет.

— Капитан, хочешь, я его сниму оттуда? Пусть только высунется...

— Спасибо, Николас, — вздохнул я. — Не вижу смысла. Тинктура от этого не появится.

— Вот именно! — вякнул из своего укрытия шаман. — Я вижу, испытание все-таки пошло тебе на пользу...

— Не искушай судьбу, а? — рыкнул я. — Спускайся лучше, поговорим спокойно.

— Да-да, пусть только спустится, — мстительно прошипел Морган, которого кактусная мудрость тоже покинула. — Жак, бей его сразу в глаз!

— А чего это сразу — Жак? Я, между прочим, честный вор, а не громила какой-нибудь, да и кто его знает... этого старикашку... может, он никакой и не старикашка — вон как резво по скале лазает... такого ударишь, сам потом зубы собирать будешь...

— А я все слышал! Не слезу, пока не пообещаете мне неприкосновенность!

— Ну и сиди там! Николас, дай Жаку револьвер! — Я не умею стрелять!

— Дожили. Уже крысы мной командуют...

— Не смей называть меня крысой! — А?

— Тихо! — рявкнул я. — Спускайся, старик. Клянусь, тебя никто не тронет.

Шаман подумал с минуту и с той же потрясающей ловкостью спустился по стене вниз.

— Ну что, раскурим трубку мира?

— С Николасом раскури, он любитель. А мне в пасти трубку не удержать. Идем в пещеру. Раз ты не можешь мне помочь делом, хотя бы поделишься информацией.

Шаман безропотно последовал за мной и действительно рассказал много интересного.

Когда-то давно во всех племенах индейцев, как в Южной, так и в Северной Америке, были шаманы, умевшие превращаться в тотем их племени. Но постепенно это колдовство было утеряно, а шаманы с каждым поколением становились все слабее. Когда викингов занесло штормом в эти края, единственным племенем, шаманы которого сохранили древнее искусство, было племя Стремительного Зверя, Попирающего Пески Двумя Огромными

Лапами. Викингам повезло — чем-то они угодили тогдашнему вождю, и он оставил им жизнь. И даже принял в племя как почетных соотечественников. Среди «новых индейцев» оказались два северных шамана. Они очень заинтересовались древним умением и довольно быстро сами овладели искусством превращения в зверя. Ничего удивительного не было и в том, что тотемы у отчаянных мореходов оказались соответствующие — Медведь и Волк.

Пришло время, и викинги починили свой драк-кар. Часть команды решила остаться на новой родине, казавшейся после холодных голых скал Исландии настоящим земным раем, а другие отправились в опасное путешествие домой, в их числе и Медведь с Волком. Больше о них индейцы не слышали. Оставшиеся викинги постепенно растворились в местном населении, о том, что за Большой Водой существует другая населенная земля, давно забыли, так что когда явились первые конкистадоры, их простодушно приняли за богов. Чем эта наивность обернулась для индейцев — известно. Впрочем, к тому моменту племя Стремительного Зверя, Попирающего Пески Двумя Огромными Лапами, почти исчезло. Остались только шаманы, которые и сами по себе жили очень долго, и старались передать свое искусство ученикам, прежде чем умереть. Но постепенно даже эта линия угасла — не так много желающих осталось годами терпеть испытания и лишения, чтобы стать шаманом. Последний ученик появился у старика после пятидесяти лет одиночества, так что он с радостью принял его, несмотря на то что это был какой-то сумасшедший европеец. Когда почти полвека разговариваешь только с духами и туповатыми дикарями, не до разборчивости. Тем более что вскоре выяснилось — ученик хоть и не блещет магическими талантами, зато усерден, терпелив и безропотно сносит все выходки учителя. Идиллия продолжалась лет десять, ученик постепенно овладел почти всеми знаниями учителя, как вдруг — несколько месяцев назад, — беседуя с духами, он узнал, что с его любимой племянницей случилась беда. До этого момента шаман и не подозревал о наличии у бледнолицего чудака каких-то родственных чувств к племяннице. Впрочем, как и о самом существовании у него какой-то семьи. Как выяснилось, у Гарольда в Европе остались брат и маленькая племянница. На самом деле уже не такая и маленькая, ведь прошло почти двадцать лет с тех пор, как он ее видел в последний раз. Но в памяти Гарольда она так и осталась милой малюткой Анной. И вот в видении эту его трогательную племянницу злой колдун превратил в жалкую рептилию и закинул в холодное болото. Гарольд вышел из состояния медитации, простился с учителем и, забрав последнюю банку тинктуры, поспешил на помощь.

Я захлопнул сам собой открывшийся рот и перевел взгляд на Коллет. Выражение ее лица не сильно отличалось от моего.

— Гарольд... — пискнул я сипло, прокашлялся и повторил уже нормальным голосом: — Вашим учеником был Гарольд, король Гремзольда?

— Понятия не имею, — пожал плечами шаман. — Он о своем прошлом не рассказывал, да и меня это не особо интересовало. Становясь шаманом, человек обязан забыть свое прошлое.

— Так. Он был европейцем, его звали Гарольд, он попал сюда десять лет назад... видимо, успел постранствовать! Его племянницу зовут Анна, и несколько месяцев назад ее превратили в лягушку... Таких совпадений не бывает!

— Не бывает, — согласилась Коллет. — Это он!

— Вы что, знали моего ученика?

— Не то чтобы очень хорошо. Вот разве что Морган имел с ним дело. А мы больше знакомы с Анной... Проклятье! Но до чего же неудачно вышло! И нужно же было ему увидеть это видение!

— Совершенно с вами согласен, — вздохнул шаман. — Где теперь я найду такого старательного и послушного ученика? А вы, молодой человек, не желаете...

— Не желаю, — отрезал я. — Мне хватило вчерашнего урока!

— Конрад, но это значит — не все потеряно! — обрадованно воскликнула Коллет. — Мы ведь знаем, куда отправился Гарольд! В Гремзольд! Точнее — в Бублинг. Анне теперь

тинктура ни к чему, но она ведь умница — сообразит, что здесь мы ничего не нашли. Значит, она сбережет ее для тебя!

— Точно! Выступаем немедленно!

— Молодой человек, молодой человек! — Шаман вцепился в рукав Николаса. — Я чувствую в вас большой потенциал! Вы могли бы стать моим учеником!

— Дедушка, — Николас печально посмотрел на старика с высоты своего роста, — я видел, во что превратился мой отец, владевший вашим искусством. С тех пор я стараюсь держаться от магии подальше!

— А может быть, вы? — Шаман обернулся к Андрэ.

— А?

— Понятно, извини! — Шаман пристально посмотрел на Жака. — А вы, молодой человек, не хотели бы стать моим учеником?

— Я? — Лицо Кошона удивленно вытянулось. — Но я же... я же...

— Не имеет значения, кем вы были раньше! — вкрадчиво произнес старик, — Вы начнете новую жизнь и со временем станете другим человеком. Даже не совсем человеком!

— Я...

— Жак, ты совсем сдурел?! — возмущенно пискнул Морган. — Что ты слушаешь этого шарлатана?! Ты имеешь честь служить настоящему магу, зачем тебе этот оборванец? Я ведь обещал тебе — когда я верну человеческое тело и захвачу власть, ты станешь моим личным камердинером! Подумай, неужели ты готов отказаться от такой завидной участи?! Не слышу слов благодарности!

— Спасибо, господин! — пробормотал Жак, опустив голову. Потом решительно достал Моргана из кармана и передал опешившему Андрэ: — Извините, господин! Ваше величество, позаботьтесь о нем! Я остаюсь!

— Жак...

— Не пытайтесь меня переубедить! Я все решил!

— Иди, Андрэ, мы тебя догоним.

— Жак! Мерзавец! Как ты мог?! Вернись, я тебя прощаю! Жак! Предатель!

Я хмыкнул, слушая удаляющиеся вопли Моргана. Посмотрел на понурого воришку.

— Опять предаешь друзей?

— Конрад, перестань! — ткнула меня в бок локтем Коллет. — Какой ты все-таки черствый!

— Нет, он прав, — вздохнул Жак. — Такой уж я есть. Хорошо быть сильным, ловким или талантливым. А когда весь твой талант — вовремя почуять опасность, что делать? Остаться верным проигравшей стороне, покорно подставить шею под веревку? Вам легко судить, ни разу не оказавшись перед таким выбором!

— Жак, я тебе не судья, — сердито буркнул я. — И насчет выбора ты неправ. Но это не мое дело.

— А я верю, что ты сможешь измениться, — ободряюще улыбнулась вору Коллет. — Ты еще станешь настоящим шаманом! Научись искусству оборотня и, глядишь, так избавишься от страха и слабости!

— Спасибо...

— Слушай, старик, — я обернулся к шаману, — а почему ты не обратился в зверя, когда я гнался за тобой? Пристукнул бы меня — и вся недолга.

— Конрад, я же тебе говорила — чем сильнее маг, тем бережнее он относится ко всему живому!

— Девочка права, — покивал старик, потом несколько смущенно пояснил: — К тому же шаман может превращаться только в тотем своего племени.

— Э-э-э... так Стремительный Зверь, Попирающий Пески Двумя Огромными Лапами, это...

— Ну да, это пустынный тушканчик. И много мне толку было бы превращаться в него?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, *в которой повествуется о встрече благородного Конрада фон Кошта с изобретателем Архимедом и удивительных последствиях этой встречи*

*Запись в дневнике Конрада фон Кошта
от 7 августа 16... г. от Р. Х.*

Вновь и вновь поражаюсь я человеческой изобретательности!

Примечание на полях. Иногда неприятно поражаюсь.

Оставив Жака Кошона разбираться с его новой судьбой, наш отряд пустился в обратный путь. Ехать по собственным следам было, разумеется, намного проще, так что уже через неделю мы были в Нехрена-ско-дель-Пупо. Однако в городе нас ожидала проблема, о которой мы как-то не задумывались, хоть и могли бы предвидеть. Последний корабль в Европу отбыл несколько дней назад, и других до следующей весны не ожидалось.

Хуже того, по авторитетному заявлению начальника порта, мы не имели никаких шансов сесть на корабль ни в одном из портов на всем побережье. Большинство из них покинуло Южную Америку уже давно, торопясь пересечь океан до окончания навигации. Тот корабль, что отплыл незадолго до нашего прибытия, был из последних.

Эта новость просто подкосила нас. Одно дело — экспедиция, пусть и долгая, но жить в Нехрена-ско-дель-Пупо до следующей весны — такая перспектива была как-то уж совсем унылой.

— Нет... ну в общем, если не быть снобами, то город довольно миленький.

Николас поперхнулся пивом и обвел взглядом трактир, в котором мы остановились.

— И что же в нем миленького?

Нет, ничего такого ужасного ни в вышеупомянутом трактире, ни в самом городе не было. Обычный маленький, провинциальный городок, дремлющий под лучами августовского солнца. Как поведал нам Боливар, зима скоро кончится и станет теплее. Думать об этом не хотелось. Ничего ужасного, всего лишь ощущение затягивающего сонного болота. Прохожие — это сразу бросалось в глаза — передвигались по улицам нога за ногу и выползали из домов только при крайней необходимости. Основное же времяпрепровождение местного населения заключалось в какой-то бесконечной сиесте.

Что уж совсем плохо, настроение это было заразным. То есть, конечно, Андрэ и прежде не отказывался бездельничать сутки напролет, но, когда Коллет провела весь день в кресле-качалке на веранде трактира, я забеспокоился. К сожалению, мое беспокойство разделял только Транквилл, мнение которого могли услышать лишь я да Морган. Крыс, после того как Жак оставил его ради ученичества у шамана, пребывал в плаксивом настроении и на окружающее реагировал вяло. Николас в принципе был не прочь отдохнуть несколько дней, но перспектива застрять в таком захолустье на полгода его все-таки тревожила. Ярл еще не выбрал город, в котором будет скрываться от Ночного Магистра, но ни Нехренаско-дель-Пупо, ни Сан-Текилло ему не приглянулись.

В таком настроении нас и застал Архимед. Это он так представился — Архимед. Правда, сразу же добавил, что к древнегреческому Архимеду не имеет ровным счетом никакого отношения, просто имя случайно попало на глаза его батюшке и запало в душу. Как оказалось, давая сыну такое имя, греческий купец Сократ Аннунакис определил судьбу своего чада. Архимед с молодых ногтей никакой склонности к благородному купеческому делу не проявлял, а интересовался исключительно всякими механизмами, техническими приспособлениями и прочими заумными вещами. Ушлый купец быстро сообразил, что такое увлечение младшего сына можно поставить на службу торговле, и некоторое время Архимед послушно усовершенствовал корабли отца и разрабатывал устройства, ускорявшие погрузку и выгрузку товара. В конце концов ему это надоело, и парень, тайком пробравшись в трюм генуэзского торгового корабля, отправился повидать мир. Бродяжничал Архимед Аннунакис, как я понял, довольно долго, успел даже побыть студентом знаменитого Парижского

университета и университета в Гейдельберге, но классическое образование его разочаровало. В Южную Америку он попал недавно — совершенно случайно — и застрял в Нехренаско-дель-Пуно основательно.

Будучи человеком энергичным и склонным к авантюрам, господин изобретатель уговорил местного городского голову выделить средства на постройку невиданного доселе чуда — корабля, движимого силой пара. Как ему это удалось и что он наплел городскому голове — это отдельная история, достойная героического эпоса. Закончилось все, однако, плачевно. Корабль Архимед Аннунакис построил и даже вполне успешно испытал, но не смог отправиться в плавание — люди не желали наниматься на «дьявольскую лодку». Сколько изобретатель ни доказывал, что его паровой двигатель совершенно безопасен, само наличие на корабле топки пугало даже бывалых моряков. А тут еще некстати выяснилось, что городской голова под проект парового корабля выделил гораздо больше денег, чем пошло на строительство. Даже последнему городскому пропойце было ясно, что деньги присвоил городской голова, но неприятный запашок от этой истории каким-то образом закрепился и за «Медной Бочкой» — так изобретатель назвал свой корабль из-за медного парового котла. Именно эта муторная история и побудила Архимеда присоединиться к повстанцам и снабдить их навозной бомбой. Последствия применения этого оружия так ужаснули изобретателя, что он поклялся никогда больше даже не думать над военными изобретениями. Но поклясться оказалось проще, чем сдержать клятву, — узнав, кто является изобретателем навозной бомбы, городской голова насел на беднягу с требованием работать на правительство.

— Клятва — это, конечно, важная причина, — закончил свою историю Архимед. — Но тут еще важнее то, что, носом чую, не для защиты города ему мои изобретения нужны! А мой нос за версту неприятности чует! Подозреваю я, что стукнула в городскую голову мысль податься в мировые завоеватели. А я в таком безобразии участия принимать не желаю... только вот из города мне самому не выбраться.

— Хочешь, чтобы мы помогли увести твой корабль?

— Да. Боливар рассказал, что вам очень нужно и Европу попасть. Что ж, для «Бочки» это не проблема!

— Но мы не особо опытные моряки. Во время плаванья сюда мы в основном драили палубу.

— Это неважно. В мире вообще нет моряков, опыт которых пригодился бы на «Медной Бочке». Так что, согласны?

— Ну что вы об этом думаете? — обвел я взглядом своих спутников. — Затея-то опасная.

— Можно подумать, все наше путешествие не одна большая опасная затея, — хмыкнула Коллет. — Мне было бы интересно посмотреть на эту «Медную Бочку» в действии. Паровой движитель... какая интересная магия!

— Я готов хоть на весельной лодке плыть, — мрачно буркнул Николас — Лишь бы подальше от этого сонного царства!

— Андрэ?

— А? Да я как все. Чтобы не отрываться, значит, от народа!

— Мордаун?

— Кого интересуется мнение какого-то там Мордау-на? Кому он вообще интересен — жалкий неудачник, маг в шкуре крысы?! Ах, оставьте меня! Решайте как хотите!

— Короче, принято большинством голосов, зал я, делаю вид, что не слышу нытье Моргана.

— А мое мнение, значит, нико-ко-кого не интересуется?

— Гай, я же сказал — принято большинством голосов. Тебе тут так понравилось, я не понимаю?

— Я за межвидовое равенство!

— Ладно, ты за или против?

— За!

— Простите за странный вопрос. Вы что это, с петухом разговариваете? Не поймите меня неправильно...

— Да все в порядке.— Я приспустил край шейного платка и ухмыльнулся изобретателю.— Мы тут все немного странные. Только, прошу вас, не надо кричать и падать в обморок.

— И не собирался,— пожал плечами Архимед.— Я, дорогой мой, за свою жизнь чего только не навидался. Главное — в море меня не подведите!

Следующим же утром, едва дождавшись рассвета, наш отряд спустился на пристань — такую же маленькую и сонную, как и весь Нехренаско-дель-Пупо. Правда, сегодня патриархальное спокойствие гавани нарушало какое-то громкое пыхтение, словно некий великан пробежал много миль и теперь не может отдышаться.

— Это... что это такое? — выразил общее недоумение Николас.

Перед нами покачивался на волнах корабль. То есть, видимо, корабль, но понять это можно было исключительно по вытянутому корпусу, похожему на обычный. На этом все обычное и заканчивалось. По бортам «Медной Бочки» зачем-то красовались два колеса от водяной мельницы. Ничего похожего на мачты с парусами не было и в помине. Зато посреди палубы торчала в небо длинная печная труба, из которой валил густой черный дым.

— Эх! — досадливо буркнул Андрэ, направляясь к уродцу.— Ну что за люди? Разве можно так печь распалить? Сожгут ведь завтрак!

— Какой еще завтрак? — Я с нарастающим беспокойством прислушался к утренним городским звукам.

— Ну как это — какой? Раз печь топится, значит, что-то готовят. А то, что готовят утром, называется завтрак — это даже дети знают!

— Действительно,— только и смог ответить я, В который раз сраженный логикой Андрэ.— Ладно, надо быстрее убираться. Кажется, городскому голове уже доложили!

Топот конских копыт, который я уловил несколько мгновений назад, нарастал, и вскоре на дороге, ведущей к городу, появился отряд всадников. В кормовой надстройке «Бочки» распахнулся люк, и на палубу выскочил голый по пояс и почему-то потный Архимед Аннунакис.

— Быстрее же, господа хорошие! Ну что вы еле двигаетесь, ей-богу, словно мухи осенние! Надо успеть от берега отойти, а то ж они стрельбу откроют!

Мы поспешно завели на корабль коней, Николас убрал сходни, а Андрэ привычно навалился на блок, поднимая якорь. Всадники тем временем уже выехали на пристань и продолжали гнать лошадей.

—Якорь чист! — гордо отрапортовал Андрэ, умудрившийся запомнить эту фразу на «Санта Вазелине».

— Руби концы! — крикнул откуда-то из надстройки Архимед. Я заметил, что мельничные колеса начали вращаться слишком быстро, чтобы объяснить это действием морских волн. Корабль весь подался в сторону открытого моря, канат натянулся и завибрировал.

Николас рубанул кинжалом, но лезвие отскочило, перерубив всего несколько на совесть просмоленных волокон. Всадники приближались, явно намереваясь заставить лошадей перескочить на палубу. Коллет пробормотала под нос что-то очень похожее на ругательство и выбросила вперед руки. Порыв ураганно-

го ветра притормозил погоню, но самые упорные все же доскакали до края пристани, лошади послушно прыгнули, но Андрэ уже подоспел на помощь ярлу. Одним ударом он перерубил канат, загнав мачете на ладонь в борт. В тот же момент вращение колес ускорилося — и корабль рванул с места. Вслед неслись проклятия бултыхающихся в воде стражников.

— Ух ты! — выдохнул Андрэ со счастливой улыбкой.— Он сам плывет! Сам по себе!

— Не совсем,— хмыкнула Коллет, наблюдая за вращением колес— Кажется, я

понимаю принцип, на основе которого построено это судно.

— Неужели? — Архимед появился из люка уже не полуголый, а в обычной матросской одежде. — И каков же он, по-вашему, позвольте спросить?

— Надо отдать вам должное — он гениален, хотя и прост! Удивительно, что до вас это никому не пришло в голову. Как я понимаю, колеса соединены единым валом, имеющим двойной изгиб в центре — в том самом медном котле, о котором вы упоминали...

— Ну схема, конечно, упрощенная, но я приятно удивлен, встретив в красивой барышне еще и подобную проницательность в механике!

— О, главное было увидеть колеса! — зарделась от комплимента Коллет. — Об остальном нетрудно догадаться. На противоположных сторонах изгибов запечатаны духи воды. А в топке постоянно поддерживается огонь. Поскольку эта стихия враждебна духам воды, они стремятся оказаться от нее как можно дальше, но из-за формы вала то один, то другой дух обязательно оказывается рядом с огнем. Пытаясь удалиться от огня, они вращают вал, а тот передает вращение колесам. Вот видите — ничего сложного!

— Э-э-э... да, действительно. Пойду, пожалуй проверю, как там... гм... духи воды.

— Что это с ним? — Николас посмотрел вслед изобретателю. — Что ты ему такого сказала?

— Не знаю, — растерянно развела руками Кол лет. — Может быть, не стоило называть его изобретение простым? Но я ведь в хорошем смысле! Всем известно — чем проще система, тем надежнее. Это основы магии.

— Ну он все-таки не маг, — рассудительно возразил ярл. — Мог и обидеться.

— Да ладно, не переживай! — Я потеряю о ногу дамы. — При случае восхитишься какой-нибудь финтифлюшкой на его ненаглядной «Бочке» — он и растает. Изобретатели, они ж как дети.

— Ох ты ж! — спохватился Андрэ. — Забыл ему сказать, что не надо так сильно печь топить! Побегу может, еще успею наш завтрак спасти!

Хотя «Медная Бочка» и поразила наше воображение, отчалив от пристани с невозможной для парусника скоростью, вскоре выяснилось, что пароход так назвал его сам изобретатель — способен развить скорость не более пяти узлов. Это было немного сравнении с хорошим парусником, зато «Бочка» не зависела от ветра и могла держать такую скорость постоянно. Так что в Сан-Текилло мы шли те же восемь дней, которые понадобились бы и более резвому паруснику.

Памятуя о заварушке, невольными зачинщиками которой мы стали, я предпочел бы не возвращаться в этот город. Но Нехренаско-дель-Пупо мы покидали второпях, потому остановка была просто необходима — надо было закупить припасы в дорогу. Из опасения быть узванными местными властями и вероятности вляпаться снова в какую-нибудь революцию, наш отряд все время стоянки провел на борту. В город отправились только Архимед и Коллет с Николасом. Вместе с ними корабль покинул и Боливар — попрощавшись и пожелав нам удачи. Индеец был абсолютно уверен, что никакие последствия из-за участия в бунте его не ждут. Вернувшись, Коллет подтвердила: за прошедшее время в городе успели произойти еще две революции и одна контрреволюция, так что про ту памятную для нас ночь жители Сан-Текилло благополучно забыли.

На следующее утро «Медная Бочка» покинула гавань Сан-Текилло и взяла курс на Европу.

*Запись в путевом дневнике Конрада фон Кота
от 27 августа 16... г. от Р. Х.*

Десятый день плавания ознаменован был очередным героическим деянием его величества Андрэ Первого Могучего. От превеликого волнения на воде добрый наш ярл вновь впал в тоску и немочь, проводя дни и ночи в посте и молитве, ища утешения в созерцании волн, для чего перегибался сильно через фальшборт и оными волнами едва не был смыт. В печали же и посте пребывал и его величество, скорбя из-за скверной пищи, коей вынуждены довольствоваться его верные подданные и он сам. Дабы развеяться, его

величество совершал променад вдоль борта, где и узрел борющегося с волнами Николаса Бокомьялле. Ведомый неусыпной заботой о подданных и просто любовью к ближнему, король бросился на помощь ярлу и своей могучей дланью отринул несчастного от борта. Однако же сии испытания духа и тела, видимо, сочтены были Провидением недостаточными, и приумножены были печали наши, и без того немалые.

Примечание на полях. Запретить Николасу Бокомьялле бывать на палубе, не будучи привязанным за пояс или ногу к кнехту или другой закрепленной детали корабля. По прибытии в Бублинг выделить оному Николасу Бокомьялле из казны денег на вставление двух зубов червонного золота на место выбитых его величеством в момент совершения героического деяния.

— А чего я? Чего я-то? — обиженно надулся Андрэ.— Я ж ему, можно сказать, в натуре, жизнь спас!

— Если подходить к вопросу без излишней мелочности,— грустно вздохнул Николас, машинально ощупывая пальцем осиротевшие десны,— его величество меня действительно спас. Я бы даже отметил, что успеть в такой ситуации поймать меня за щиколотку требовало завидной скорости — как мысли, так и тела. Правда, я не совсем понимаю, зачем после этого было бить меня головой об палубу, но, чтобы не показаться неблагодарной скотиной, я этот вопрос опускаю.

— Дык чего там непонятного? — развел руками король.— Эт чтобы вода из тебя вышла.

— Какая вода? — опешил Николас.

— Которой наглотался! Человек, он ведь от чего тонет? От того, что в воду попадает и много ее в себя выпивает. Вот чтобы утопленника спасти, надо из его нутра воду эту вытрясти.

— Но я еще не успел утонуть!

— А если бы успел? Я же не лекарь — откуда мне знать? Вижу — ты за борт падаешь, значит, тонешь, правильно? Правильно! А раз тонешь, значит, вода

тебя в нутре может быть. Правильно? А значит, ее надо вытрясти! Я тебя потому за ноги взял и трясти стал — верный способ! А что об палубу головой стукнул, за то извини — не рассчитал, уж больно ты длинный!

— Ох, Андрэ...

— Да ладно, капитан! — Ярл махнул рукой.— Попадало мне и сильнее. В конце концов, сам виноват.

— Хорошо, что ты это осознаешь! Пока твоё состояние здоровья таково, изволь привязываться. А то попрошу Андрэ еще пару раз тебя спасти.

Эту воспитательную беседу прервал тревожный крик петуха. По взаимному согласию мы с Транквиллом, как наименее способные к полезной работе члены команды, делили обязанности впередсмотрящего. По крайней мере, оглядывать горизонт и я и Гай могли не хуже людей.

— Что там?

— Ко-ко-корабль прямо по курсу. Флаги пока не могу рассмотреть...

Я передал слова Транквилла спутникам и выбежал из кубрика. Наохлившись петух встревоженно расхаживал по планширу на носу корабля. Запрыгнув к нему и окинув взглядом горизонт, я тут же обнаружил идущий нам навстречу галеон. Петух еще не мог разглядеть флагов, а вот мое дальнзоркое кошачье зрение позволило сделать это, хотя радости увиденное мне и не принесло. Потому как флаги были алжирские.

— Ох, а вот это хреново! — пробормотал Николас, присоединяясь к нам. Посмотрел за борт, на волны, позеленел и сдавленно добавил: — Очень хреново!

— Почему не привязался? Я же просил! Вот сверзишься за борт...

— Конрад, мне кажется, сейчас нас должно беспокоить другое!

— Ой, да брось ты! Коллет не оставит от них даже щепок!

Коллет, тоже выбравшаяся на палубу, нехотя кивнула:

— Если не будет выбора. Мысль о том, чтобы убивать людей, пусть даже и пиратов, меня совсем не радует.

— Тогда просто спрячь нас!

— Не смогу, — развела руками ведьма. — Целый корабль скрыть мне сил не хватит.

— Я попытаюсь увести «Бочку», — пообещал Архимед. — У них преимущество в скорости, но много времени должно уходить на смену курса.

Часа через полтора мы сблизились с пиратским галеоном настолько, что могли уже видеть лица суевающейся на палубе команды. А также торчащие из бортов жерла пушек. Судя по вытянувшимся лицам пиратов, вид корабля без мачт, идущего полным ходом против ветра, поразил их до глубины души. «Медная Бочка» прошла, едва не царапая бортом о борт пиратского судна, можно было даже увидеть тлеющие фитили в руках канониров, а команды атаковать все не было. Я уже начал надеяться, что пираты не решатся напасть на такое подозрительное судно, но капитан — сурового вида толстяк с огромной, крашенной хною в рыжий цвет бородою — справился с удивлением и взревел что-то на арабском. Убедившись, что матросы послушно забегали, подготавливая галеон к маневру, толстяк подбежал к борту и заорал на ломаном испанском:

— Эй! Сдавайся плен доблестному Бобур-оглы! Или мой матрос резать ваш на шаурма!

— Уже бегу! — насмешливо крикнул Архимед, согнув правую руку в локте и ударив по сгибу левой рукой. — Иди мачту погрызи, Бобер!

— Какой бобер, пачиму бобер? — опешил «доблестный Бобур-оглы». — Э-э-э, глупый чиловек, сдавайся! Зачем умирать за товар?

— Ты сначала догони меня!

Тут и пират сообразил, что «Бочка» уже разошлась с его кораблем и спокойно удаляется прочь. Стрелять по нас из бортовых орудий или пытаться взять на abordаж было уже поздно. Правда, на корме у пирата тоже имелось три орудия, но то ли алжирские канониры были не ахти, то ли сегодня был не их день, только все три ядра зарылись в волны далеко от нашего корабля. Как подсказывал мой воинский опыт, на то, чтобы заново снарядить орудия, канонирам понадобится минимум двадцать минут, так что с этой стороны опасность нам больше не грозила. Пираты быстро сообразили, что добыча оказалась в мертвой зоне за спиной, и шустро забегали по вантам. Наблюдавший эту суету Николас мрачно обронил:

— На разворот у них уйдет примерно полчаса. Потом они нас легко догонят — с их-то парусным вооружением! Даже если им придется идти против ветра...

— Не так уж и легко, — возразил Архимед. — А когда догонят, я опять поверну, мне-то это сделать куда проще. Поиграем в пятнашки до вечера, а в ночи мы потихому от них и уйдем... а даже если и не уйдем — пусть гонятся за нами хоть до самой Испании!

Однако вскоре выяснилось, что он был излишне самонадеян. Изобретатель-то он был гениальный, а вот в морском деле смыслил мало, хотя и больше, чем любой из нас. Все преимущества перед пиратским галеоном, которые имелись у «Медной Бочки», морские разбойники сводили на нет благодаря своему опыту. Чтобы поддерживать большую скорость, нам приходилось постоянно подбрасывать поленья в топку. Сначала этим занимался сам Архимед, но вскоре он свалился от усталости и его сменил Николас, которого опасность чудесным образом излечила от морской болезни. Впрочем, он все равно продержался недолго — истощенное почти двухнедельным вынужденным постом тело быстро сдало. Его хотел сменить Андрэ, но помещение, в котором изобретатель поместил паровую машину, оказалось совершенно не рассчитано на гиганта, и застрявшего короля пришлось буквально выковыривать из узкого коридора. Что ж, к топке встала Коллет.

Сменяя друг друга, им как-то удалось продержаться до вечера, но тут проявил себя один из недостатков конструкции «Медной Бочки». Спустившись к котлу в очередной раз — на смену выползшей на палубу почти в бессознательном состоянии Коллет, — изобретатель вскоре вернулся и мрачно махнул рукой:

— Шабаш!

— Что значит — шабаш? — простонал Николас, с трудом воздвигая себя на ноги. — Я еще могу работать...

— Ты-то можешь, а котел — нет. Надо долить воды, но сначала дать котлу немного остыть, мы его так раскалили, что медь едва не плавится.

— Духи воды устали, — понимающе кивнула Коллет.

— Э-э-э... ну вроде того.

— Что ж, мне порядком надоела назойливость этих мерзавцев. — Девушка с трудом поднялась на ноги. — Видят боги, я не хотела прибегать к крайним мерам!

Между тем галеон подошел на расстояние пушечного выстрела. Бобур-оглы стоял на четвердеке в величественной позе, картинно сжимая в воздетой руке платок.

— Эй! Хотель потопить вас? Жалкие трусы бе-жаль-бежаль, а от Бобур не убежаль! Но Бобур не только доблестный воин, он милосерден! Вы сдаваль мне чудный корабль — я прошаль вас! Я даваль вам лодка, еда и вода на неделя и вам плыль куда хотель. Иначе мой храбрый команда вас резаль!

«Храбрая команда» сдержанно заворчала — в большинстве своем пираты еле стояли на ногах от усталости, опираясь на абордажные сабли как на костыли. Гонка явно вымотала их гораздо сильнее, чем нас. Оно и понятно — им-то приходилось постоянно работать на парусах!

— Сам ты жалкий трус! — Коллет знакомым мне жестом уперла руки в бока. — С полусотней пушек на борту напал на мирный корабль. У нас даже личного оружия ни у кого нет!

— О-о-о! — Глаза пирата округлились. Коллет забыла, что, трудясь рядом с раскаленной топкой, сбросила с себя большую часть одежды, оставшись лишь в закатанных выше колен панталонах и куске ткани, обмотанном вокруг груди. — Женщин?! Бобур меняль условий! Он браль чудо-корабль и тощий девчонка! Хотя она и плоскодонка, Бобур таких лубиль!

— Оп-па... Мужик, ты зря это сказал! — сочувственно сообщил я пирату, закрыл глаза и заткнул лапами уши.

Оглушительный треск разорвал воздух, и даже сквозь закрытые веки белая вспышка обожгла глаза.

— Не-э-эт!

Выждав несколько мгновений и убедившись, что Коллет не собирается продолжать воспитательную работу, я рискнул взглянуть на пиратский корабль. Вопреки ожиданиям, галеон был практически цел. Исключение составляла грот-мачта, в которую, видимо, и ударила молния. Пираты — те, кто остался на ногах, — метались по палубе, торопясь потушить занявшиеся сразу в нескольких местах пожары. Неузнаваемо помолодевший Бобур-оглы стоял на коленях, сжимая в пригоршне пепел, оставшийся от роскошной бороды, — теперь подбородок и щеки его покрывали лишь клочки щетины и обильная копоть. В этой копоти виднелись извилистые дорожки — горькие слезы лились из глаз капитана.

— Нет! — повторил бедняга, ощупывая голые щеки. — Нет! Не может быть!

— Я думаю, нам следует удалиться, — деликатным шепотом произнес Архимед. — Мужские слезы не терпят свидетелей. К тому же котел уже достаточно остыл и можно заливать воду...

— Если Коллет не хочет продолжить экзекуцию...

— Зачем? Они теперь долго будут ремонтировать корабль. Да и не думаю, что они такие глупцы, чтобы повторить попытку.

— Хм... Я-то думал, ты разозлишься! В прошлый раз, когда тебя называли... э-э-э... когда неодобрительно отозвались... э-э-э...

— Но он же сказал, что ему нравятся такие, как я! — вздернула нос ведьма. — Так что пусть живет!

— Иезус Мария! — Как-нибудь, когда обстановка будет поспокойнее, а настроение у Коллет добродушное, надо будет попросить ее составить список причин, по которым она

может впасть в гнев. И выучить наизусть, не пытаясь понять логику.

Архимед выглянул на палубу и оповестил нас, что

«Медная Бочка» готова продолжать путь. Транквилл занял место на баке. Николас обмотал литье вокруг пояса, привязал другой конец к клюзу и обреченно побрел к борту — беднягу снова мутило. Мельничные колеса начали набирать обороты, и «Бочка» тронулась с места, оставив за кормой заходящее солнце и пиратский галеон с безутешным капитаном.

Я перевел дух — на этот раз все закончилось благополучно...

Как выяснилось уже через несколько дней, благоденствовал я напрасно. Последствия игры в чехарду с пиратами оказались куда более серьезными, чем мы могли предполагать. Можно даже сказать — катастрофическими. Впрочем, не случись той встречи, результат был бы тот же самый, просто дрова закончились бы на несколько дней позже.

Будучи теоретиком, Архимед допустил типичную ошибку кабинетных ученых — он точно рассчитал необходимое количество дров и загрузил их на «Медную Бочку» ровно столько, сколько получил в результате вычислений. Вернее, даже с запасом. С очень небольшим запасом.

— Не понимаю, — потерянно развел руками изобретатель в ответ на наши недоверчиво-возмущенные вопросы. — Ведь по моим расчетам получалось, что дров с лихвой хватит до любого порта Испании. Я даже учел вероятность того, что придется зайти в Средиземное море. Но мы не прошли и трех четвертей пути! Не понимаю...

— Я бы тебе объяснил, — вздохнул Николас, — но не вижу смысла. Все равно это знание тебе уже не пригодится в этой жизни.

— Попрошу обойтись без угроз! Я, между прочим, капитан этого судна!

— А он и не угрожает, — пояснил я. — Он констатирует факт. Дрова кончились. Парусного вооружения на корабле нет. Мы где-то посреди Атлантического океана...

— Я могу точно сказать где!

— Рядом с берегом?

— Нет, но...

— Тогда это неважно. Мы будем неспешно дрейфовать по течению. Если нам повезет, где-нибудь на ревущих сороковых нас накроет шторм — и мы быстро и сравнительно безболезненно утонем. Если нет — будем медленно умирать от жажды.

— Прекрати, Конрад... Отчаяние — худший из грехов!

— И это мне говорит ведьма? О времена, о нравы! — хмыкнул я. — У тебя есть подходящее колдовство? Может быть, ты сможешь разогреть котел магическим огнем?

— Не смогу, — виновато опустила голову Кол-лет. — Я могу вызвать огонь на несколько мгновений. При большом напряжении сил смогу удерживать огненную сферу минуты три. Но чтобы работал движитель, нужно постоянное, ровное пламя.

— А что-нибудь другое? Призрак паруса, как ты сделала на «Санта Вазелине»?

— Там была основа из порванных парусов, а здесь-то их и не было. Ничего в голову не приходит. Я могу, конечно, вызвать ветер, но без паруса толку от него...

— Понятно. И все-таки попытайся. Даже если мы будем двигаться к земле по миле в день, это все-таки лучше, чем дрейфовать неизвестно куда. Архимед, возьмите в помощь Николаса и Андрэ и разбирайте

палубу. И вообще все, что можно снять и пустить на дрова...

— Разломать «Бочку»? Не позволю! Это труд всей моей жизни!

— Ты хочешь, чтобы она стала последним трудом в твоей жизни? Если доберемся до земли, сможешь построить новый корабль. А вот если не доберемся, никто даже не узнает о твоём изобретении. Те, кто смеялся над тобой в Нехренаско-дель-Пуно, скажут, что были уверены в твоей неудаче. Хочешь сыграть им на руку? Ты должен добраться до цивилизованных стран хотя бы для того, чтобы паровой движитель не был потерян для мира!

— Да... ты прав! — воодушевленно сверкнул очками Архимед. — Андрэ, Николас, идемте! Я покажу, что можно демонтировать без опасности для плавучести корабля!

Мордаун проводил троицу взглядом и демонстративно похлопал в ладоши:

— Браво! Ты прекрасно владеешь основами магии влияния на людей. Ты уверен, что в тебе нет Силы?

— Понятия не имею, меня никто никогда не проверял,— пожал я плечами.— Да и не магия это. В животных магическая Сила не держится. Сам ведь знаешь.

— Я пошутил,— вздохнул Морган.— Когда мне страшно, я всегда пытаюсь шутить... Впрочем, ты не выглядишь напуганным или отчаявшимся. А мне вот страшно.

— А чего заранее бояться-то? — удивился я.— Сейчас-то с нами ничего страшного не происходит.

— Но ведь у нас почти нет надежды! Через две-три недели кончится вода!

— Морган, ну какой смысл бояться того, что с нами может случиться через три недели? Может, мы еще не доживем до этого!

— Я совершенно точно знаю, что глупость незаразна,— вздохнул крыс— Это подтверждают все медицинские и научные авторитеты, начиная с Авиценны. Но, глядя на вас с Андрэ, я начинаю в этом сомневаться.

Я рассмеялся.

— Ты почти угадал. Глупость Андре незаразна, но ей можно научиться. Я смотрю на нашего короля и учусь у него.

— У него? Учишься?

— Именно. Ты бы тоже присмотрелся к нему — глядишь, что-то поймешь. А пока тебе от твоей мудрости одни неприятности. Что называется, горе от ума.

Оставив Моргана размышлять над этими словами, я отправился в трюм проводить Иголку. Лошади уже были в курсе случившегося — Транквилл постарался. Иголка, как и подобает истинному солдату удачи, восприняла известие философски. А вот братьев дестриэ новость просто подкосила. Максимилиан и Артур как-то разом съежились и заметно скисли.

— Боятся, что вы их съедите,— хмыкнула Иголка.— Идиоты.

— Я?!

— Ну не вы лично, а люди. Наслушались рассказов о том, как во время крестовых походов рыцари от голода своих коней съедали, вот и трясутся. Особенно опасаются его величества.

— Просто они — придворные кони и сроду в переделках не были. Ты бы успокоила их!

— А я и успокоила,— гордо потрянула гривой лошадь.— Объяснила, что это не Палестина, это океан.

Здесь мы все раньше умрем от жажды, чем от голода. Но они почему-то расстроились еще больше.

— Умеешь ты найти нужные слова.— Я повернулся к остальным лошадям: — Эй, послушайте! Вы совершенно напрасно паникуете. Мы ищем выход и, разумеется, найдем его. Я уверен в этом.

Тут люк распахнулся, и на трапе возникла громадная фигура Андрэ. В руке гигант сжимал топор:

— Капитан, вот вы где! А я уж начал беспокоиться, не бросились ли вы от отчаяния за борт!

— Ну что за глупости тебе в голову лезут!

— Ага! Я тоже себе потом сказал — глупости какие! Вы ни за что топиться не стали бы! Коты воду ужас как не любят!

— Иезус Мария! Ладно... Ты зачем меня искал-то?

— А? А! У Архимеда появилась идея, как нам спастись! Хочет со всеми поделиться. Пойдемте... А! Только нам еще понадобится конь!

Я вздрогнул от сдвоенного глухого удара за спиной — Максимилиан и Артур дружно упали в обморок.

— Чего это они?

— Да так... — замялся я.— А зачем тебе конь?

— Эт не мне, эт Архимеду. Говорю же, придумал он что-то, только пока не говорит,—

развел руками Андрэ.— Он там что-то в своей книжечке корябает, а меня послал коня обмерить.

— А топор тебе зачем?

— Дык а чего? Я с детства привык топором все мерить. Удобно — один раз топор померил, и он у тебя всегда под рукой! В этом вот ровно четыре фута и два дюйма.

— Ох, уволь меня от воспоминаний детства! Ме ряй что ты там хотел, да пойдем послушаем, что Архимед придумал!

— Дык это... а как же я его померяю теперь? — развел руками Андрэ.— Архимед сказал — померить самого большого коня — сколько он высотой, когда стоит. А они оба лежат!

Я застонал сквозь зубы.

— Померяй лежащего, и идем!

Видимо, Андрэ что-то такое прочел в моих глазах, потому как молча бросился к бесчувственному Максимилиану и споро померил его от копыт до холки и от ноздрей до основания хвоста.

— Готово, господин капитан!

— Ну так чего стоишь? — Мне не терпелось узнать, что же придумал изобретатель. В сложившейся ситуации вполне простительное чувство, я считаю.— Пошли быстрее!

На палубе собралась уже вся наша «команда». Архимед записал результаты измерений, сделанных Андрэ, и надолго погрузился в какие-то вычисления. Мы в почтительном молчании наблюдали за процессом — не каждый день удастся посмотреть на настоящего изобретателя за работой. Особенный же пиетет внушал тот факт, что от результатов зависела наша жизнь.

— Хорошо! Очень хорошо! — Архимед поднял глаза от расчетов и довольно улыбнулся.— Я уверен, что это сработает!

— Что — это? Ну же, не тяните!

— Вот!

Изобретатель торжественно развернул свою книжечку для записей страницами к нам.

— Э-э-эм... Несомненно, это очень интересно,—

промямлил я.— Но я понятия не имею, что значат все эти закорючки.

— Это не закорючки, безграмотное вы животное! Это формулы! — обиделся Архимед.— Здесь выведено доказательство того, что моя идея реализуема!

—А за животное можно и когтями по физиономии!

— Я рассматриваю все явления с точки зрения науки! — надменно вздернул бровь изобретатель.— Вы являетесь котом, а коты и кошки — животные. То, что вы умеете говорить, еще не делает вас человеком! Что лишний раз подтверждается тем обстоятельством, что грамота вам недоступна.

— Ах ты... ты... — Я задохнулся от гнева.

— Спокойно, спокойно! — Коллет бесцеремонно ухватила меня за шиворот и тем спасла наглеца от немедленной расправы.— Архимед, вы ошибаетесь относительно Конрада! Он вовсе не от рождения кот, он и человеком был не особо грамотным.

— Спасибо, Коллет! — ядовито прошипел я.— Умеешь найти доброе слово для старого друга!

— Я всего лишь хочу, чтобы вы отложили выяснение отношений до более благоприятных времен. Кстати, я тоже не понимаю смысла вашего изобретения. Судя по формулам, вы высчитали скорость, которую приобретет корабль, если колеса будут вращаться с определенным усилием. Но где вы возьмете источник этого усилия?

— О! Так ведь это самое простое! Источник всю дорогу находился у нас под ногами!

*Запись в путевом дневнике Конрада фон Котта
от 2 сентября 16... г. от Р. Х.*

Чуть не погубив нас своей чрезмерной приверженностью к точным цифрам, Архимед же и нашел гениальное решение, спасшее нас в этой — казавшейся безнадежной —

ситуации.

Примечание на полях. Ну насчет гениального решения — это, конечно, гипербола.

— Это неслыханный позор! Злая насмешка над моей благородной кровью!

— Не вижу никакого позора,— пожал я плечами.—Работа как работа.

— Вот именно! Работа! Капитан, вы, простите за дерзость, рассуждаете как простолюдин! Дворянин не должен осквернять себя работой! Тем более такой низкой!

— Да что в ней такого низкого-то?

— Вам не понять, вы не конь! — всхлипнул Максимилиан.— Крутить колесо — работа для ишаков, мулов и деревенских кляч! А я... а мы с братом — рыцарские кони!

Я дождался, пока Максимилиан пройдет круг и вновь окажется мордой ко мне, и попытался его утешить:

— Знаешь, один из моих родственников по материнской линии подался в монахи. И, надо признать, он просто создан был для этой стези. Даже в детстве он отличался прямо-таки нездоровой богобоязненностью — ни разу не лазил с нами по чужим садам, не кидал камнями в бродячих музыкантов и вообще не врал, за что, помнится, мы его сильно не любили и регулярно устраивали ему «темную». Так что самое место ему было в келье. Однако, при всей своей набожности, одержим он был одной страстью, которая, впрочем, у всех фон Коттов является семейной чертой, почти семейным проклятием. Я имею в виду наличие некой метафизической субстанции, не дающей представителям нашего рода подолгу пребывать в покое. Говоря по-простому, имелось у него наше родовое «шило в заднице». А потому, вместо того чтобы спокойно жить-поживать в каком-нибудь монастыре, подался мой родственник в миссионеры. Долго о нем не было ни слуху ни духу, а потом как-то довелось мне встретить его в Риме, где я сопровождал одного вельможу и куда мой родственник прибыл по личному приглашению папы. Да-да, представь себе — труды его по обращению туземцев в христианство были столь высоко оценены, что о нем даже узнал Святой престол. Так вот, засиделись мы с ним тогда в трагтории основательно, и родственник мой слегка расслабился от нежного итальянского вина. И, расслабившись, продемонстрировал мне, что скрывали рукава и ворот его рясы.

— И что же это было? — поторопил меня Максимилиан, сделав очередной круг.

— Татуировки! Его руки от запястий и выше покрывал сплошной рисунок! Такой же рисунок начинался от шеи, и, как сказал мой родственник, этот рисунок покрывал все его тело вплоть до ступней. И хотя продемонстрировать его не позволили приличия, у меня нет оснований не доверять доблестному миссионеру. Судьба и стремление нести свет Истины занесли его на один из островов Новой Зеландии, где принято носить такие татуировки вместо одежды. Человек без такого «костюма» там и за человека-то не считается. Вот ему и пришлось пойти на эту процедуру. Надо заметить — еще и весьма болезненную. Мораль же сей истории была высказана добродетельным миссионером в ответ на мой неделикатный вопрос: как же он согласился на подобное непотребство? «Недвусмысленная опасность быть съеденным очень способствует широте взглядов!»

— Очень интересная история,— пробормотал дестриэ.— А кстати, ведь на корабле еще есть запасы человеческой еды?

— Ну-у-у как сказать,— задумался я.— На какое-то время еще хватит. Вопрос в том, сколько нам еще плыть.

— Да, я понимаю,— дрогнувшим голосом пробормотал конь и прибавил ходу.

Идея Архимеда оказалась на самом деле более чем простой. Не знаю, зачем ему понадобились те закорючки писать, из-за которых он на меня взъелся? Сколько я видел на своем веку мельниц, колодцев, рудничных подъемников и прочих механизмов, которые приводили в движение вращающие колесо лошади,— все они были построены без всякой алгебры. Лошадь ходит по кругу и вращает колесо, оно передает усилие на ворот, от которого через какой-нибудь передаточный механизм вращается вал с закрепленными мельничными колесами. Ход, конечно, не такой резвый, как давали духи воды, но уж лучше плохо плыть, чем никак.

На самом деле я совершенно напрасно дразнил Максимилиана. По расчетам Архимеда, мы уже приближались к Европе и вот-вот должны были увидеть на горизонте побережье Испании. Отправляясь в путь, мы планировали войти в Средиземное море и подняться до Картахены, а то и не рисковать вовсе и плыть до Марселя. Однако переход на конную тягу спутал планы, и на общем совете мы решили идти в ближайший порт.

Еще через четыре дня Транквилл, бывший в тот момент на вахте, встрепенулся, замолотил крыльями и заорал: «Земля!» А еще раньше я уловил сложную гамму запахов и звуков, что свойственны большим городам.

— Это Кадис,— внюхиваясь в сложную смесь запахов, сказал я собравшимся на баке спутникам.— Сомнений быть не может.

— Что будем делать? — Николас сквозь плащ погладил рукояти пистолетов.— Что-то мне подсказывает, что инквизиторы не забыли выступления Кол-лет в таверне. Может, лучше поискать гавань поспокойнее?

— На территории Испании нам нигде не будет спокойно,— возразил Морган,— Не будьте наивны! У инквизиции есть способы отслеживать своих врагов, где бы те ни находились.

— Морган прав,— кивнула ведьма.— Вспомните, мы ведь в прошлый раз провели в Кадисе всего один вечер, нигде особо не маячили, а уже утром нас ждала засада.

— Значит, решено, высаживаемся в порту и, не задерживаясь, покидаем город,— подытожил я.— Наше преимущество в скорости и неожиданных решениях.

— Да! Мы будем как Александр Македонский! — неожиданно заявил Андрэ.

— Ты о чем? — растерялся Морган.

— Пришел, увидел, убежал! — гордо поделился историческими познаниями его величество.

— Во-первых, это слова Цезаря,— наставительно поднял палец вверх Архимед.— То есть, конечно, это не его слова, он сказал иначе...

— Ну а раз иначе, чего цепляешься? — возмутился Андрэ.— Цезарь твой так сказал, а Македонский — так.

— Но Македонский такого не говорил! — попытался вступить за честь земляка Аннунакис.

— А ты что, знаешь все, что он говорил? Вот и не суйся со своим Цезарем. Мне Анна приказала каждый день слушать, как читают всякие умные книжки. Она хочет, чтобы я был просвещенным монархом. Так что я про Македонского все знаю!

— Иезус Мария... — простонал я.— Хватит спорить! Неважно, говорил эти слова Македонский или нет, но действовать мы будем именно так! А потому выводите лошадей на палубу, седлайте и собирайте вещи. Как только спустим трап, не задерживаясь, скачем прочь из города. Архимед, решать все вопросы с портовым начальством придется тебе. Думаю, та скромная сумма, которую приготовил Андрэ сверх оговоренной в контракте, поможет решить все проблемы. А у инквизиции к тебе не должно быть претензий — ты ведь не знал, кого везешь.

— Если ваше изобретение никого не интересует здесь, приезжайте в Гремзольд, — добавила Коллет.— Правда, у нас нет моря, но, как мне кажется, корабль с не зависящим от ветра двигателем будет даже более востребован в речном судоходстве.

— Даже не знаю.— Архимед бросил косой взгляд на Андрэ.— Мне кажется, мы не сработаемся!

— Это неважно. Вам придется иметь дело с королевой. Думаю, с Анной вы легко найдете общий язык.

— Будем считать, что попрощались,— крикнул я, запрыгивая в седло Иголки. Берег приближался.— Отвязывайте Артура! Все в седла!

«Медная Бочка», постепенно замедляя ход, величественно проследовала мимо кораблей, команды которых, побросав работу, таращились на невиданную конструкцию, и уткнулась носом в причал. Архимед спустил сходни, и мы не оглядываясь поскакали прочь.

Вернее, попытались поскакать. Узкие, словно ущелья, улочки кипели деловой портовой жизнью, и лошадям сразу пришлось перейти на шаг.

— Ничего,— проворчал я успокаивающе.— Главное — миновать крепость. Я чувствую себя на этом полуострове как крыса в крысоловке!

— Попрошу без обобщений!

Коллет только мученически закатила глаза и направила лошадь сквозь толпу. Как ни странно, нам удалось спокойно миновать город. Мы уже подъезжали к крепости, когда нехорошее предчувствие заставило шерсть у меня на спине стать дыбом. А в следующее мгновение предчувствие оправдалось самым вульгарным образом — прямо перед нами на перекрестке выкатилась телега и замерла, перекрыв дорогу. И тут же из домов и соседних улочек высыпали копейщики вперемишку с арбалетчиками. Мне оставалось только воздать должное грамотно организованной засаде — два удара сердца, и мы были полностью окружены.

— Не советую этого делать,— предостерегающе произнес знакомый голос — Солдатам приказано стрелять, если ты хоть пальцем шевельнешь!

Коллет медленно опустила руки. Завихрившийся было над ее головой темный туман рассеялся. Из-за телеги выглянул тот самый инквизитор, который пытался нас схватить в первое наше посещение Кадиса.

— Правильное решение. Сказать по правде, меня вполне устроило бы, окажи вы хоть сопротивление. У меня и без вас полно дел. Впрочем, поимка столь известных преступников живыми поднимет мой авторитет.

— Когда это мы успели стать «столь известными преступниками»? — поинтересовалась Коллет.— Помнится, в нашу предыдущую встречу ты понятия не имел, кто мы.

— Курии виднее, кому и сколько знать,— важно ответил инквизитор.— В тот раз мне просто сказали задержать приезжих колдунов. В этот раз я знаю о вас все.

— И то, что, задерживая нас, ты покушаешься на особу королевской крови? — выложил я козырь. Без особой, впрочем, надежды.— Ты рискуешь втянуть Испанию в войну!

— Не смей меня, малефик! В этом громиле столько же королевской крови, сколько в коне, на котором он сидит! Да и чем может грозить ваше карликовое королевство Испании?

— Надо же,— удивленно пробормотал Максимилиан.— Оказывается, его величество и правда благородного происхождения! Уж инквизитор-то знает, что говорит!

— Ты прав, Максимилиан! Совершенно недопустимо, что этот наглец оскорбляет его! — возмутился Артур.— Его следует примерно наказать!

И прежде чем я успел вмешаться, оба дестриэ сорвались с места. Стражники, к счастью, тоже не успели отреагировать, а в следующий момент гигантские кони разметали их словно траву и сиганули через телегу. От такого трюка Андрэ, разумеется, вылетел из седла и закончил «примерное наказание» самостоятельно, хотя и не по своей воле. Затем все смешалось, один из копейщиков попытался схватить Иголку под уздцы, прекрасно обученная лошадь ловко нанесла удар передними копытами, потом брыкнулась, меня вышвырнуло из седла, но я удачно приземлился на цветочные ящики под каким-то окном.

— Мои гортензии! Ах ты мерзкий коротышка!

Я обернулся и еще успел увидеть стремительно приближающуюся чугунную сковородку.

Запись в дневнике Конрада фон Кота

от 12 сентября 16... г. от Р. Х.

(Запись изъята святой инквизицией как содержащая секретные сведения и способная искусить незрелые души.)

— Облейте его водой!

Я хотел сообщить, что уже пришел в себя и надобность в обливании отпала, но опоздал и только зря наглотался воды. Люди часто удивляются отвращению, которое питают к водным процедурам коты. Увы, человеку не дано ощутить то, что испытывает приличный

кот, намокнув. Обычно не дано.

Я бы с удовольствием тоже обошелся без этого знания!

— О, гля — очнулся! Глазами лупает!

— Не отвлекайся, Бебе! Записывай внимательно! Третий пергамент уже испортил!

— Да это разве ж порча? Ножичком выскоблим, и будет как новый!

— А время, что я из-за тебя бездарно угробил, ты мне тоже назад отмотаешь?! Пиши уже, сморчок недоделанный!

— Что писать-то, ваше преподобие?

— Вышеупомянутый малефик, будучи окруженным стражей, подлым образом науськал на верного сына церкви отца Элпидио своих спутников. В числе оных пребывал и король Гремзольда, несомненно вовлеченный в непотребные дела обманом и колдовством. В последовавшей затем ожесточенной схватке причинен был немалый ущерб как городской страже, так и лично отцу Элпидио, коего король Андрэ Первый Могучий сильно ушиб седалищем и коего жестоко покусали кони. Добрейший отец Элпидио из-за полученных травм находится на излечении в отдаленном монастыре, и, хотя тело вне опасности, дух его пребывает в упадке из-за пережитого унижения... Я не удержался и тихо хихикнул, вспомнив, как удачно приземлился Андрэ. Смеяться было больно — голова после злополучного удара болела. К тому же лапы мои закреплены были в петлях из толстой кожи, а сам я растянут на дыбе и обнажен — насколько это слово применимо к коту, — что, естественно, не прибавляло оптимизма.

— Что, колдун? Ты находишь физические и моральные травмы служителя Господа смешными? Воистину погрязла твоя душа во грехе и нуждается в очищении!

— Постойте, постойте! — От перспективы очищения, что бы там под этим ни подразумевал инквизитор, мне сразу расхотелось смеяться. — Вы совершаете большую ошибку! Я вовсе не колдун, не надо меня очищать!

Теперь настала очередь смеяться инквизитору. Бебе подобострастно подхихикивал.

— Не колдун? Да ты на себя посмотри! Говорящий кот — где это видано? Ты или колдун, или подручный демон, вызванный ведьмой... Да! Думаю, эта версия похожа на правду! Уж больно ведьма беспокоилась о тебе!

Коллет! Сердце испуганно сжалось. Значит, ее тоже схватили... Ну конечно схватили. Останься она на свободе, от этих стен бы уже камня на камне не осталось.

— Затрепыхался? — довольно произнес инквизитор, наблюдая за мной. — Я так и думал, что у вас не просто деловые отношения! Она ведь вызвала тебя, дабы ты ублажал ее? Какое падение нравов — отдаваться демону! Ну-ка расскажи мне, как ты это делаешь? Поподробнее, не упускай ни одной детали!

— Фу-у-у, гадость какая! — содрогнулся я. — Ваше преподобие, что у вас за извращенное воображение!

— И вовсе оно не извращенное! — обиделся инквизитор. — Я пишу научный труд! Он будет называться «История сношений женщин с дьяволом» и послужит руководством... э-э-э... то есть предостережением для слабых душ! А потому мне важно знать все до мельчайших подробностей.

— Да нету между нами ничего подобного! Совсем обалдели от своего celibата! И вообще, я же вам говорю — я не колдун и не демон. Я обычный человек, просто... э-э-э... один колдун превратил меня в кота. И все мои устремления с тех пор — всего лишь вернуть себе человеческое тело.

— Тебя это волнует? — с сочувствием произнес инквизитор. — Хочешь поговорить об этом?

Спас меня стражник, без стука ввалившийся в пыточную.

— Эта... ваше перпо... припа... перипадобье! — преданно вытаращившись, гаркнул он, обдавая комнату мощным запахом чеснока. — Там эта... жена графа Альфонсо. Опять желает исповедаться! Говорит — очень срочно!

— Мм... вот же незадача! — заломил холеные ручки инквизитор. — То ничего, то два

таких интересных случая одновременно! Ну, впрочем, ты ведь у меня все равно никуда не денешься, правильно? А графиня может передумать. Бебе, запри его в камере. Мы продолжим разговор вечером.

Дверь за инквизитором закрылась, Бебе — какой-то бесцветный рыхловатый человечек в серой сутане — ловко отвязал меня и тут же накинуд на шею петлю:

— Не дергайтесь, господин демон...

— Я не демон...

— Э нет. Его преподобие сказал — демон, значит, быть вам демоном. Да мне-то что, хоть демон, хоть колдун — конец один. Вот королька вашего, я слышал, отпустят. К королеве послали гонца, уж она любого своего-то выкупит обязательно. А вас сожгут. Потому как еще когда такая удача подвернется — красивая ведьма, демон в кошачьем обличье да иноземный еретик. Весь город соберется на таких посмотреть. Простому народу тоже развлечения нужны!

Я промолчал, но Бебе, похоже, не нуждался в собеседнике. Продолжая бормотать что-то себе под нос, он приволок меня в подвал, открыл решетку одной из камер и бросил меня внутрь.

— Конрад! Ты как?

— Я в порядке, меня даже не пытали,— поспешил я успокоить Коллет.— Если не считать пыткой общество преподобного. А ты? Тебя...

— Нет, меня тоже не тронули. Когда тебя оглушили, ты упал прямо под ноги командира стражи, и он пригрозил, что проткнет тебя, если мы не прекратим сопротивление.

— Проклятье! Из-за меня вам пришлось сдаться.

— Ну вообще-то нет,— невесело хмыкнул из угла Николас— Просто к тому моменту я уже расстрелял

все заряды, а его величество был оглушен падением, да и сами знаете — толку от него в драке...

— А я че?— смущенно прогудел Андрэ.— Я хотел помочь...

— Не обижайтесь, мой король, но из песни слова не выкинешь — вы упали в обморок, когда увидели, как Максимилиан кусает инквизитора.

— Он откусил ему ухо! — Даже в темноте было видно, как побледнел Андрэ.

— Всего лишь слегка пожевал... хотя крови и впрямь было много... Ну в общем, шансов у нас все равно не было.

— А ты, Коллет? Поджарила бы им бока!

— Если ты еще помнишь, мы отправились в экспедицию, чтобы вернуть тебе человеческий облик, а не для того, чтобы угробить тебя. Из тюрьмы можно выбраться, а вот с того света пока никто не возвращался.

— Я понимаю... но если... если тебя будут пытаться... — У меня слезы подступили к горлу.

— Не будут,— усмехнулась Коллет.— Я уже все выяснила про отца Бонифация.— Он сторонник новых веяний, гуманизма и вегетарианства. Пыткам предпочитает «беседу по душам».

— Только заключенные,— хмуро добавил Николас,— почему-то боятся этих разговоров сильнее, чем клещей и дыбы.

— Я их, кажется, понимаю.

— Вот-вот,— раздалось из камеры напротив.— Не бойся уязвляющих тело, как говорится. Его преподобие как раз из тех, кто всю душу высосет, прежде чем допрос закончит. Скорей бы уж меня осудили!

— Ну нам-то лучше не спешить,— вздохнул я.— Служка говорит, что нам планируют устроить аутодафе, и, как мне кажется, так и будет.

— Ничего,— беззаботно махнула рукой Коллет. — Теперь, когда мы вместе, нам ничто не мешает сбежать.

— Кстати, я все хочу спросить: где Мордаун?

— Мог бы и сам догадаться,— пожала плечами ведьма.— Исчез, как только началась драка. Храбрость никогда не была его сильной чертой.

— Это плохо,— вздохнул я.— Ты же понимаешь, куда он отправился? Он постарается опередить нас и выкрасть тинктуру у Анны. Проникнуть во дворец в облике крысы ему ничего не стоит. А когда он превратится в человека, к нему вернется его Сила, и я боюсь даже представить, что он натворит в Бублинге!

— Тогда тем более нет больше причин оставаться здесь! — решительно сказала Коллет, поднимаясь на ноги.— Нас держат в подвале, так что, думаю, проще всего будет обратиться к элементам земли...

Девушка подошла к задней стене, уперлась ладонями в каменную кладку и закрыла глаза...

— Странно... — пробормотала она через некоторое время.— Я не чувствую отклика. Ладно, попробуем что-нибудь из классики.

Но и пентакль, нарисованный по всем правилам геомантии, как растерянно оправдывалась Коллет, не вызвал у камней ни малейшей реакции.

— Ну что ж, я, кажется, достаточно рассердилась! — Коллет привычным жестом свела перед собою руки.

— погоди! нас же завалит!

— Не завалит.

По другую сторону решетки, заложив руки за спину, стоял отец Бонифаций. На круглом лице преподобного блуждала удовлетворенная улыбка, а маленькие глазки маслено поблескивали.

— Не завалит,— благодушно повторил инквизитор, покачиваясь с мыска на пятку и обратно.— Можете смело швырять огонь, или что вы там собирались делать? Можете даже попробовать сжечь меня.

— Проклятье... — выдохнула Коллет, опуская руки. Вокруг них даже не зажглось ни единой искры.— Освященная земля...

— Многократно освященная! — торжественно поднял палец преподобный.— Пинты и пинты святой воды и елея!

— Я же говорила — у инквизиции свои методы.

— Вот именно,— кивнул Бонифаций.— Ну что, дорогой демон, готов ли ты исповедаться мне... Хотя нет! Лучше начать с ведьмы... Или с еретика?

Николас показал инквизитору неприличный жест и отвернулся к стенке. Я подумал было, что преподобный его и выберет, но тот перевел взгляд на Андрэ и кивнул:

— Да, пожалуй, так и сделаю! Вы все останетесь со мной еще надолго, а вот его величество могут скоро выкупить. Мой долг доброго пастыря — успеть заронить в его душу семена истины. Стража!

— Эй! Не трогайте его! — возмутился я, пытаюсь загородить Андрэ от стражников.— Он-то тут при чем?

Как же мне иногда хочется всего на пару мгновений вернуть человеческий облик! Мне бы хватило этого времени, чтобы размазать этих увальней, сроду не бывавших в настоящем сражении, по стенам! Такие мысли крутились в моей голове, пока я приходил в себя после мощного пинка, которым меня походя одарил один из стражников. Когда камера перестала плыть перед глазами, ни стражников, ни Андрэ в ней уже не было.

— Дьявол! — беспомощно выругался я.— Я ведь не хотел брать его с собой! Бедняга совершенно не приспособлен к жизни...

— Андрэ не ребенок,— возразила Коллет.— Он взрослый мужчина, король, между прочим. Он в состоянии о себе позаботиться.

— Ты сама-то веришь в это? Да он хуже ребенка...

— Он же как-то жил все это время без тебя. Перестань вести себя как курица-наседка. Мы не твои цыплята! — сердито стукнула кулачком по коленке ведьма.— Такое отношение, в конце концов, просто унижает! Андрэ этого не замечает, а меня ты иногда прямо бесишь!

Мы равноправные партнеры!

— Кстати о цыплятах... а где Транквилл?

— Конрад,, я тебя когда-нибудь убью! Ты меня совсем не слушал?

— Эй, эй! Спокойно! Ты же сама заговорила о цыплятах!

— Безднадежный шовинист! — вздохнула Кол-лет.— А петух твой куда-то смылся, возможно, вместе с Мордауном, раз ты говоришь — он и его понимает,

— Нет, Гай на предательство неспособен. Возможно, он решил следить за Морганом. Хотя как он уследит за крысой? Эх... Лишь бы в суп не попал.

Тут наш разговор прервал далекий, но вполне отчетливый вопль. В нем было столько отчаяния и тоски, что я невольно содрогнулся:

— Иезус Мария! Что этот гад с ним делает?

— Знаешь... — недоуменно произнесла Коллет.— По-моему, это голос не Андрэ, а преподобного.

— Да-а-а,— протянул Николас, настороженно глядя в потолок.— Его величество вообще-то крепкий орешек, но я не ожидал, что он на такое способен. Мне казалось, жестокость ему чужда. Приступнуть в гневе — это да, но мучить...

В тюремном коридоре раздались торопливые шаги, решетка отворилась, и стражники впихнули в камеру Андрэ. Пошатываясь, к камере подошел отец Бонифаций. От его самодовольного вида не осталось и следа — волосы торчали дыбом, налившиеся кровью глаза сверкали и вращались как у одержимого, пухлые щеки ввалились. Вцепившись в решетку, он обвел нас безумным взглядом и прошипел:

— Вы все чудовища! Вы пойдете на костер! Завтра! Выпалив это, отец Бонифаций бросился прочь,

размахивая руками и что-то невнятно выкрикивая.

— Что у вас там случилось? — набросился я на Андрэ.— Что ты с ним сделал?

— Да ничего я с ним не делал,— недоуменно развел руками Андрэ.— Он сказал, что хочет поговорить по душам.

— Ну и?

— Ну мы и поговорили.

*Запись в путевом дневнике Конрада фон Кота
от 13 сентября 16... г. от Р. Х.*

Приходится признать, что резкие повороты судьбы в последнее время приводят меня в недоумение. Право слово, всего за несколько дней успеть сразиться с пиратами, с инквизиторами и оказаться на костре — вполне типично для настоящего ландскнехта! Но появление среди всех этих событий давно и благополучно забытого знакомого — это уже слишком!

— Обидно отправляться на костер в такой прекрасный день.

Я пожал плечами:

— Знаешь, Николас, по-моему, в той перспективе, которая открывается с этой повозки, любой день покажется прекрасным.

— Я об этом и говорю,— вздохнул Николас, уклоняясь от метко пущенного камня. Удавалось ему это не всегда, и из разбитого носа ярла уже капала кровь. Андрэ подбили глаз, мне попали в живот и в ухо. Только Коллет пока удавалось избегать камней, что бросали в нас собравшиеся поглазеть на аутодафе зеваки.

— По-моему, я крайне нелепо выгляжу в этом наряде,— вздохнула девушка, пытаясь поправить сползающий на нос колпак, разрисованный пляшущим! чертями.— Не могли придумать наряд поизящнее! Или хотя бы подобрать мой размер!

— Иезус Мария! О чем ты думаешь в такой момент?!

— Если женщина перестанет думать, как она выглядит, ее и сжигать не надо, — парировала Коллет. — Я еще не умерла! И даже не собираюсь!

— У тебя есть какой-то план? — оживился ярл.— Если так, то не стоит тянуть с его осуществлением! Мы уже скоро приедем!

— Плана пока нет,— призналась ведьма.— Эх, если бы не эти серебряные кандалы, я бы им устроила вторые Содом и Гоморру!

Коллет не упомянула также клетку, в которой мы были заперты, и четверых арбалетчиков, державших нас на прицеле. То ли храбрилась, то ли и впрямь не считала это серьезной преградой. Увы, предусмотрительный отец Бонифаций знал, как обезвредить ведьму.

Грустно покачивающий головой в такт шагам ослик выволок телегу с клеткой на площадь. Там уже высились три столба, обложенных дровами, и помост с несколькими креслами, видимо для первых лиц города. Публика попроще толпилась вокруг площади, оттесненная от места аутодафе кольцом стражников.

— Неужели им действительно интересно смотреть на сожжение живых людей? — с отвращением пробормотал ярл.— Эти люди безумны...

— Их можно понять.— Коллет попыталась вытащить руку из серебряного «браслета». Она занималась этим всю дорогу до площади — безуспешно.— Им кажется, что они участвуют в торжестве Добра над Злом. Они засвидетельствуют акт низвержения Зла и, духовно возвысившись, вернутся к скучной повседневности...

— Иезус Мария! Я не желаю, чтобы они возвышались за мой счет! Ты еще и инквизиторам найди оправдание!

— Я объясняю причины их поведения,— сердито проворчала Коллет, последний раз дернув рукой и выругавшись от боли.— Проклятье! Безнадежно...

Палач в кожаной шапочке, закрывающей половину лица, по очереди вывел нас из клетки и приковал к столбам. Видимо, городской совет поскупился на отдельный костер для такого маленького существа, как я, и меня приковали к одному столбу с Коллет. В толпе громко осуждали скарденность городской администрации.

— Сейчас самое время случиться какому-нибудь чуду,— дрогнувшим голосом произнес ярл.— Как вы считаете?

— Мой опыт подсказывает, что чудеса если и случаются, то плохие. Коллет... Андрэ, Николас... Простите меня! Если бы не моя затея...

— Перестань! — попыталась пнуть меня Коллет.— Не будь тряпкой! Чтобы я больше такого не слышала!

— Да, капитан,— кивнул Николас.— Если вы доведете меня до слез, я вам этого точно не прощу! Викинги должны умирать с достоинством! Берите пример с Андрэ!

— А? — Гигант удивленно покрутил головой.— Капитан, а чего это они? Зачем это?

На помост с торжественной неспешностью вышли представители городского совета. Дворяне, купцы, главы цехов... Разные внешне, все они смотрели на нас с одинаковым выражением брезгливой скуки. Похоже, мы не интересовали их даже в качестве развлечения.

— Господи, ну и рожи! — произнес Николас довольно громко. В толпе послышались смешки,— видимо, горожане не очень-то уважали своих управителей. Старикашка с геморроидальным выражением лица и кучей медальонов на груди, занявший кресло в середине, скривился и повелительно взмахнул рукой. На край платформы вышел отец Бонифаций с длинным пергаментом в руках.

— Неужели это он такое обвинительное заключение успел на нас составить? — подивилась Коллет.

— Я не против. Чем дольше он будет читать, тем дольше мы проживем.

— Ты так боишься смерти?

— Ну и боюсь, а что? — Я попытался пожать плечами.— Знаешь, я достаточно хорошо с ней знаком, чтобы бояться. Это только молокососы, ни разу не смотревшие в лицо безносой, могут ее не бояться.

— А что вы все о смерти-то, господин капитан? — жалобно заныл Андрэ.— Госпожа Коллет? Зачем нас здесь привязали? Вы что-то скрываете от меня?

— Да в общем-то уже ничего,— вздохнула девушка. На площади вновь появился палач. На этот раз в руках он держал горящий факел.— Андрэ, нас хотят сжечь за колдовство.

— Это как это? — Глаза короля удивленно округлились.— Нас? Сжечь? Вы шутите так, что ли?

Палач поспешил развеять его сомнения, поднеся факел к дровам, сложенным у нашего с Коллет костра. Сухие поленья легко занялись, я услышал, как потрескивает шерсть у меня на хвосте.

— Коллет... я так и не сказал тебе...

Андрэ взревел. Жилы у него на шее вздулись, плечи под балахоном сразу словно увеличились вдвое.

— Стреляйте! — завизжал с помоста преподобный арбалетчикам.— Он сейчас вырвется! Прострелите ему ноги!

Видимо, у стражников в головах не укладывалось, что человек может выворотить забитый в землю толстенный столб, потому они замешкались. Впрочем, Андрэ и не смог его выворотить — он его сломал. Над площадью на мгновение повисла изумленная тишина. В ней звонко лопнул металл — это гигант порвал цепь, скреплявшую его кандалы. В следующее мгновение Андрэ оказался рядом с нами. Отмахнувшись от замешкавшегося палача обломком столба, его величество мощным пинком отправил охваченные огнем поленья в толпу. Раздались вопли обожженных зевак.

— Стоять! — Инквизитор выхватил у оцепеневшего стражника мушкет и прицелился в короля.— Не двигайся, ты, чудовище!

Андрэ развернулся, но уже подбегали опомнившиеся стражники с арбалетами и мушкетами наперевес.

— Это была хорошая попытка, дружище,— попытался я утешить Андрэ.— Настоящий королевский жест...

Злорадная ухмылка Бонифация скривилась и медленно сползла с его лица. Преподобный изумленно уставился куда-то в сторону улицы, по которой нас везли из крепости на казнь. Оттуда доносился перестук копыт — несколько лошадей приближались галопом, среди них я различил тяжелые шаги дестриэ и знакомую поступь Иголки.

— Ваше преподобие,— подал голос геморройный старикашка, вставая,— что происходит? Это самое возмутительное аутодафе из всех, что я видел! Вы не могли организовать все как следует?

— Это что еще за... — не обращая внимания на старика, произнес преподобный, не отрывая глаз от улицы.— Этого не может быть!

В глубине улицы возникло движение — видно было, как панически взлетают голуби. Раздались испуганные вопли, зеваки бросились врассыпную, спасаясь из-под копыт бешено скачущих коней. А в следующий момент с противоположной стороны — на помосте — раздался оглушающий удар, в воздух взлетели переломанные доски, и сооружение, вместе с креслами и вопящей городской знатью опрокинулось, похоронив под собой и отца Бонифация, и большую часть стражи. В клубах поднявшейся пыли я различил силуэт, разительно напоминавший Андрэ. Только более грузный, словно слегка оплывший. Пыль осела...

— Бык? — не веря своим глазам, промямлил я.— Офигеть!

Громила, некогда служивший Мордауну одновременно личным секретарем, экзекутором, массажистом и бог знает кем еще, отряхнулся от щепок и целенаправленно двинулся в нашу сторону. Андрэ насупил и заступил ему дорогу. Оба здоровяка были сложены примерно одинаково, и силища в них гуляла равная, но Бык многократно превосходил Андрэ в опыте. Его величество практически не умел драться и победил Быка во время достопамятного штурма замка лишь благодаря неожиданности. Ну и еще — крепкой голове. Но сейчас шансов у Андрэ не было.

Гиганты разом остановились, когда между ними оставалось меньше шага, и уставились в глаза друг другу. Зеваки замерли, над площадью опустилась напряженная тишина, даже голуби перестали кружить и расселись по карнизам домов. Противники некоторое время сверлили друг друга взглядами, потом вполголоса обменялись парой фраз, подняли сжатые в

кулаки руки — толщиной с ногу нормального человека — и ткнули друг друга в грудь. И хотя такими ударами можно было проломить борт лодки, выглядело это вполне по-дружески. В толпе разочарованно засвистели.

— Все в порядке! — махнул нам рукой Андрэ. — Это господин крыс его привел!

— Не называй меня крысой! — немедленно завопил Мордаун, взбираясь на плечо Быка.

— Я бы не был так уверен, что все в порядке, — проворчал я. — Не может быть, чтобы Морган пришел нас освободить!

— Я сам себе не верю, — хмыкнул расслышавший мои слова Мордаун. — Ведь уже совсем наострил когти добираться в Бублинг самостоятельно, да вот услышал случайно, что вас сегодня будут сжигать, и решил посмотреть. Приятно же увидеть, как мучаются твои враги!

— Морган...

— Нет, правда, — смутился Морган. — Я и не думал вас спасать. Оно мне надо? Это все Бык...

— А его-то, кстати, ты откуда выкопал?

— Именно что выкопал, — явно обрадовался смене темы крыс. — Когда бой закончился, я решил проследить, куда вас отведут... На самом деле особого выбора у меня и не было. Если помнишь, меня вез Николас, и когда заварушка началась, этот безмозглый викинг сунул меня в седельную сумку и затянул шнурок.

— Это кого ты назвал безмозглым? — возмутился Николас. — Я для твоей безопасности старался!

— Для моей безопасности надо было вообще не ввязываться в драку, а увезти меня немедленно прочь! — возразил Морган. — Или хотя бы просто отпустить меня на землю, я сам бы убрался подальше. А так мне удалось выбраться из сумки, только когда лошадей поставили в конюшню крепости, где вас и держали в подвале. Ну я подумал — раз уж все равно меня туда привезли, почему бы не осмотреться? И, надо признать, это был просто знак судьбы! Осмотрел я верхние этажи, много чего интересного, кстати, узнал, и решил посмотреть на вас в камере. На лестнице учуял очень знакомый запах. Спустился еще на этаж ниже и вижу — Бык! Право слово, я чуть не разрыдался!

— Бык? В этой же крепости? Но что он тут делал? Морган с жалостью посмотрел на меня:

— Конрад, тебя, похоже, сильно пытали? Что делают в тюрьме? Сидел он там.

— А, да... мне доклад... гм... я случайно узнал, что

ты сбежал с каторги и подался в разбойники. Значит, попался на разбое?

— Да какое там! — смущенно почесал многократно ломанную переносицу Бык. — Не вышло из меня хорошего разбойника. Слишком уж я приметный. Ни проследить за жертвой скрытно, ни в засаду организовать. Только выберешь лоха пожирнее, начнешь его пасти — глядь, а следом уже отряд стражи топает. Ждут, легавые, чтобы на месте преступления сцапать... Стыдно сказать, докатился до того, что с голодухи попытался с лотка буханку хлеба украсть. Тут меня и повязали. И вот чего я так и не могу понять — мне в тюрьме надень как раз буханку хлеба выдавали! Вот где парадокс правоохранительной системы!

— Разумеется, я не мог оставить за решеткой лучшего массажиста, который только был в моей жизни!

— Это все прекрасно, но ты так и не объяснил, почему нам помог!

— Мы его убедили, — спокойно, как о само собой разумеющемся, сказала подошедшая Иголка. На спине лошади гордо восседал Транквилл. Максимилиан и Артур выглядели не менее довольными. — Вообще-то он хотел нас угнать!

— Деньги-то все преподобный конфисковал, — развел лапками Морган. — А Бык и на одного себя денег не может раздобыть. Вот я и подумал — вас все равно не сегодня завтра сожгут, не оставлять же лошадей врагу!

— Вот только не стоило сбрасывать со счетов меня! — проскрипел Транквилл. — Я

сразу понял, что замышляет эта крыса!

— А ты петух!

— Ну да, а что? — удивился Гай.

— Ничего, — проворчал Мордаун. — Как бы там ни было, думаю, хватит болтать. Конечно, вся городская верхушка сейчас где-то под этими обломками, а стража занята их вызволением, но дожидаться этого радостного момента, думаю, нам не стоит. В дороге наговоритесь!

— Как ни тяжело мне это говорить, но я согласен с Морганом. Нам лучше оказаться как можно дальше от Кадиса, когда завал раскопают.

Коллет, которая уже некоторое время что-то чертила на брусчатке и тихо напевала, закончила ритуал и нехорошо усмехнулась.

— Да, пожалуй. Хотя мне бы хотелось посмотреть на лица стражников, когда они увидят городской совет! Но нам надо спешить!

— Эй, Коллет! Ты что еще придумала?

— Небольшой подарок на память, — невинно округлила глаза ведьма. — Чтобы в следующий раз помнили, что осуждать на смерть невиновных — свинство!

Тут от завала послышались радостные крики — кого-то наконец откопали. Стражники помогли подняться дородному купцу, сидевшему, насколько я помнил, с правого края платформы. Купец оглушенно покачивался и озибался. Раздались испуганные вопли, спасатели прянули назад. Купец повернул в нашу сторону... гм... наверное, все-таки правильное будет назвать это лицом. В конце концов, рот, глаза и в целом вид физиономия сохранила вполне человеческие. Только вместо носа розовел натуральный такой свинячий пяточок. И уши увеличились и обвисли розовыми лопухами — тоже как у свиньи.

— У него еще и хвостик есть, только под штанами не видно, — ухмыльнулась Коллет. — Очень качественная иллюзия — продержится месяца два. Остальных я тоже не обделила. Пусть узнают на своей шкуре все прелести инквизиции. Ну а теперь можем ехать!

Запись в путевом дневнике Конрада фон Кота

от 24 сентября 16... г. от Р. Х.

Как хорошо наконец оказаться дома! И я еще имел наглость жаловаться на скуку оседлой жизни! Нет, ничего не скажу — путешествия и приключения необходимы, дабы кровь не застаивалась и глупые мысли в голову не лезли. Но где-то обязательно должен быть тихий островок, на котором можно остановиться ненадолго и перевести дух...

Обратный путь занял немного больше времени из-за Быка — приходилось объезжать стороной те города, в которых он успел прославиться своими неудачными грабежами.

К концу сентября мы наконец въехали в Бублинг.

Никто не заметил возвращения короля, да мы и не старались привлечь к себе внимание. Единственная мысль владела всеми нами — добрался ли до столицы Гарольд со спасительной тинктурой. Даже Андрэ проникся общим нетерпением.

— Давайте оставим заводных коней на постоялом дворе, а сами быстрее поскачем во дворец! Без багажа мы доберемся туда к полудню! А за лошадьми пошлем слугу!

— Не вижу особого смысла, Андрэ. У нас не такая серьезная поклажа, чтобы сильно нас задерживала. Я прекрасно понимаю твоё нетерпение и, поверь, искренне тронут. Но мы в лучшем случае выиграем час времени...

— Ну дык я же и говорю! К полудню поспеем, аккуратно ко второму завтраку!

— Иезус Мария! Опоздаем — прикажешь приготовить для себя что-нибудь...

— Да-а-а, — обиженно протянул Андрэ. — А то вы Анну не знаете! Она рассердится, скажет: нечего зря слуг гонять! Эх! Придется втихую на кухню пробраться и попросить у поваров разогреть что-нибудь.

— Ваше величество, — мягко проговорил Николас, — такие слова, право, странно слышать от человека, только что вернувшегося из далекого и опасного путешествия, в котором он ежедневно проявлял чудеса храбрости, рисковал жизнью и терпел лишения и голод. И, в конце концов, короля!

— А как бы ты поступил на моем месте?

— Я? — усмехнулся ярл. — Я бы стукнул кулаком по столу и сказал: «Я здесь король!» А потом сел бы в кресло, закинул ноги на стол и смотрел бы, как суетятся придворные. Станьте же наконец настоящим королем, Андрэ!

Я с тревогой покосился на Коллет, но ее, вопреки ожиданиям, эти слова совсем не рассердили. Я демонстративно вздернул бровь.

— Он, конечно, тупой шовинист, — хмыкнула Коллет, — но совет дал правильный. Уверяю тебя, если Андрэ хоть чуть-чуть изменится в эту сторону, Анна будет только рада.

— Что ж... Андрэ, попробуй! Действительно, пора уж взрослеть.

— Капитан, и вы туда же?! — взвыл король. — Почему вы хотите моей смерти?!

— Да с чего ты взял?..

— С чего? Да если я закину ноги на стол, Анна меня точно убьет!

— Безнадежен, — проворчал Мордаун. — На овцу без толку натягивать волчью шкуру.

— От овцы и слышу! — обиделся Андрэ. Повернувшись к Николасу, он неуверенно спросил: — А что делать, если Анна на меня рассердится?

— Этого не может быть, ваше величество. Муж отсутствовал все лето, вернулся из путешествия, в котором мог сто раз сложить голову, а она рассердится из-за такой ерунды? Не верю!

— Анна — умная женщина, — поддержала ярла и Коллет. — И она любит тебя. Скажу по секрету, ей не очень-то по нраву, что ты такой мягкотелый и безвольный. Любой женщине хочется, чтобы муж был крепким плечом, на которое можно опереться. Так что действуй смело!

— Хорошо! — Побледневший Андрэ решительно выпрямился в седле. — Раз вы все так говорите, я попытаюсь!

— Молодец!

— В конце концов, я плавал в Америку!

— Да!

— Был матросом на «Санта Вазелине»!

— Точно!

— Помог устроить революцию в Сан-Текилло!

— Вот-вот!

— Не испугался троллей!

— Э-э-э... ну об этой части твоих подвигов Анне лучше не знать...

— Я прошел джунгли! — не слышал меня неожиданно разошедшийся король. — Я король! Я Андрэ Первый Могучий! И я хочу свиную отбивную и много-много гречневой каши к ней! Нет! Две свиных отбивных! И мясную подливу! И чтобы никто не мешал мне вытирать тарелку хлебом!

— Безнадежен, — повторил Мордаун. — Конрад, на кой дьявол тебе такой король? Я понимаю, он тебе вроде как друг, хотя и не понимаю, как дворянин может дружить с простолюдином. Но ему ведь и самому такая ноша не по плечу. Ему бы лавочником обыкновенным быть — в самый раз. Помогите мне, и клянусь — я не буду мстить вашему приятелю, он будет жить спокойно в Бублинге в полнейшем достатке... — А как же Анна?

— Э-э-э... ну если подумать...

— Морган, вот только не ври, — ухмыльнулся я. — Анну ты не можешь оставить в живых и на свободе. Да она и сама с этим не смирится.

— Отказываешься, значит?

— А ты на что-то надеялся?

— Ты ведь ландскнехт! Наемник! Я могу дать тебе гораздо больше, чем Анна. Я ведь не собираюсь ограничиваться Гремзольдом, и мне понадобятся талантливые вояки...

— Морган, я бы мог попытаться объяснить тебе, в чем ты ошибаешься. Но думаю, это бессмысленно. Потому скажу кратко: иди-ка ты к черту с такими предложениями!

— Глупец! — махнул лапкой крыс. — Отказаться от великого будущего ради сельского

дурачка! Ты еще пожалеешь об этом разговоре!

— Ты ничего не забыл, Морган? — хмыкнул я. — Наше путешествие почти закончено, искомая тинктура в руках Анны, и только от нее зависит, станешь ли ты опять человеком или нет. Иголка, ступай в авангард отряда, не хочу больше слушать эту крысу!

— Не смей называть меня крысой! — донеслось мне вслед.

— Мне это не нравится, — проскрипел Транквилл, привычно сидевший на голове Иголки и слышавший

весь разговор. — Неужели Анна даст ему противоядие? Он же нас всех уничтожит!

— Если кто и знает Моргана не хуже Коллет, так это Анна, — возразил я. — Не забывай, что он был придворным магом долгие годы при отце Анны. И в лягушку именно он ее превратил. Так что она прекрасно понимает, какую опасность он может представлять.

— Да, но что она будет делать? Я пожал плечами:

— У нее было много времени, чтобы все продумать.

— Ненамного больше, чем у тебя. Ты сам-то что-нибудь придумал?

— Мне не хотелось бы прибегать к моему варианту, — признался я. — Это будет бесчестно.

— Люди! — развел крыльями Транквилл. — Придумали себе проблему, обозвали ее честью и носитесь теперь с этой честью как дурни с красным колпаком.

— Наверное, ты прав. Но именно такие вещи и делают нас людьми. Это что-то вроде твоего утреннего приветствия солнцу — трудно объяснить кому-то другому, зачем ты это делаешь. Так и с честью.

— Эй! Из нас двоих философ я!

— Конрад! — окликнула меня Коллет. — Хватит болтать. Мы уже подъезжаем!

Наш отряд миновал последний квартал и выехал на площадь перед дворцом. Несмотря на будний день, здесь царила обычная суета. По лестнице поднимались и спускались курьеры и чиновники, стояли в ожидании аудиенции посетители, разгуливали праздные зеваки, меж которых словно мелкие лодки сновали торговцы всякой мелочью с лотками на шее.

— Король! Король вернулся! — мгновенно разнеслось над площадью, и перед нами сам собой образовался широкий живой коридор прямо до лестницы дворца.

— Как это трогательно! — всхлипнул Андрэ. — Они любят меня!

— Скорее просто наслышаны о твоём мастерстве наездника и боятся, что ты кого-нибудь затопчешь.

— Конрад! — прошипела Коллет. — Мы столько сил потратили, чтобы внушить Андрэ уверенность!

— Ладно, ладно, — поднял я лапу примиряюще. — Извини. Я просто нервничаю...

Коллет ободряюще улыбнулась:

— Все будет хорошо.

А вот мне уверенности не хватало! При чем чем ближе были ворота дворца, тем сильнее меня трясло. Хорошо еще, что я ехал верхом и это не бросалось в глаза.

Мы спешили у лестницы, поручив коней набежавшим слугам, и вошли во дворец. Первым, уверенно и даже с некоторой надменностью, шагал Андрэ. Придворные нервно оборачивались и удивленно открывали рты, пораженные непривычным поведением монарха. По лестнице торопливо скатился церемониймейстер и, стукнув жезлом в пол, завел было:

— Ее величество королева...

Андрэ, панибратски похлопав его по плечу, прошел мимо и взбежал по лестнице навстречу спускающейся Анне. Королева пыталась выглядеть перед придворными невозмутимой и величественной, но блестящие глаза и пылающие щеки выдавали ее чувства.

— Ну, — я медленно и глубоко вдохнул, — вот он —

момент истины! Если тинктура здесь, мне недолго осталось носить эту шкуру! Сейчас все реши...

Андрэ, не обращая внимания на церемонно протянутую для поцелуя руку, схватил Анну в охапку и бросился вверх по лестнице. Обернувшись на ходу, он рывкнул:

— Эй, ты, с палкой! Завтрак в спальню немедленно! И мяса не жалеи!

Опешивший церемониймейстер растерянно кивнул.

Остальные придворные были ошарашены не меньше, некоторые фрейлины даже сочли уместным упасть в обморок. А уж как был удивлен я!

— Ну что, добились? «Мы так старались придать ему уверенности»! Да он ведет себя как тролль!

— Я думаю, Анна не сильно рассердится,— усмехнулась Коллет.— В конце концов, она ведь тоже полгода томила в одиночестве.

— Да я как раз и не боюсь, что она рассердится! Но готов поспорить на свои усы, что сегодня мы эту парочку уже не увидим. А я уже просто не могу ждать — сидеть всего в одном шаге от цели и ждать! Это невыносимо!

Увы, я оказался пророком. Что, впрочем, зная Андрэ и Анну, было не сложно. Ближе к вечеру от короля поступила еще одна весточка — он потребовал обед. В спальню. Когда стемнело, ужин слуги отнесли туда же.

— Что ж, я думаю, ждать не имеет смысла,— развела руками Коллет.— Лично я отправляюсь спать. Сто лет не спала в своей кровати!

— Я, конечно, не усну,— вздохнул я, спрыгивая с кресла в давно опустевшей приемной.— Но сидеть здесь и дальше не вижу смысла. Пойду к себе на чердак. Николас, ты ведь останешься досмотреть последний акт этой комедии?

— Не пропущу ни за что!

— Эй, дружище! — подозвал я дворецкого.— Отведи господ Николаса и... э-э-э... Быка в комнаты для гостей. И проследи, чтобы их устроили как особ королевской крови — это близкие друзья нашего короля!

— Это заметно, сэр! — с непередаваемой интонацией протянул дворецкий.— Осмелюсь предположить, что господин э... Бык, возможно, даже его родственник.

Посмеиваясь, я забрался на свой чердак и вытянулся на тюфяке. Нетерпение, мучившее меня весь день, удивительным образом отступило. Теперь я чувствовал себя как в детстве, когда откладывал полученный за обедом кусок пирога на потом, растягивая удовольствие, в предвкушении предстоящего пиршества. Так и сейчас я наслаждался ожиданием чуда. Ведь это моя последняя ночь в кошачьей шкуре! Наступит утро, и Анна отдаст мне тинктуру. Я выпью ее и превращусь в человека. Я снова смогу без проблем стоять на задних лапах... тьфу, черт!.. на ногах конечно же! Смогу держать в руках оружие, смогу наконец обнять женщину...

А ведь это — последняя моя ночь на этом чердаке! Хотя я и не отличаюсь богатырским сложением, но в человеческом облике мне здесь будет тесно. И с воронами мне больше не поговорить. С хитрым Карнелиусом... Да ведь и Транквилла я перестану понимать! И Иголку! Черт... Я встал и нервно прошелся по чердаку. Нет, не то чтобы мне расхотелось превращаться в человека — глупости, конечно, это желание по-прежнему оставалось самым сильным моим желанием! Но... мне будет не хватать разговоров с прямолинейной, но по-своему мудрой Иголкой и болтовни Транквилла. Мне будет не хватать и разговоров с другими зверями и птицами. Я стану человеком, самым обычным человеком... Как-то не по себе от этой мысли!

Мои невеселые размышления прервал тяжелый удар, сотрясший, казалось, весь замок. Я бросился к люку, но последовавший за ним еще более мощный толчок сбил меня с ног. Какого дьявола? Землетрясение? В Бублинге? В следующий момент удар раздался где-то рядом, буквально у меня под ногами. Слышно было, как рухнула дверь в кабинете Коллет. Я бросился к щели в полу и увидел, как в развороченный дверной проем входит Бык.

Проклятье! Конечно же Анна отнесла тинктуру в кабинет придворного мага, где никто из слуг гарантированно ничего случайно не выбросит, приняв за ненужный мусор. И Мордаун первым догадался, где искать противоядие! Я протиснулся в щель, спрыгнул на

поперечную балку под потолком и затаился. Мне уже довелось побывать в «объятиях» Быка, и я не испытывал желания повторить тот опыт. Но что же делать? На шум должна прибежать стража, но сколько им понадобится времени?

— Вот оно! — торжествующе пропищал внизу Морган. Он стоял на столе рядом с медной фляжкой с запечатанным свинцом горлышком. — Бык, откупори ее немедленно!

Бык только невнятно что-то буркнул. Тут прибежали наконец несколько стражников, громила перегородил им путь, отбиваясь креслом. Оценив ситуацию, Морган принялся деловито грызть свинцовую пробку.

— ДОБЫЧА! — зачем-то издал я боевой вопль свободных котов Бублинга и, выпустив когти, прыгнул со своего наблюдательного пункта вниз. Мордаун успел отскочить, но выпущенная им фляжка покатила по столу в сторону сражающегося Быка. За спинами стражников появилась тощая фигура Николаса. Мгновенно разобравшись в происходящем, ярл разрядил в Быка оба пистолета. Выстрел был точным, но, на беду, в этот момент один из стражников сумел ударить Быка древком копья в пах. Гигант инстинктивно согнулся, и пули лишь оцарапали его бритый череп. Среагировал Бык мгновенно, схватив одной рукой фляжку с тинктурой, а другой — Мордауна, он спиной вперед выбросился из окна. Николас успел провернуть стволы на пистолетах и выстрелил ему вслед, но опять не попал.

— Проклятье! Я два раза подряд промазал!

— Не до того сейчас! — Я бросился к окну.

— Ты о чем? Он наверняка разбился...

— Как же! Жди! — Выглянув в окно, я убедился, что за прошедшие полгода под окнами вновь выросла мусорная куча, и перелез через подоконник. — Скорее разбуди Коллет...

— Ты сума...

Не дослушав Николаса, я прыгнул вниз. Время словно бы замедлилось, и я успел разглядеть, как в мусорной куче возится, пытаюсь подняться, Бык. Я шлепнулся рядом и быстро откатился в сторону. Впрочем, громила все равно не смог бы меня поймать — падение не прошло для него даром, своим весом он пробил кучу насквозь и, видимо, изрядно расшибся. Во всяком случае, двигался он неуверенно, а правая рука висела как плеть. Тем не менее фляжку с

тинктурой он не выпустил. Из мусора, отплевываясь, выбрался Мордаун.

— Ты! Предатель!

— Не мели ерунды, — возразил Морган. — Предать может соратник или друг. А я вам всегда был враг, так что ни о каком предательстве речи быть не может.

— Но у нас был уговор!

— Не смей меня! Ты же сам постоянно думал, как бы обойти его и обмануть меня! Но я оказался умнее, что, впрочем, неудивительно. Последний раз говорю — присоединяйся ко мне, и тебя ждет великое будущее!

— Иди к черту!

— Как хочешь! Бык, убей его!

Пришедший в себя гигант двинулся было ко мне, но тут же метнулся в сторону. В следующее мгновение в то место, где он стоял, ударила молния.

— Стоять! — донеслось сверху. Подняв голову, я увидел в окне башни Коллет. — Морган, сдавайся!

— Ни за что! — взвизгнул крыс, запрыгивая на плечо Быка. — Бежим!

Несмотря на полученные ушибы, громила быстро набрал приличную скорость. Я с трудом успевал за ним — увы, кошки неспособны долго и быстро бежать! Когда я начал уже выбиваться из сил, меня вдруг подхватила чья-то рука — и в следующее мгновение я оказался на плечах у Андрэ. Его величество мчался огромными прыжками, ночная рубашка с кружевным воротом развевалась за его плечами словно флаг идущей в наступление армии. Я оглянулся — Коллет и Николас мчались следом, едва поспевая за королем.

Бык явно направлялся в Нижний Город. Непонятно было только, на что он

рассчитывал. Рано или поздно ему придется остановиться — он старше и толще Андрэ и не сможет состязаться с ним в выносливости... Но ему всего-то и нужно выиграть немного времени для Мордауна! Правда, со сломанной рукой он не сможет быстро распечатать фляжку. На что же он надеется?

Дорога пошла под уклон, и я понял расчет Быка! Внизу была видна пристань и качающиеся на волнах лодки.

— Николас, стреляй! Не дай ему сесть в лодку! — завопил я.

Ярл послушно вскинул пистолеты, но стрелять на бегу — дело нелегкое, обе пули ударили в дорогу позади Быка. Две другие ушли выше.

— Не могу, — задыхаясь, просипел Николас — Слишком темно!

Проклятье, я и забыл, что на дворе ночь и это только для меня Бык словно на ладони!

— Коллет, подожги лодки!

— Я их не вижу! Слишком темно!

— Бей наугад!

Молния ударила в причал, проломив изрядную дыру, но лодки не задела. В следующее мгновение Бык достиг пристани и запрыгнул в первую попавшуюся лодку. Когда мы выбежали на причал, он был уже в сотне ярдов от берега. Коллет свела руки, готовясь вновь ударить молнией.

— Стой! Не надо!

— В чем дело? Он же уйдет!

— Ты потопишь лодку, а вместе с ней и флягу с тинктурой. — Я беспомощно развел руками. — Мы проиграли.

— Что тут у вас происходит? — проскрипел позади нас сонный голос. Из бочки высунулась всклокоченная голова. Я догадался, что это и есть последователь Диогена, о котором когда-то упомянул Рваный. — Прекратите это безобразие немедленно! Тут люди спят, между прочим!

— Дьявол! — выругалась Коллет и встряхнула руками. Вместо молнии с ладоней у ведьмы сорвались два светящихся шара, медленно поплывших к лодке. — Сможешь пристрелить их?

— Легко, — хмыкнул Николас, поднимая пистолеты.

Щелк! Щелк!

— Я же сказал, прекратите это безобразие! — сердито повторил отшельник, выбираясь из бочки. — Никто тут больше стрелять не будет!

— Мэтр Бахус? — приглядевшись к неожиданному миротворцу, воскликнула Коллет. — Это вы?

— Бахус? — Я так и сел, узнав в заросшем бородой оборванце мага, которого безуспешно искал всю зиму. — Ты все время был здесь?

— Э-э-э, а мы знакомы? — Мэтр покопался в лохмотьях и, выудив очки, водрузил их на нос — А! Ты ведь тот самый кот! А вы, сударыня... ваше лицо кажется мне знакомым, но память у меня уже не та...

Раздавшийся с середины реки смех заставил нас обернуться. В лодке стоял Морган — в своем настоящем, человеческом виде — и радостно хохотал, разглядывая руки. Бык торопливо сорвал с себя рубаху и накинул на патрона, скрывая его уродливую наготу. Мордаун, казалось, даже не заметил этого. Окинув нас торжествующим взглядом, он демонстративно перевернул открытую фляжку над рекой и потряс ее.

— Все, Конрад! Видишь, больше у тебя нет никакой надежды! Зря ты отказался от моего предложения. Могу только пообещать — твоя смерть будет легкой.

— А это же вроде Морган Мордаун? — с интересам разглядывая мага, спросил нас мэтр Бахус. — Что он там кричит?

— Если не вдаваться в подробности, — вздохнул я, — он собирается всех нас перебить.

— Кишка у него тонка, — зло усмехнулась Коллет, делая шаг вперед. — Тинктура все равно уничтожена, так что жалеть эту парочку не вижу смысла.

— Не стоит,— мягко произнес мэтр Бахус, кладя руку на плечо ведьмы.— Ты слишком молода, не отягощай свою душу убийством.

— Что же, ждать, пока он нас убьет?! — сердито проворчал Николас, сжимая ставшие бесполезными пистолеты.— Он-то не побоится душу отягощать!

— Нет, почему же ждать? — пожал плечами мэтр Бахус— Но убивать необязательно.

Морган вскинул руку в знакомом жесте, в тот же момент раздался негромкий хлопок, и лодку вместе с магом и Быком затянуло в воздушный водоворот.

— Вот и все,— развел руками мэтр Бахус— И убивать никого не пришлось!

— Да он же владеет этой магией! — возразила Кол лет.— Он сейчас вернется.

— Не думаю. Я переместил его не только в пространстве, но и назад во времени... Очень далеко назад. Морган талантливый маг, но он слишком прямолинеен, потому может перемещаться только в пространстве. Пусть посидит в прошлом, успокоится. Может быть, и поумнеет.

— Мэтр... А ведь мы искали вас все это время!

— Меня? — удивленно воззрился мэтр Бахус на ведьму.— Но зачем? Я все время был здесь. На самом деле я отправился сюда прямо из Куаферштадта. Как-то сразу пришло в голову — Бублинг городок спокойный, самое место, чтобы предаваться размышлениям. Сначала я поселился было в одном из брошенных домов, но потом понял, что это уже привязанность к имуществу, и переселился в эту бочку.

Я рассмеялся — как все просто! Наши агенты искали мага, и, разумеется, им и в голову не пришло, что тот будет вести образ жизни обычного бродяги!

— Но вы так и не сказали, зачем меня было искать?

— Помните, вы не смогли меня расколдовать и отправили к этой девушке?

— Э-э-э... смутно, но что-то такое смутно вспоминаю, да!

— У меня тогда оставался один день, чтобы избавиться от заклятия. И Коллет могла это сделать! Но вы ошиблись днем и перебросили меня в завтра!

— Ай-я-яй... — искренне расстроился мэтр Бахус— Это ужасно! Мне очень жаль...

— Да пустяки! — Я с трудом удерживался, чтобы не заплясать от радости.— Теперь мы нашли вас, ивы легко исправите ошибку!

— Но... как?

— Что значит — как? Отправите меня назад, в тридцать первое октября. А лучше — для верности — в тридцатое. И Коллет успеет меня расколдовать...

— Мне очень жаль,— грустно повторил мэтр Бахус,— но все не так просто.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что ж, милые дамы и уважаемые господа, как вы уже могли заключить по моему виду, мэтр Бахус не сумел вернуть меня в прошлое, дабы Коллет развеяла свое заклятие. Я не очень понял тогда его объяснения, да и сейчас не понимаю, ведь в магии я несилен. Мэтр Бахус объяснил, что все события в мире как бы связаны невидимыми нитями, которые он поэтично назвал Тканью Мироздания. Пока событие только произошло или само по себе не слишком значительно, к нему тянется мало нитей и его легко изменить при помощи магии. Но после того неудачного Хеллоуина, куда я хотел вернуться, произошло слишком много важных событий, в которых я принимал активное участие в обличье кота. И теперь этот факт так плотно вплетен в Ткань Мироздания, что изменить его не сможет никакая магия.

Вы что-нибудь поняли? Если да — вам повезло! Мне же удалось понять только одно — если мэтр Бахус попытается отправить меня в прошлое, я в лучшем случае просто исчезну. В худшем же весь мир может постигнуть катастрофа. В последнее я не очень-то верю, но рисковать своей шкурой мне как-то страшновато.

Таким образом, все вернулось на круги своя.

Андрэ и Анна продолжают править Гремзольдом.

Старания его величества измениться принесли некоторые плоды — он больше не

робеет перед прислугой и даже иногда находит в себе силы возражать Анне. В такие моменты на лице королевы появляется особое умильное выражение, и она позволяет Андрэ поступить как он хочет. Обычно последствия проявления королевской воли приходится долго ликвидировать всем государственным службам Гремзоляда, как это было с публичной поркой прибывшего из Испании посланца от святой инквизиции. Последствия этого решения Андрэ пришлось утрясать долго и муторно, пока не вмешался кардинал Пузорини, надавивший на какие-то свои рычаги в Риме. Тем не менее, чтобы погасить конфликт между странами, Кол-лет пришлось снять свое заклятие с городского совета Кадиса, о чем, собственно, и просил прибывший посланец. Так что теперь об удивительном событии в Кадисе напоминает только обидное хрюканье, которым горожане дразнят членов городского совета.

Николас вернулся на реку. Господин Ле Мортэ, узнав о его неприятностях с Ночным Магистром, лично посетил нового главу воровской гильдии и в приватном разговоре убедил того отказаться от любых претензий к ярлу Синебрюху. Никто не знает, что именно начальник Тайной Канцелярии сказал Ночному Магистру, а сам Герхард на мои расспросы лишь таинственно ухмыляется. Известно только, что после той беседы Ночной Магистр объявил, что любого, кто хоть пальцем тронет Николаса, он лично утопит в сортире. Так что Николас продолжает доставлять грузы по реке. Правда, уже не на лодке. Вскоре после Рождества в Бублинг прибыл Архимед Аннунакис, и Анна, как не трудно было предсказать, с большим интересом отнеслась к его изобретению.

Так что теперь Николас — капитан первого и пока единственного парохода, владельцем которого на равных паях является он сам, господин Архимед и Корона.

Мэтр Бахус вернулся в свою бочку и продолжает искать смысл жизни.

Коллет снова исполняет обязанности придворного мага, и, надо сказать, работы у нее хватает.

Ну а я вернулся на свой чердак.

Хоть это путешествие и закончилось для меня неудачей, в чем-то оно все же сильно изменило меня. Во всяком случае, ни о какой депрессии больше не может идти речь. Я твердо верю, что рано или поздно добьюсь своего. Пока не знаю как, но обязательно добьюсь! Недаром на моем гербе девиз: «Никогда не сдаваться!»